

Фз
Гзз

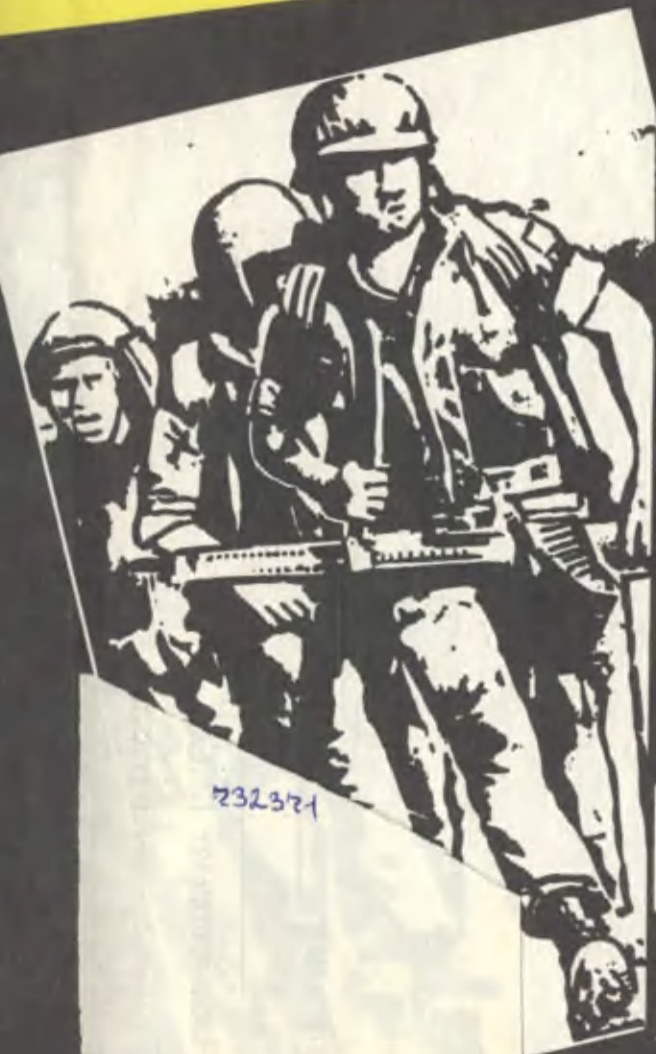
А.С. Грачев

ПОЛИТИЧЕСКИЙ

ЭКС

ТРЕ-

МИЗМ

732371

92

А.С. Грачев

ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЭКСТРЕМИЗМ

МОСКВА
♦ МЫСЛЬ ♦
1986

ББК 66.018

Г78

**РЕДАКЦИИ
ФИЛОСОФСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ**

Рецензенты:

доктор юридических наук

С. Л. ЗИВС,

доктор юридических наук

В. К. СОБАКИН

Г $\frac{0302020300-020}{004(01)-86}$ 64 - 86

ВВЕДЕНИЕ

«Третья мировая война, которую все представляли себе в виде ядерного апокалипсиса, уже началась и ведется в форме распространившегося на весь мир терроризма»¹. «Политический экстремизм стал преобладающей формой всех конфликтов нашей эпохи»². Подобными откровениями и изречениями заполнена в последнее время западная печать. Теме политического экстремизма посвящаются многочисленные книги и статьи, литературные произведения и даже художественные кинофильмы.

Это не удивительно, ибо в последние годы волны политического экстремизма захлестывают западный мир. Он приобретает различные формы — от провокаций террористических группировок крайне правого или левацкого толка до уносящих многие жизни преступлений политических авантюристов, превративших террор в инструмент государственной политики. Политический экстремизм превращается в опасное социальное явление, отбрасывающее зловещую тень на общественно-политическую жизнь капиталистических стран и оказывающее пагубное воздействие на современные международные отношения.

В последние годы печать, а также политическая и социологическая литература Запада заполнены многочисленными исследованиями и расследованиями причин резкой активизации деятельности различных течений политического экстремизма. Приводятся самые различные объяснения, строятся предположения и догадки. Тут и рассуждения о «мрачных врожденных инстинктах» и извечной, чуть ли не антропологически заданной «тяге человека к насилию», и рассчитанные на компьютерах выкладки об «электронном терроризме», порожденном уязвимостью современной «технотронной» цивилизации. Здесь же обильно подкрепленные примерами из далекого прошлого ссылки на издревле существовавший институт царубийства и тираноборства и объеди-

ненные на основе идей Фрейда в подобие социальной теории памятные случаи отцеубийств. Концепции, в которых экстремизм и терроризм выдаются за порождение и наследие тоталитарных и фашистских режимов, перемежаются с утверждениями о том, что эти явления представляют собой издержки так называемого общества вседозволенности и выступают как плата за ничем не ограниченную демократию, в которой якобы купается буржуазное общество.

В оценке современного политического экстремизма на Западе, его истоков, движущих сил и направленности сталкиваются различные, часто противоположные идейные позиции и классовые подходы. Чтобы затушевать вполне конкретное социально-историческое происхождение политического экстремизма, буржуазные идеологи изображают его чуть ли не универсальным, охватывающим все человечество явлением. Буржуазная политическая наука призывает население капиталистических стран «научиться жить с терроризмом», примириться с ним, свыкнуться с этим отвратительным явлением, порожденным углубляющимся кризисом капиталистического общества. Так, в документах одной из научных конференций, проведенной в США в конце 70-х годов и посвященной проблемам терроризма, предрекалось, что «терроризм станет интегральным аспектом современной жизни в глобальных масштабах»³.

Некоторые западные исследователи провозглашают политический экстремизм вечным, как мир. В доказательство этого они ссылаются на существовавшую еще на земле древней Палестины террористическую секту сикариев, действовавшую в Иерусалиме⁴, а также на многочисленные убийства, совершавшиеся в разные века религиозными фанатиками, организаторами дворцовых переворотов и даже заурядными пиратами. По мнению леворадикального западногерманского социолога, публициста и поэта Г.-М. Энценсбергера, экстремизм и терроризм — ровесники любой формы власти, ибо всякая власть, являясь «присвоением права на пролитие крови», порождает ответную экстремальную и столь же «кровавую» террористическую традицию. Экстремизм, таким образом, вписывается в схему «древних и сумрачных отношений между убийством и политикой»⁵.

Многие западные исследователи, напротив, толкуют проблемы современного политического экстремизма как совершенно новый общественный феномен, не имеющий аналогов в истории. Именно в особенностях современного «индустриального» общества, в его «анонимном» характере ищет корни экстремистских форм социального протеста известная английская исследовательница проблем политического насилия Х. Арендт⁶. Наряду с этим предпринимаются попытки объяснить распространение экстремистских настроений среди современной молодежи тем, что «терроризм разгоняет благополучную скуку общества изобилия, а то и просто представляет собой атрибут очередной моды»⁷.

Представители «технологической» школы «террологов», и в их числе профессор политических наук из университета в г. Лонг-Айленде (США) Р. И. Кларк, связывают причины широкого распространения экстремистских и террористических течений с повышенной уязвимостью современных сложных хозяйственных механизмов, которые предоставляют беспрецедентные возможности для шантажа значительных масс населения со стороны безответственных фанатиков. Некоторые леворадикальные идеологи пытаются усмотреть в террористических акциях молодых экстремистов проявление стихийного протеста против «общества потребления» и провозглашают их основной формой классовой борьбы и революционной деятельности в современную эпоху. Другие связывают подъем волны политического экстремизма в современном капиталистическом обществе с «новыми социально-экономическими и политическими структурами, генерирующими насилие»⁸.

По оценке итальянского социолога Л. Феррайоли, синдром терроризма и вооруженного насилия явился результатом стабилизации и политической интеграции социальных конфликтов, характерных для позднего капитализма, и представляет собой разновидность невроза⁹. К вариантам «невротического» обоснования природы политического экстремизма можно также отнести сформулированное еще в прошлом веке утверждение Ч. Ломброзо о том, что «терроризм — это косвенная форма самоубийства»¹⁰. Его повторяют современные буржуазные

исследователи, например английский социолог К. Уилсон, по мнению которого современное насилие — это своеобразная форма «невротического протеста личности» против различного рода давящих на нее стрессовых факторов и иррациональных условий жизни, к которым ей часто бывает трудно адаптироваться¹¹.

Но по мере того как выясняется, что при избылии различных толкований природы высокой активности политических экстремистов причины живучести этого феномена остаются невыясненными, в ход пускаются дополнительные, подчас самые неожиданные тезисы и аргументы. В ряде западных стран в последние годы исследовалась связь между активизацией выступлений террористов и показаниями барометра, фазами луны и засухами. В большой моде было измерение черепов террористов. Предпринимались неоднократные попытки создать с помощью статистики и компьютеров собирательный портрет, своего рода «фоторобот» современного экстремиста, учитывая возраст, социальное происхождение, состояние здоровья и физические данные членов различных экстремистских и террористических организаций¹².

Сотрудники междисциплинарной исследовательской лаборатории при федеральном министерстве внутренних дел ФРГ — социологи, политологи, психологи, юристы — попробовали составить персонограммы и психогаммы лиц, причастных к террористическим актам, однако однозначного ответа получить не удалось: социальное происхождение, семейные отношения, стиль воспитания и уровень образования оказались совершенно различными у членов террористических групп.

Ни френология, ни криминалистика не помогли до сих пор буржуазной политической науке выработать адекватное и всеобъемлющее определение корней и сущности современного политического экстремизма. Подводя итоги многочисленным попыткам западных политологов выйти за рамки простого описания этого явления, один из наиболее маститых исследователей проблем современного экстремизма и терроризма, директор венского Института современной истории В. Лакёр, сокрушенно замечает, что многие суще-

ственные аспекты этой проблемы «могут навсегда остаться за пределами нашего понимания»¹³.

В беспорядочной на первый взгляд мозаике оценок буржуазной политологией политического экстремизма можно выделить ряд весьма характерных тенденций. Наиболее показательной является намеренное размывание границ самого понятия политического экстремизма, умышленное смешение под этой вывеской самых разнородных явлений — от разнообразных форм классовой и освободительной борьбы, сопровождающейся применением политического насилия, до преступлений, совершаемых безответственными полууголовными элементами, политическими проходимцами или наемными агентами и провокаторами.

Как видно, с одной стороны, все формы революционной борьбы трудящихся и угнетенных масс за социальное и национальное освобождение подгоняются под понятие экстремистских и авантюристических выступлений, с другой — само понятие политического экстремизма используется для того, чтобы соединить несоединимое — отождествить насилие революционное с уголовным, преступным.

Двурушнический прием, используемый большинством буржуазных исследователей и просто летописцев экстремизма, состоит также и в том, что из понятия политического насилия искусственно вычленяется только одна его часть, связанная с протестом и вооруженной борьбой угнетенных против угнетателей. Именно эти акции объявляются воплощением политического авантюризма, экстремизма и терроризма. В. Лакёр, например, не колеблясь, вписывает в перечень примеров «террористической» деятельности не только борьбу палестинских арабов за возвращение на родину, но и выступления латиноамериканских патриотов против кровавых террористических диктатур и даже национально-освободительную войну вьетнамского народа. В то же время открытое принуждение, применяемое угнетателями и иностранными завоевателями, террор диктаторских и фашистских режимов, равно как и в целом насилие, чинимое реакцией и империализмом, представляющее собой, по выражению К. Маркса, террор классового господства¹⁴, сознательно оставляются в тени. По-

добный подход к изучению проблемы политического экстремизма, намеренно игнорирующий порождающую его социальную реальность, не может дать сколько-нибудь серьезных результатов.

Несмотря на показной объективизм большинства западных исследователей и толкователей политического экстремизма, нельзя не отметить питаемую ими явную склонность к сведению его к левацкому варианту. Именно в «левом» экстремизме усматривают буржуазные политологи и специализирующиеся на проблемах экстремизма «террологи» главную опасность для демократических структур. В идеологии левых сил, прежде всего, разумеется, в марксизме, пытаются они обнаружить идейные корни всех разновидностей политического экстремизма, в акциях псевдоловых террористов хотят найти оправдание для преступлений правых экстремистов и поднимающего голову фашизма. Намеренно подтасовывая и искажая факты, империалистическая пропаганда заносит в разряд сторонников экстремизма представителей прогрессивных общественно-политических движений и организаций, всех борцов за национальное освобождение и социальную справедливость.

Буржуазная печать всегда стремилась возложить моральную и идеологическую ответственность за террористические акты на партии рабочего класса, особенно на коммунистов. Главная цель подобных утверждений — запугать людей, отождествить в их сознании революционную борьбу рабочего класса с террористическими акциями тех, кто использует в своих целях лозунги, под которыми выступают трудящиеся. Таким путем буржуазия пытается создать в общественном сознании синдром страха перед «коммунистической опасностью».

«Цель разнообразных террористических движений одна — мировая революция», — пишет правый французский политолог Э. Саблие в книге «Красная нить — тайная история международного терроризма»¹⁵. Согласно его утверждениям, на смену Третьему, Коммунистическому Интернационалу пришел «террористический интернационал», основы которого были заложены на состоявшейся в 1976 г. в Гаване трехконтинентальной конференции представителей стран Азии, Африки и Латинской Америки. По мне-

нию американского исследователя У. Чейза, «большая часть террористических группировок, действующих в различных странах мира, — марксистского толка»¹⁶.

Политический экстремизм и его крайнее выражение — терроризм — сложный и весьма драматический аспект реальной действительности современной общественной жизни целого ряда развитых капиталистических стран. Одновременно это и немаловажный фактор влияния на международные отношения, а в последнее время весьма расхожая тема идеологических нападок буржуазных идеологов на марксистско-ленинскую теорию, внешнюю политику социалистических стран и национально-освободительное движение. Извращая подлинную суть и характер современного политического экстремизма, идеологи буржуазии пытаются использовать его в целях компрометации реального социализма и внешней политики социалистических стран, приписывая им роль «опорной базы международного терроризма».

Речь идет об очередном антисоветском вымысле, сфабрикованном в недрах американской администрации. В наиболее грубой форме эту политико-пропагандистскую установку Вашингтона сформулировал на пресс-конференции в Нью-Йорке в марте 1981 г. один из руководителей Центра стратегических и международных исследований при Джорджтаунском университете, Рэй Клайн. По его словам, «за всеми зарегистрированными террористическими акциями в мире можно обнаружить руку Москвы»¹⁷. Этот же клеветнический тезис изложил тогдашний государственный секретарь США А. Хейг. «Именно Советский Союз, — заявил он, — в значительной степени ответствен за то, что сегодня международный терроризм расширил сферу своей деятельности и окреп»¹⁸.

Развернутая администрацией США кампания клеветнических обвинений Советского Союза, Кубы, Болгарии, других социалистических стран в содействии «международному терроризму» служит единственной цели — маскировке того все более очевидного факта, что именно империализм несет ответственность за активное внедрение методов открытого насилия и террора в современные международные отноше-

ния. Еще В. И. Ленин указывал, что терроризм неразрывно связан «с нашествием мирового империализма», который в действительности является его «основным источником»¹⁹.

Несмотря на пестроту и разноречивость объяснений сути политического экстремизма, различные школы буржуазной политологии едины в главном — в стремлении затушевать прямую связь между этим явлением и конкретными общественными условиями, порождающими его. Лоскутное одеяло, составленное из старых и новых объяснений, даваемых на Западе этому феномену, должно скрыть тот непреложный факт, что современный политический экстремизм представляет собой одно из проявлений глубокого кризиса, переживаемого капиталистическим миром, симптом его углубляющегося и необратимого социального и морального распада.

Анализ подлинных причин опасной активизации различных течений политического экстремизма в капиталистическом мире, а также путей борьбы против него содержится в целом ряде заявлений и документов, принятых в последние годы руководящими органами коммунистических и рабочих партий Западной Европы и США, а также в отдельных работах зарубежных исследователей-марксистов²⁰. Ряд интересных исследований и статей на данную тему опубликован в СССР, а также в других социалистических странах²¹.

«Экстремизм» отнюдь не новое понятие в политическом словаре человечества. Классово антагонистическое общество, основанное на социальном угнетении и принуждении, постоянно источало политическое насилие, приобретавшее самые различные формы. Его составной частью, неизбежным компонентом являлись и экстремистские формы политической и классовой борьбы. Новая острая вспышка этой давней болезни эксплуататорского общества вызвана рядом объективных факторов, важнейший из которых — дальнейшее углубление общего кризиса капитализма, которое обостряет основные классовые антагонизмы этого общества, а также приводит к разрастанию в его недрах новых социальных противоречий.

Буржуазные политологи пытаются всеми способами замаскировать подлинные социальные корни по-

литического экстремизма, затушевать тот факт, что капитализм на его высшей и последней стадии — на стадии империализма — постоянно воспроизводит социальное насилие, применяя его по отношению как к своему, так и к другим народам. В. И Ленин отмечал, что «политически империализм есть вообще стремление к насилию и к реакции»²². Заложённое в самой природе капиталистического строя насилие вырывается на поверхность общественной жизни в виде различных проявлений политического экстремизма, в преступлениях террористов.

Политический экстремизм, таким образом, — это тема, которая вызывает не только теоретический интерес, но и вполне практическую потребность разобраться в социальной сущности этого явления, в тех характерных чертах и конкретных особенностях, в которых он проявляется в современной обстановке в различных капиталистических странах.

І. РЕВОЛЮЦИЯ ИЛИ ЗАГОВОР?

1. «День спасительного террора»

«Тот, кто не способен помнить прошлое, обречен на то, чтобы его повторить». Это крылатое выражение философа Дж. Сантаяны невольно приходит на ум, когда приступаешь к анализу современных разновидностей политического экстремизма, представители которых самонадеянно пытаются выдать их за «новое слово» в политической истории западного, а заодно и всего остального мира.

Политические экстремисты в облике отчаявшихся изолированных одиночек и в виде самостоятельных политических группировок, располагавшихся на различных флангах более крупных общественных движений и политических партий, существовали издавна. В поиске магистральных путей борьбы против социального угнетения трудящиеся массы и рабочее движение на собственном опыте испробовали и отвергли многие ложные формы освободительной и революционной борьбы, включая экстремизм. Г. В. Плеханов писал, что пролетарские революционеры продолжают то, что было существенного в деятельности старых борцов, «отказываясь только от их ошибок, вызванных условиями места и времени»¹.

Если и есть смысл возвращаться сегодня к тем «детским болезням», которыми уже давно переболело окрепшее и организованное рабочее движение, то прежде всего потому, что сегодняшние преемники экстремистов прошлых эпох во многом, а то и в точности повторяют их заблуждения и ошибки².

Такое повторение имеет и свою объективную основу. В. И. Ленин в работе «Разногласия в европейском рабочем движении» отмечал, что «привлечение новых и новых «рекрутов», втягивание новых слоев трудящейся массы неизбежно должно сопровождаться шатаниями в области теории и тактики, повторениями

старых ошибок, временным возвратом к устарелым взглядам и к устарелым приемам...»³.

Напомнить основные вехи борьбы рабочего движения против, казалось бы, уже изживших себя концепций политического экстремизма необходимо еще и потому, что в наши дни западной политологией и пропагандой ведется интенсивная дезинформационная кампания, основной смысл которой состоит в том, чтобы приписать черты авантюризма любому освободительному движению народных масс, идентифицировать революционную борьбу и революционное мировоззрение рабочего класса с идеологией и практикой экстремизма.

С давних пор идеологи уходящих в прошлое реакционных классов пытались представить борьбу народных масс против национального и социального угнетения как противозаконную и преступную деятельность, как терроризм. Отсчет новой «эры терроризма» западные историки политического экстремизма ведут от эпохи Великой французской революции 1789—1794 гг. и выступлений ее прямых «потомков» — Гракха Бабёфа, Филиппа Буонарроти и их последователя Огюста Бланки. Книга Буонарроти «Заговор во имя равенства...», в которой описывалась история бабувистского движения, долгое время рассматривалась как наиболее концентрированное изложение концепций политических экстремистов конца XVIII — начала XIX в. Но даже предвзято настроенные по отношению к идеям и наследникам французской революции, буржуазные исследователи вынуждены отметить, что ни Бабёф, ни Буонарроти, ни Бланки не проповедовали индивидуальный террор: основной замысел, который они безуспешно стремились реализовать на практике, состоял в организации заговора «революционного меньшинства», внезапное выступление которого с целью захвата власти должно было привести, как они считали, к народному восстанию и свержению существующего строя.

Уже в этих концепциях было сформулировано основополагающее кредо «левого» политического экстремизма, которое лишь с непринципиальными вариациями воспроизводилось в теориях и воплощалось в практических акциях экстремистов последующих эпох. В них проявился врожденный и неизлечи-

мый порок политического экстремизма, который состоит в отрицании определяющей роли масс в историческом процессе и революционном движении. Многие экстремисты, пытаясь с помощью фразеологии разомкнуть туго стягивающий их обруч политического сектантства, заявляют, что действуют от имени «народных масс» или «рабочего класса». Однако, как показывают их практические дела, они остаются убежденными в том, что реальное «освобождение масс» является исторической миссией горстки избранных.

В заговоре Бабёфа роль «освободителя» всего народа должна была сыграть немногочисленная «тайная директория», которая скрытно готовила «день справедливого и спасительного террора» — свержение «узурпаторского» правительства⁴. Бабувизм был попыткой организовать революционное движение без участия народа, и поэтому не удивительно, что он потерпел поражение.

Заговор Бабёфа, тайные общества Бланки были лишь «пробами пера», первыми росчерками политического экстремизма на страницах бурной и богатой драматическими событиями истории XIX в. Всякий раз, когда крупные повороты в историческом развитии приводили к острым классовым столкновениям внутри буржуазного общества, политические экстремисты торопились выбраться на авансцену общественной жизни, предлагая, а то и навязывая освободительному движению рабочего класса свои «кратчайшие» пути к освобождению.

Идеологи политического экстремизма отводили роль основного агента революционных преобразований небольшим группам «избранных» и решительных людей. Поэтому закономерно, что «подлинных» революционеров они искали за пределами основной массы трудящегося и эксплуатируемого народа и его ведущей революционной силы — рабочего класса. В середине XIX в. в работах представителя раннего немецкого социализма Вильгельма Вейтлинга впервые появился тезис о том, что главная роль в революции, рассматриваемой им как чисто стихийный процесс, должна принадлежать деклассированным элементам. Эти идеи затем были восприняты и развиты М. Бакуниним.

Революционный 1848 год дал новый импульс концепциям политического экстремизма. В 1849 г. в Швейцарии в газете немецких политических эмигрантов была опубликована статья под названием «Убийство». Ее автор — один из идеологов политического терроризма, — Карл Гейнцен, в частности, писал: «Мы провозглашаем нашим основным принципом, которому нас обучили наши враги, что убийство, будь то индивидуальное или массовое, остается неизменным инструментом решения исторических задач»⁵.

Гейнцен утверждал, что убийство в принципе должно быть запрещено, но это не относится к области политики. Физическое уничтожение сотен или тысяч людей вполне может служить высшим интересам человечества. Он обвинял революционеров 1848 г. в том, что они не проявили достаточной жестокости; свободная партия, по его мнению, неизбежно потерпит поражение, если не займется в первую очередь развитием искусства убивать. Гейнцен, как и большинство его последователей, видел в развитии современной техники основное средство осуществления революции. Он предрекал использование в этих целях новых взрывчатых веществ и новых способов отравления пищи, предлагал устанавливать бомбы под тротуарами. «Если мы должны взорвать половину континента и пролить море крови, чтобы уничтожить партию варваров, — писал Гейнцен, — пусть вас не мучают угрызения совести. Тот не настоящий республиканец, кто с радостью не отдаст свою жизнь для уничтожения миллиона варваров»⁶.

Отзываясь с презрением о подобных рассуждениях, в которых «трудно сказать, что преобладает — шутовство или подлость», К. Маркс и Ф. Энгельс писали: «Все мерзости, которыми неизбежно сопровождается жизнь деклассированных выходцев из верхних общественных слоев, провозглашаются ультрареволюционными добродетелями»⁷.

Идеи, высказанные Гейнценем и его единомышленниками, получили затем развитие в выступлениях анархистских и других экстремистских групп и в террористических актах, имевших место в Западной Европе и США во второй половине XIX и начале XX в. Покушения на известных государственных дея-

телей чередовались в этот период с акциями массового «неразборчивого» насилия по отношению к представителям самых различных социальных групп населения.

Целая серия анархистских выступлений, организованных в период между 1880 и 1914 гг., была направлена против символов власти в коррумпированном буржуазном обществе. Среди жертв были американские президенты Гарфилд и Мак-Кинли. Несколько неудачных покушений было организовано на Бисмарка и германского императора. В 1894 г. был убит французский президент С. Карно, в 1897 г. — премьер-министр Испании Антонио Канова, в 1898 г. — императрица Австрии Элизабет, а в 1900 г. — итальянский король Умберто. Были совершены покушения и на других государственных деятелей.

В Париже бутылки с купоросом были брошены в помещение Биржи, с балкона палаты депутатов швырнули бомбу. Бомбы бросали в театрах и ресторанах в знак протеста против образа жизни властителей буржуазного общества и в заурядных кафе, посетителями которых были простые люди, на том основании, что никто не свободен от вины и поэтому, нападая на общество в любом месте, непременно поразишь кого-то из виновных. В Париже и Лондоне накануне первой мировой войны имели место и другие акции экстремистов, такие, как грабительские налеты банды Бонно и группы анархистов в лондонском Ист-Энде, носившие полууголовный характер.

Основным орудием «революционной войны» против общества анархисты считали динамит. Наиболее ревностные сторонники применения динамита для «революционных» целей приписывали взрывчатке поистине чудодейственные политические качества. Динамит объявлялся орудием демократии, поскольку он уравнивал всех людей независимо от их социального и классового происхождения, его провозглашали миротворцем и «освободителем». Анархист, подоживший в 1890 г. бомбу в одном из общественных мест Парижа, заявил после ареста, что взрывы динамитных бомб должны были помочь ему основать новое общество, в котором «не было бы больше войны, разногласий, ревности, воровства, убийств, полиции,

судей и властей». Другой итальянский анархист, убивший президента Франции С. Карно, сказал, что он «устал смотреть на этот злобный мир». Многие экстремисты не понимали, что, применяя террор по отношению к различным слоям общества, они по существу соревновались с самыми жестокими правителями и репрессивными режимами.

Согласно рассуждениям одного из видных руководителей анархистского движения в Германии, И. Моста, позднее переселившегося в США, революционер не имеет права отвергать какие бы то ни было средства, способствующие достижению его цели. Средства эти, считал он, неизбежно должны быть варварскими не только потому, что их выбирают революционеры, а потому, что существующая система является варварской и уничтожить ее можно лишь ее собственным оружием. Убийц самих следует убивать. Дорога к гуманизму, по мнению Моста, лежит через варварство. Закон джунглей всегда преобладал в истории, заявлял он, победитель всегда был прав, поэтому и «революционеру», стремящемуся одержать верх над противником, следует принять эти «правила игры».

И Мост, и некоторые его коллеги-анархисты находились под влиянием концепций тогдашних социальных дарвинистов, воспевавших элиту и провозглашавших культ сверхчеловека. Большинство сподвижников Моста были убеждены, что народ каждой страны созрел для революции, однако людям не хватает мужества предпринять решительные действия. Именно меньшинство призвано указать им дорогу. Еще одним из жрецов культа «сильной личности» был реакционный американский философ Райнар Редбёрд, чьи сочинения были адресованы как крайне левым, так и ультраправым. «Благословенны сильные, — писал Редбёрд, — ибо они правят на земле, прокляты слабые, ибо они наследуют рабство. Благословенны безжалостные, их потомство овладеет миром. Человеческую правду и неправду определяет не правосудие, а бог»⁸.

Многие анархисты конца прошлого — начала нынешнего века исходили из того, что в буржуазном обществе единственный способ заставить людей встать на революционный путь — это создавать эк-

стремальные ситуации, которые свидетельствовали бы о возможности революции и побуждали бы других людей следовать их примеру. Убежденность в том, что революцию можно начать в любом месте и практически в любое время и тем положить начало большому пожару, который охватит все общество, всегда отличала экстремистов и позволяла оправдывать любые отчаянные и изолированные действия одиночек.

Особое место в ряду предшественников и «прародителей» современного политического экстремизма занимает М. Бакунин. Целый ряд нынешних анархистов и террористов ведут от него свое генеалогическое древо, беззастенчиво перемешивая при этом анархистские воззрения Бакунина с марксистской терминологией. «Я марксист, как Бакунин», — заявлял в мае 1968 г. один из анархистских лидеров французского студенчества, Даниэль Кон-Бендит, стыдливо умалчивая, а быть может, и не зная о том, что Бакунин был воинствующим антимарксистом и что борьба К. Маркса и его соратников в I Интернационале против Бакунина и анархистов являлась одним из важнейших этапов борьбы мирового пролетариата против псевдореволюционной мелкобуржуазной идеологии. Вслед за Вейтлингом М. Бакунин утверждал, что революция может быть совершена только «воинствующей элитой народа». По его словам, революционер, посвятивший себя делу революции, ставит себя вне закона. Он должен отождествить себя с бандитами, грабителями, всеми, кто стоит вне закона и противопоставляет себя буржуазному обществу.

В письмах к С. Нечаеву Бакунин воспевал разбойников, считая их единственными «революционерами дела», проповедовал разбой как одну «из почетнейших форм русской народной жизни»⁹. В написанной им совместно с Нечаевым листовке «Начала революции» говорилось: «Яд, нож, петля и т. п.!.. Революция все равно освещает в этой борьбе... жертвы указываются нескрываемым народным негодованием!.. Это назовут терроризмом! Этому дадут громкую кличку! Пусть, нам все равно!»¹⁰ «...Мы объявляем себя врагами всякой правительственной, государственной власти, врагами государственного устройства вообще», — писал он в книге «Государственность и анархия». Главную же движущую силу анархистской

революции должен был составить «нищенский пролетариат»: «...в нем, и только в нем, отнюдь же не в... буржуазном слое рабочей массы, заключается и весь ум, и вся сила будущей социальной революции».

Согласно М. Бакунину, революция — это «дикий зверь», она, «так же как и военная реакция, ничего не пожалеет и не остановится ни перед чем». Его главный девиз, существо его революционной программы — разрушение. «...Не может быть революции без широкого и страстного разрушения, разрушения спасительного и плодотворного, потому что именно из него и, только посредством него, зарождаются и возникают новые миры»¹¹.

Всеразрушительные концепции Бакунина воспроизведены в пресловутом «Катехизисе революционера», авторство которого приписывается С. Нечаеву. Этот «Катехизис» часто цитируют западные исследователи политического экстремизма, его и по сей день штудируют многие члены экстремистских групп. «Катехизис» открывается общим перечнем правил организации; затем в нем формулируется отношение революционера к самому себе и к другим. Революционер — это потерянный человек, без каких-либо интересов, привязанностей, личных связей, даже без имени. Он порвал с обществом, его законами и условностями; должен избегать и презирать общественное мнение, быть готовым к пыткам и смерти в любое время. Он должен жить под вымышленным именем, порвать все связи с семьей и отказаться от брака, от друзей и найти себе товарищей в подпольном мире. Суровый к себе революционер должен быть суровым и к другим; вместо любви, дружбы, благородства, чести он должен испытывать только одну холодную страсть к революционному делу, успех которого принесет ему удовлетворение и награду. Заключительные слова «Катехизиса» посвящены миру разбойников — единственных настоящих революционеров, которые, объединившись, установят ужасную и непобедимую власть¹².

П. А. Кропоткин в свое время охарактеризовал действия анархистов как постоянное подстрекательство с помощью устного и печатного слова к насилию — ножу, винтовке, динамиту. Как считали анархисты, террористические акции одного или несколь-

ких человек повлекут за собой другие; все большее число людей вступит в борьбу, и правительство потеряет свою власть. Любые уступки, на которые оно сможет пойти, окажутся слишком запоздалыми, и наконец произойдет всеобщая революция.

Этот утопический сценарий, представляющий революционный процесс в виде своего рода физической цепной реакции, так никогда и не был осуществлен. Несколько лет спустя сам П. А. Кропоткин вынужден был признать, что революция не могла бы явиться результатом нескольких героических акций горстки храбрецов. «...Никакая революция невозможна, — писал он, — если потребность ее не чувствуется в самом народе. Никакая горсть людей, как бы энергична и талантлива она ни была, не может вызвать народного восстания, если сам народ не доходит... до сознания, что ему нет другого выхода из положения, которым он недоволен, кроме восстания»¹³.

Исключительно современной выглядит в наши дни уничтожающая критика анархизма М. Бакунина, данная комиссией I Интернационала, в которую входил К. Маркс. «Экономическая и политическая борьба рабочих за свое освобождение, — говорится в докладе комиссии, — заменяется *всеразрушительными* актами героев уголовного мира — этого последнего воплощения революции»¹⁴.

Сама жизнь рассудила спор между сторонниками научного социализма и анархистами, между красным знаменем пролетариата и черным знаменем анархии. «...Черное знамя, — писал в одной из последних работ Ж. Дюкло, — символ детства рабочего движения, которое поначалу еще не способно было открыть перспективы преобразования общества и ограничивалось проявлениями отчаяния и гнева»¹⁵.

2. «Нецелесообразное» средство борьбы

Отвергнутое рабочим классом знамя анархизма и анархо-синдикализма во второй половине XX в. попытались подобрать представители нынешнего поколения мелкобуржуазных революционеров. В анархизме их привлекает столь дорогое для них сочетание

протеста антибуржуазного с антипролетарским, антисоциалистическим. «Достоинство анархизма как доктрины, — пишут авторы вышедшего в США сборника «Анархизм сегодня», — состоит в том, что он занимается социалистической критикой капитализма и либеральной критикой социализма»¹⁶. Это же «достоинство», а точнее сказать, попытка создать химеру — «антипролетарскую революционную теорию» — отличает и все последующие доктрины мелкобуржуазного радикализма, составившие теоретический фундамент современного левацкого экстремизма. Бакунинская апология насилия, всеразрушительного бунта была с готовностью взята на вооружение экстремистами XX в. еще и потому, что своими главными врагами бакунинцы и их анархистские последователи считали «государственных революционеров», т. е. коммунистов.

В XX в. на генеалогическом древе экстремизма появилось сразу несколько ответвлений. Среди них — троцкизм, объединивший, по ленинскому определению, «всех, кому дорог и люб идейный распад»¹⁷, а также маоизм, пагубно сказавшийся на политической деятельности левых сил в целом ряде капиталистических стран. Не случайно значительное число членов нынешних террористических организаций как ультралевого, так и откровенно фашистского толка являются выходцами из троцкистских и маоистских группировок.

Ф. Кастро, анализируя современный троцкизм, причинивший немалый вред рабочему и национально-освободительному движениям, писал, что троцкисты «поставили себя в услужение американскому империализму»¹⁸.

Прямо связывая революцию с войной («Для нас война явится продолжением революции», — говорил Троцкий), троцкисты несут прямую ответственность за преступные действия тех террористов, которые видят в гражданской войне единственный путь преобразования общества, а в «революционной ядерной войне» — пролог мировой революции. Вот характерное рассуждение одного из лидеров французских троцкистов, А. Жейсмара: «В таком современном государстве, как Франция, тактика гражданской войны, партизанские акции — сначала без применения

оружия, а затем вооруженные — единственная возможность, которая поколеблет, а потом уничтожит власть буржуазии»¹⁹.

«Псевдореволюционная фразеология, лишенная всяких принципов,— пишет португальский философ-марксист П. Соареш в книге «Наследники и продолжатели анархизма»,— делает современных мелкобуржуазных радикалов похожими на анархистов первой четверти нашего века. Как и анархизм, мелкобуржуазный радикализм подменяет действия масс, работу по организации и мобилизации рабочего класса и его союзников авантюристическими акциями отдельных избранных группировок, уязвимых для ударов реакционных сил. Эти группировки изображаются как «революционный авангард», имеющий якобы магическую способность возбуждать в трудящихся массах дух борьбы, который обеспечит быстрое завоевание власти»²⁰.

Отстаивая безусловное право каждого народа, угнетенных масс на самую решительную, в том числе вооруженную, борьбу за свободу, против любых форм притеснения, К. Маркс, Ф. Энгельс и их последователи в то же время бескомпромиссно боролись против любых попыток политических экстремистов подменить эту борьбу псевдореволюционным вспышкой-скакательством и сектантской деятельностью. «Коммунисты очень хорошо знают,— писал Ф. Энгельс,— что всякие заговоры не только бесполезны, но даже вредны»²¹. Будучи самым активным сторонником освободительной борьбы ирландских патриотов против колониального угнетения со стороны Великобритании, К. Маркс решительно осуждал террористические акты, совершавшиеся экстремистскими элементами.

В январе 1885 г. Ф. Энгельс еще более резко осудил деятельность ирландских «динамитчиков», которые, «школьнически» пародируя борьбу русских народовольцев, обращались к террору, сводя тем самым революцию до уровня Шиндерганнеса (знаменитого немецкого разбойника XVIII в.) и направляя свое оружие «не против настоящих врагов, а против публики вообще...»²².

Марксисты всегда отвергали и отвергают авантюризм в политике, противопоставляя пролетарскую

революцию анархистскому мелкобуржуазному бунту: «...революция есть деяние, а бунт не является таковым»²³, — писали К. Маркс и Ф. Энгельс. К. Маркс предсказывал, что революции новейшего времени будут все менее импровизированными, стихийными и все более осознанными, организованными действиями масс и партий. «Прошло, — писал Ф. Энгельс, — время внезапных нападений, революций, совершаемых немногочисленным сознательным меньшинством, стоящим во главе бессознательных масс. Там, где дело идет о полном преобразовании общественного строя, массы сами должны принимать в этом участие, сами должны понимать, за что идет борьба, за что они проливают кровь и жертвуют жизнью»²⁴. Как бы продолжая эту мысль, В. И. Ленин подчеркивал, что, «чем глубже преобразование, которое мы хотим произвести, тем больше надо поднять интерес к нему и сознательное отношение, убедить в этой необходимости новые и новые миллионы и десятки миллионов»²⁵.

Особое направление, целую отрасль современной буржуазной политической науки об экстремизме составляют попытки доказать, будто его «родиной» является Россия, а главным истоком — российское революционное движение. Для обоснования этого тезиса пускаются в ход самые различные доводы — от утверждений о том, что русские большевики, как и все коммунисты, будто бы являлись сторонниками «заговоров» и террористических методов борьбы, до мистических рассуждений насчет того, что склонность к «терроризму» заложена в русском «национальном характере». Именно так объяснял действия русских террористов-народовольцев в конце прошлого века английский писатель Джозеф Конрад. Он писал: «Поведение террористов отражает моральные и эмоциональные реакции русского характера на давление тиранического беззакония, которое могло бы быть сведено к формуле бессмысленного отчаяния, вызванного бессмысленной тиранией»²⁶.

В наши дни о «врожденной склонности» русских к терроризму всерьез рассуждает один из американских «советологов», профессиональный антикоммунист Ричард Пайпс. Его измышления подхватывает связанная с ЦРУ американская журналистка Клэр

Стерлинг, автор книги «Сеть террора», получившей скандальную известность на Западе. По ее мнению, истоки современного терроризма следует искать в до-революционной России. «Невозможно ошибиться, — пишет она, — прослеживая, откуда исходит эта идея (политического терроризма. — А. Г.). Впервые эта модель была изобретена в царской России столетие назад. Московский революционер Николай Ишутин выдвинул ее в январе 1866 г. Легальное политическое крыло его организации выполняло повседневную работу по агитации и пропаганде (в школах, библиотеках, провинциальных интеллектуальных кружках, общественных клубах). Ее подпольное крыло осуществляло убийства, вооруженные ограбления, шантаж и тому подобное, впервые выведя на радикальную сцену России как террористов, так и уголовных преступников. Ишутин называл свое детище «Организацией». Секретное террористическое крыло он окрестил «Адом». Теперь ясно, что имела в виду организация красных бригад в Италии, говоря о «долговременной гражданской войне»²⁷.

Нелепые попытки извратить характер революционного движения в России, сведя его к выступлениям отдельных террористов, понадобились идеологам буржуазии для того, чтобы, представив саму Октябрьскую революцию 1917 г. в виде «террористического акта», подтвердить тезис о том, что со дня рождения Советское государство выступало как «покровитель» международного терроризма. «У истоков поддержки терроризма Советским Союзом, — писал журнал военно-промышленного комплекса США «Ю. С. ньюс энд Уорлд рипорт», — стоял еще Ленин, который считал его эффективным средством свержения правительства»²⁸. Между тем хорошо известно, что и В. И. Ленин, и партия большевиков, под руководством которой была совершена Великая Октябрьская социалистическая революция, решительно отвергали терроризм как «нецелесообразное» средство борьбы²⁹, наносящее больше ущерба революционным силам, чем правящим классам. «...Индивидуальные политические убийства, — писал В. И. Ленин, — не имеют ничего общего с насильственными действиями народной революции»³⁰.

Любому непредвзятому исследователю истории

марксистского движения в России не может не быть известно, что с самого зарождения большевистской партии ее деятели отвергли терроризм как метод политического действия. В 1916 г., выступая от имени ЦК РСДРП на съезде швейцарской социал-демократической партии, В. И. Ленин заявил: «...мы убеждены, что опыт революции и контрреволюции в России подтвердил правильность более чем 20-летней борьбы нашей партии против террора, как тактики»³¹.

В связи с тем что буржуазная политология и пропаганда пытаются отождествить марксизм-ленинизм с политическим экстремизмом, а политику Советского государства с «заговором», направленным на создание «всемирного коммунистического правительства», следует напомнить, что большевики всегда решительно выступали против тех партий и групп, в том числе и в дореволюционной России, которые не верили в рабочий класс, в народные массы и объявляли террор основным методом борьбы.

В. И. Ленин писал, что «большевизм вырос, сложился и закалился в долголетней борьбе против *мелкобуржуазной революционности*, которая смахивает на анархизм или кое-что от него заимствует»³². Он напоминал, что в начале своей деятельности русским марксистам «приходилось очень часто отстаивать свое право на существование в борьбе с народо-вольцами, которые понимали под «политикой» деятельность, оторванную от рабочего движения, которые суживали политику до одной только заговорщической борьбы»³³.

Решительно обличая мелкобуржуазный революционаризм — «грозный, надутый, чванный на словах, пустышка раздробленности, распыленности, безголовости на деле»³⁴, В. И. Ленин в то же время не рассматривал различные его проявления лишь как деятельность провокаторов, проникавших в революционное движение. Он указывал на объективную природу этого явления, отмечая, что «каждый своеобразный поворот истории вызывает некоторые изменения в форме *мелкобуржуазных шатаний*, всегда имеющих место рядом с пролетариатом (курсив мой.— А. Г.), всегда проникающих в той или иной мере в среду пролетариата»³⁵. Резко критикуя народников, разоблачая их заблуждения, отвергая из-

бренные ими пути и методы борьбы, В. И. Ленин и большевики в то же время не забывали напоминать и о том, что «утопия народников... является спутником, симптомом, отчасти даже выразителем их (масс.— А. Г.), демократического подъема»³⁶.

Этот принципиальный диалектический подход В. И. Ленина к оценке «мелкобуржуазных шатаний, всегда имеющих место рядом с пролетариатом» и безусловно включающих различные проявления политического экстремизма, ни в коей мере не утратил своей актуальности и в наши дни.

Народничество в России, со всеми его метаниями и заблуждениями, включая увлечение террористическими актами против представителей царизма, по мнению большевиков, было дополнительным свидетельством общего разложения самодержавного строя и одновременно одним из факторов развития и формирования революционного движения в стране. «В 1825 году,— говорил В. И. Ленин в «Докладе о революции 1905 года»,— Россия впервые видела революционное движение против царизма, и это движение было представлено почти исключительно дворянами. С того момента и до 1881 года, когда Александр II был убит террористами, во главе движения стояли интеллигенты из среднего сословия. Они проявили величайшее самопожертвование и своим героическим террористическим методом борьбы вызвали удивление всего мира. Несомненно, эти жертвы пали не напрасно, несомненно, они способствовали — прямо или косвенно — последующему революционному воспитанию русского народа. Но своей непосредственной цели, пробуждения народной революции, они не достигли и не могли достигнуть»³⁷.

Действия русских народовольцев нельзя рассматривать в отрыве от конкретных исторических условий, в которых они вели борьбу, от обстановки жесточайшего царского террора и безжалостного подавления любых попыток борьбы за демократические свободы. Терроризм русских народовольцев начинался с единичных актов вооруженного сопротивления при аресте и протеста против грубого обращения со стороны полиции и охраны с революционерами. (Вспомним выстрел В. Засулич в петербургского полицмейстера Трепова.) В ряде случаев они казнили

шпионов, проникших в революционные ячейки. Многие народовольцы пришли к террору, поскольку не видели иного способа привлечь к своим требованиям внимание правительства в условиях, когда всякая оппозиция ставилась вне закона. Некоторые из них осуждали террористические акты, совершенные в странах, где была возможна нормальная политическая деятельность.

Программа центрального комитета «Народной воли» включала в качестве задач террористической борьбы ликвидацию наиболее «опасных» членов правительства, наказание тех, кто нес ответственность за жестокое притеснение народа, защиту партии от проникновения шпионов. Как считали народовольцы, если десять — пятнадцать «столпов общества» будут убиты, в правительстве возникнет паника. Одновременно это пробудит народные массы. По мнению таких руководителей «Народной воли», как Л. Тихомиров, два-три года систематического террора могли привести к падению правительства либо вынудить его пойти на далеко идущие уступки и предоставить народу основные гражданские свободы. После этого народовольцы намеревались прекратить террористическую деятельность. Ф. Энгельс писал в 1885 г.: «Способ борьбы русских революционеров продиктован им вынужденными обстоятельствами, действиями самих их противников. За применяемые ими средства эти революционеры ответственны перед своим народом и историей»³⁸.

Высоко оценивая личную самоотверженность и жертвенность народовольцев, бесстрашно вступивших в единоборство с царизмом в период зарождения революционного движения, когда российский пролетариат еще не развернул знамя массовой борьбы, В. И. Ленин беспощадно и гневно осуждал авантюристические действия мелкобуржуазной партии социалистов-революционеров (эсеров), противопоставлявших себя террористическими акциями мощному революционному движению рабочего класса России.

В работе «Почему социал-демократия должна объявить решительную и беспощадную войну социалистам-революционерам?» В. И. Ленин писал: «...ставя в свою программу террор и проповедуя его как средство политической борьбы в современной его форме,

социалисты-революционеры приносят этим самый серьезный вред движению, разрушая неразрывную связь социалистической работы с массой революционного класса. Никакие словесные уверения и заклатья не могут опровергнуть того несомненного факта, что современный террор, как его применяют и проповедуют социалисты-революционеры, *ни в какой связи с работой в массах, для масс и совместно с массами не стоит*, что партийная организация террористических актов отвлекает наши крайне немногочисленные организаторские силы от их трудной и далеко еще не выполненной задачи организации революционной *рабочей* партии, что *на деле* террор социалистов-революционеров является не чем иным, как *единоборством*, всецело осужденным опытом истории»³⁹.

Решительное осуждение В. И. Лениным и большевиками террора как системы единичных политических убийств, как способа политической борьбы⁴⁰ отнюдь не означало отрицания использования насилия в революционной борьбе. Являясь подлинными революционерами, коммунисты не отрицают в принципе возможности, более того, при определенных обстоятельствах и необходимости применения революционного насилия по отношению к классовому противнику. Говоря, в частности, о вооруженной деятельности латышских социал-демократов, В. И. Ленин замечал, что ее нельзя называть анархизмом, бланкизмом, терроризмом «потому, что здесь *ясна* связь новой формы борьбы с восстанием»⁴¹. Признавая правомерность подлинного революционного насилия, коммунисты выступают за такие его формы, «которые бы рассчитывали на непосредственное участие массы и обеспечивали бы это участие»⁴².

Коммунисты гибко и творчески используют различные формы политической деятельности в зависимости от конкретных потребностей революционной борьбы трудящихся. Они исходят из того, что нельзя ограничиваться «возможными и существующими только в данный момент формами борьбы», и признают «*неизбежность* новых, неведомых для деятелей данного периода форм борьбы с изменением данной социальной конъюнктуры»⁴³.

Вопрос об отношении коммунистов к политическо-

му насилию до настоящего времени остается предметом острой идейной борьбы и активных нападок на марксистско-ленинское учение с двух противоположных позиций. В то время как идеологи буржуазии пытаются представить марксизм в виде своего рода «инструкции» по применению насилия с целью захвата власти, левоэкстремистские лидеры обвиняют коммунистов в «реформизме» и «отступничестве» от подлинно революционной стратегии и тактики борьбы.

В этой связи целесообразно напомнить одно из ключевых высказываний В. И. Ленина по этому крайне важному сегодня вопросу: «Социализм против насилия над нациями. Это бесспорно. Но социализм вообще против насилия над людьми. Однако, кроме христианских анархистов и толстовцев, никто еще не выводил отсюда, что социализм против *революционного* насилия. Значит, говорить о «насилии» вообще, без разбора условий, отличающих реакционное от революционного насилия, значит быть мещанином, отрекающимся от революции, или это значит просто обманывать себя и других софистикой»⁴⁴.

Принципиальная критика коммунистами террористического насилия отнюдь не означает отказа от всякого применения насилия в революционной и освободительной борьбе. «Нет сомнения, — писал В. И. Ленин, — что... без революционного насилия... пролетариат не смог бы победить, но также не может быть сомнения и в том, что революционное насилие представляло из себя необходимый и законный прием революции лишь в определенные моменты ее развития, лишь при наличии определенных и особых условий, тогда как гораздо более глубоким, постоянным свойством этой революции и условием ее побед являлась и остается организация пролетарских масс, организация трудящихся»⁴⁵.

Практикой революционной борьбы коммунисты прошлых и нынешних поколений доказывают, что они являются самыми последовательными и решительными борцами за благо трудящихся, за идеалы демократии и свободы и, не колеблясь, берутся за оружие, когда возникает необходимость отстаивать жизненные интересы народа, защищать его независимость, организовывать отпор классовому террору бур-

жуазии или империалистическому насилию. Коммунисты не считают, что действия мелких групп революционеров являются бесполезными или малоэффективными. Если в стране назрела революционная ситуация, определенные действия этих групп, как это было, например, на Кубе, в Никарагуа, могут стать детонатором массовых революционных выступлений.

В этом принципиальное отличие подходов к вопросу о насилии марксистов и террористов, ибо насилие террористическое является искусственным и не оправданным никакими объективными социальными процессами. В силу этого, как отмечает Э. Баталов, стремление террористов «к насилию над угнетателями оборачивается насилием над самим народом»⁴⁶.

В подавляющем большинстве случаев именно террористическое насилие, несмотря на ультрареволюционную риторику его адептов, является фактором, стабилизирующим существующие порядки. Реальная практика показывает, что политическое насилие террористов ведет к укреплению существующих структур и власти господствующих классов, ставит под угрозу демократические завоевания трудящихся, служит не революционным, а контрреволюционным силам.

Идеологи «левого» экстремизма смешивают классовое насилие с физическим, рассматривая саму революцию как волюнтаристский акт. Экстремисты пытаются с помощью насилия найти ответы на те вопросы, которые им не удастся решить путем политической борьбы и организации масс.

Вернемся к опыту революционного движения в России. В 1902—1904 гг. члены партии социалистов-революционеров (эсеров) убили двух царских министров внутренних дел — Д. С. Сипягина и В. К. Плеве. Эти террористические акции не только не принесли никакой пользы революционному делу, но, напротив, усилили полицейские репрессии. Несколько лет спустя В. И. Ленин писал по этому поводу: «В России террористы (против которых мы всегда боролись) совершили ряд индивидуальных покушений, но в декабре 1905 г., когда дело наконец дошло до массового движения, до восстания, — когда нужно было помочь *массе* применить насилие, — тогда-то как раз «террористы» и *отсутствовали*»⁴⁷.

После Октябрьской революции эсеры, так же как и их собратья по террористическим выступлениям — анархисты, встали на путь открытой вооруженной борьбы против Советской власти. Можно привести, в частности, такие примеры, как взрыв бомбы в Москве, в здании, где должен был находиться В. И. Ленин, другие покушения на него, крупнейшую провокацию против Советской власти, в результате которой был убит германский посол Мирбах, и, наконец, контрреволюционный мятеж левых эсеров в Москве.

Этот экскурс в историю российского и международного революционного движения, на наш взгляд, необходим не только для того, чтобы показать подлинное, принципиальное отношение марксистов-ленинцев к идеологии и практике политического экстремизма, но и потому, что немало сегодняшних адептов экстремизма ищут в прошлом ответы на современные проблемы и, пытаясь выстроить свою родословную, обращаются к экстремистам предшествующих эпох. Некоторые из них объявляют своими духовными родителями анархистов-бакунинцев, другие считают своей библией «революционный катехизис» Нечаева.

Среди сегодняшних экстремистов немало и тех, кто, отрещиваясь от сомнительного титула «террориста», пытается причислить себя к «прямым потомкам большевиков и бойцов красной армии». Многочисленный выводок самозваных последователей породил в западных странах освободительные, антиколониальные и антиимпериалистические движения, развернувшиеся в странах Азии, Африки и Латинской Америки в середине и во второй половине XX в. Так, западногерманские террористы из «группы Баадера — Майнхоф», окрестив себя «фракцией красной армии», объявили своим идеалом сразу «три революционные армии» — России, Китая и Кубы.

Самоотверженная борьба патриотов Вьетнама и стран Латинской Америки против американского империализма вызвала к жизни в развитых капиталистических странах десятки организаций, объявивших себя «фронтами национального освобождения», «революционными бригадами» и городскими «герильеро» — участниками партизанской войны⁴⁸. Однако, как ни примазываются современные политические

экстремисты и террористы к революционной истории, к идеям антифашистского Сопротивления, к практике вооруженной освободительной борьбы народов Азии, Африки и Латинской Америки, как ни маскируют себя пышными ультрареволюционными этикетками, они не вправе отождествлять свои авантюристические, по существу антинародные акции с этими массовыми, демократическими и освободительными движениями.

О современном политическом экстремизме в капиталистических странах следует судить прежде всего не по словам, а по делам самих экстремистов, по конкретным условиям, в которых возникло и разрослось это опасное социальное явление, по тем политическим последствиям, которые оно вызывает.

II. КОРНИ ПРОБЛЕМЫ

1. Приливная волна экстремизма

Наиболее значительный всплеск политического экстремизма приходится на 70-е и начало 80-х годов. В этот период страницы западной печати пестрели чуть ли не ежедневными, похожими на военные сводки сообщениями о захвате заложников, политических убийствах, вооруженных нападениях на помещения политических партий и профсоюзов. Мрачная тень политического насилия легла на общественную жизнь многих капиталистических стран. Именно в эти годы заметно активизировались различные крайне правые, полуфашистские, а также анархо-троцкистские и другие левацкие группировки. Экстремисты различной политической окраски внесли в этот период свой вклад в летопись многочисленных кровавых преступлений, унесших сотни человеческих жизней.

Кошмар терроризма, превращающегося в обыденное явление, преследует и сегодня жителей многих городов капиталистического Запада. Устрашающий призрак политического экстремизма витает над Римом и другими итальянскими городами. Волна политических нападений, по мнению газеты «Фигаро», «вызывает настоящий психоз среди парижского населения, которому мерещатся бомбы повсюду и которое с испугом реагирует на любую детскую хлопушку. Ложные тревоги, связанные с вызовом полиции и остановкой уличного движения, в одной только французской столице случаются по 30—40 раз в день»¹. Быстро пустеющие по вечерам улицы наводят на мысль о необъявленном, но фактически действующем комендантском часе и военном положении. Введенное в ряде стран под предлогом борьбы с терроризмом «чрезвычайное» законодательство превращает, по признанию печати, хваленые «западные демократии» в полицейские государства.

Страх перед терроризмом немедленно привлек к себе внимание капиталистического бизнеса. Дельцы быстро поняли, что в этой ситуации можно сделать немалые деньги. На Западе расплодились многочисленные компании по производству пуленепробиваемых автомобилей для состоятельных бизнесменов и государственных деятелей, фирмы, предоставляющие услуги телохранителей и охранников и страхующие от возможных похищений и нападений. «Анти-террористический» бизнес в паре с уголовными преступниками приступил к массовому ограблению запуганного населения.

О сложившейся атмосфере «террористической паранойи», умышленно нагнетаемой многими политическими лидерами и средствами массовой информации Запада, красноречиво свидетельствовала программа «чрезвычайных мер» по борьбе с терроризмом, разработанная в Вашингтоне, которая предусматривала сооружение вокруг Белого дома противотанковых надолбов и размещение на подступах к нему зенитных батарей противовоздушной обороны.

В то время как полиция, охотясь за призраками, нагоняет страх на население, реальные террористы продолжают творить преступления. Трудно найти такую капиталистическую страну, которая избежала бы в последние годы проявлений этого опасного феномена. Как заявил в 1982 г. тогдашний министр внутренних дел Франции Гастон Деффер, «бесполезно искать, кто среди западных стран держит пальму первенства в качестве столицы международного терроризма»².

Усиление деятельности экстремистских организаций, проявляющееся, в частности, в росте числа их выступлений и террористических акций, выражается многозначными и с каждым годом увеличивающимися цифрами. На международной конференции по проблемам терроризма (Рим, февраль 1982 г.) приводились данные о том, что в капиталистическом мире с 1968 по 1980 г. в результате террористических акций погибло 3688 человек и было совершено 6714 покушений. Как утверждают американские социологи Р. Куперман и Д. Трент, из общего числа террористических актов, совершенных в 70-х годах, на долю

Европы приходится 50 %, Латинской Америки — 21, Северной Америки — 14, Среднего Востока и Северной Африки — 11 %. В 1970 г. в Латинской Америке было совершено террористических акций вдвое больше, чем в Европе. В 1978 г. это соотношение стало обратным. За 1970—1978 гг. прямые убытки от терроризма и связанные с ним дополнительные расходы на безопасность, страхование составили в капиталистических странах миллиарды долларов³.

Эти подсчеты, разумеется, условны, тем не менее они бесспорно свидетельствуют о значительном подъеме волны политического насилия во многих странах «свободного мира». При этом, однако, следует учитывать, что впечатляющие статистические выкладки западных политологов нередко создают искаженную картину политического террора, ибо краской «терроризма» произвольно закрашивают обширные районы земного шара, в которых разворачивается национально-освободительная борьба народов, нарастает их сопротивление империалистической агрессии или реакционным диктатурам.

Так, В. Лакёр говорит о трех различных категориях «террористических движений»: «Во-первых, старый знакомый прежних времен — терроризм сепаратистов-националистов в Ольстере, на Ближнем Востоке, в Канаде и Испании. Во-вторых, латиноамериканский терроризм — законодатель новой моды. И наконец, в-третьих, городской терроризм в Северной Америке, Западной Европе и Японии, выросший из движения «новых левых» или, точнее, из поражения «новых левых» в Западной Германии, Италии, Америке и Японии, к которому время от времени прибегают профашистские группы»⁴.

В этой классификации несколько умышленных и недобросовестных искажений и натяжек. Прежде всего чисто формальное, механическое сведение под крышу «терроризма» таких принципиально различных явлений, как сепаратистские движения различных национальных меньшинств, вооруженное сопротивление народов чужеземной оккупации, колониальному господству и империалистическому произволу, и, наконец, собственно политический экстремизм, распространенный прежде всего в развитых капиталистических странах. Подобное смешение разнородных

понятий позволяет буржуазной политической науке уходить от анализа классовой и политической природы каждого из этих процессов, затушевывать ответственность империализма за распространяемое и провоцируемое им социальное и политическое насилие.

Констатируя серьезность болезни общества, пораженного и разъедаемого насилием, буржуазная политическая наука вместе с тем пытается уклониться от закономерного вывода о том, что именно капиталистическая система, опирающаяся на эксплуатацию человека человеком и на разветвленный механизм принуждения, возводит насилие в закон общественной жизни.

Список развитых капиталистических стран, общественная жизнь которых была в последнее десятилетие в наибольшей степени поражена политическим экстремизмом, в течение уже целого ряда лет прочно возглавляет Италия. По официальным подсчетам, с 1969 по 1982 г. политические экстремисты совершили в стране 13 тыс. покушений, при этом 312 человек были убиты и 1075 ранены. По данным полиции, в начале 80-х годов в Италии насчитывалось 215 экстремистских организаций и групп, из которых 177 квалифицировали себя как «левые» и 38 — как правые. Большая часть этих группировок представляла собой призрачные, эфемерные объединения из нескольких человек. Лишь некоторые из них — «красные бригады», «прима линеа», «вооруженное пролетарское ядро» (НАП) — приобрели общенациональную известность.

Несмотря на то что наибольший политический отзвук в Италии и за ее пределами вызвали покушения, совершенные левацкими организациями (именно они несут ответственность за убийство в 1978 г. видного деятеля христианско-демократической партии Италии А. Моро, за похищение члена кассационного суда Италии Дж. д'Урсо и американского генерала Дж. Доузера, за убийство одного из руководителей специальной службы по борьбе с терроризмом, генерала Э. Кальвалиджи, и др.), большинство раненых и погибших являются жертвами преступлений неонацистов. Только в результате взрыва на городском вокзале в Болонье, совершенного «чернорубашечниками» в августе 1980 г., погибло более 80 человек,

почти 200 человек получили тяжелые ранения. В декабре 1984 г. неофашисты организовали взрыв мощной бомбы в пассажирском поезде, следовавшем из Неаполя в Милан. Итог этого преступления — 15 убитых и более 150 раненых. Всего же за последние пятнадцать лет в Италии от рук неофашистов погибло свыше 130 человек⁵.

Сигналом к развязыванию крупномасштабных террористических акций в Италии стал взрыв в Сельскохозяйственном банке в Милане, организованный неофашистами в 1969 г. и по всем канонам фашистских провокаций приписанный ультралевым. За взрывом в Милане последовали другие преступления правых экстремистов. Среди них — взрыв бомбы, брошенной в толпу во время демонстрации левых сил в Брешии в 1974 г., который унес девять жизней. В результате другого взрыва, вызвавшего крушение железнодорожного экспресса «Италикус» в августе 1974 г., было убито 12 человек.

Параллельно с правым терроризмом, подыгрывая ему и заимствуя его приемы, развертывался в Италии ультралевый, так называемый красный терроризм. То, что называют «качественным скачком» «левого» терроризма в Италии, произошло в 1974 г. вслед за очередной вспышкой неофашистских провокаций — массовыми убийствами в Брешии и Болонье и попыткой государственного переворота, предпринятой правоэкстремистской организацией «Роза ветров». В ответ на преступления правых крупнейшая левацкая экстремистская организация «красные бригады» заявила о своем намерении перейти от «вооруженной пропаганды» к новой «стратегии», состоявшей в том, чтобы «поразить буржуазное государство в самое сердце». Способом выполнения этой задачи «красные бригады» провозгласили «максимальную политическую дезорганизацию режима и государства». Решающую роль в этом они отводили «городской партизанской войне», принявшей форму вооруженных налетов, покушений и ограблений.

Несмотря на массовые облавы и аресты руководителей террористических группировок, терроризм не покидает авансены политической жизни Италии. Как свидетельствует статистика, каждые пять дней в ней совершается террористическое преступление.

Страна находится в состоянии войны, заявляла французская газета «Либерасьон», подчеркивая, что напряженная внутренняя обстановка, вызванная эскалацией политического экстремизма, свидетельствует о глубоком кризисе общественной системы. С этими высказываниями перекликается и заявление бывшего премьер-министра Италии А. Форлани, признавшего, что терроризм расцвел на плодородной почве социального и культурного кризиса ⁶.

Данную оценку можно смело распространить на целый ряд капиталистических стран Европы — ФРГ, Францию, Великобританию и др. Здесь 70-е годы были также отмечены усилением активности экстремистских группировок как ультралевого, так и правого, профашистского толка. По имеющимся оценкам, в середине 70-х годов в 55 городах Западной Германии существовало около 70 экстремистских групп. Серьезный отпечаток на политическую жизнь Федеративной Республики Германии в этот период наложила активизация неофашистских организаций, а также террористические действия ряда левацких группировок, в частности так называемой «фракции красной армии» (РАФ), известной также под названием «группы Баадера — Майнхоф» (по имени ее руководителей — Андреаса Баадера и Ульрики Майнхоф).

РАФ впервые заявила о себе в 1968 г. нападением на большой универмаг во Франкфурте. Лидеры этой организации объявили своей целью «использование террора, для того чтобы завоевать изнутри Федеративную Республику Германии». Эта «завоевательная война» свелась к многочисленным убийствам и покушениям, ее жертвами стали в конечном счете и сами лидеры РАФ.

Тревожный характер приобрел рост политического экстремизма в Испании. Согласно данным, приведенным в докладе государственной генеральной прокуратуры Испании, в 1977 г. жертвами террористов стали 25 человек, в 1978 г. эта цифра возросла до 88 человек, а в 1979 г. она составила 131 человек. Всего за период с 1968 по конец 1980 г. жертвами политических экстремистов в Испании стали 413 человек. После принятия в ноябре 1980 г. специального закона о борьбе с терроризмом за два года в стране по обвинению в причастности к террористическим акци-

ям было арестовано свыше 2,5 тыс. человек. Бóльшая часть из них была связана с деятельностью баскской террористической организации ЭТА⁷, ряда крайне правых организаций, а также левацкой «группы антифашистского и патриотического сопротивления 1 октября» (ГРАПО).

Анализируя истоки экстремистских движений в Италии, ФРГ и Испании, многие западные исследователи указывают на то, что речь идет о странах с недавним фашистским прошлым, подчеркивая при этом, что распространение экстремизма в них не в последнюю очередь связано с относительной «молодостью» послевоенных демократических структур и отсутствием прочных демократических традиций в политической жизни.

Следует, однако, упомянуть и некоторые другие особенности внутривнутриполитической ситуации в этих странах. Действительно, в каждой из них не выкорчеваны до конца остатки фашистского прошлого в виде существующих и нередко безнаказанно действующих профашистских, неонацистских и других правоэкстремистских организаций, поднимающих голову при любом обострении внутривнутриполитической обстановки и создающих угрозу политического реваншизма и даже фашистского путча. Свидетельство тому — неоднократные попытки государственных переворотов в Италии (заговоры Боргезе и «Розы ветров») и Испании (захват кортесов в 1981 г.). Кроме того, нельзя сбрасывать со счетов и особую, подчас экзальтированную форму, которую приобретают в этих странах различные левоэкстремистские движения, подчеркивающие свой «антифашизм», оперирующие лозунгами и терминологией движения Сопротивления и приписывающие «фашистский характер» современному буржуазному государству.

Указанные особенности политической ситуации в этих странах не могут рассматриваться как основные, тем более единственные причины, порождающие такое явление, как экстремизм, поскольку они имеют значительно более общий и глубокий характер. Это подтверждается тем, что в последние годы политический экстремизм во всем разнообразии его проявлений заметно активизировался и в тех странах капиталистического Запада, которые не только не пережили

«ночь фашизма» и в силу этого не обременены «комплексами виновности», но, напротив, имеют давние демократические традиции.

В частности, во Франции в последнее время имело место резкое усиление активности экстремистских политических группировок как ультралевого, так и правого толка. Если в начале 70-х годов, согласно статистике министерства внутренних дел, в стране совершалось от 100 до 200 вооруженных нападений политического характера ежегодно, то только в 1978 г. их количество составило 637. Ответственность за эти выступления несли прежде всего группы «автономистов» — выходцев из различных анархистских, троцкистских и маоистских организаций, «группа революционных интернационалистских действий» (ГАРИ) и «вооруженные ячейки борьбы за народную автономию» (НАПАП).

В 1979—1980 гг. «автономисты» перешли к «новой фазе» вооруженных политических провокаций: в помещениях ряда парижских министерств были взорваны бомбы, несколько официальных зданий, в том числе министерство труда и министерство кооперации, были обстреляны из автоматов и противотанковых ружей. В конце 70-х годов наиболее экстремистски настроенные представители ГАРИ и НАПАП сформировали организацию «аксион директ» («прямое действие»). В 1979—1981 гг. ее члены осуществили свыше 20 вооруженных нападений на различные учреждения и банки. Сальдо совершенных ими «политических экспроприаций», а попросту говоря, ограблений составило за этот период свыше 100 млн. фр.⁸ Существенно ослабленные в 1980 г. арестами, группы «аксион директ» тем не менее возобновили свою деятельность с осени 1981 г., перейдя на положение подпольных вооруженных банд, и в настоящее время, как отмечает французский «терролог» Ксавье Рофер, «оказались на ничейной земле между миром политики и уголовных преступлений»⁹.

Параллельно с террористическими акциями левацких групп во Франции активизировали действия ультраправые и профашистские группировки типа ФАНЕ (Федерация национального европейского действия). С июня 1979 по сентябрь 1980 г. французскими неофашистами было совершено 159 террористиче-

ских актов. В результате одного из них — взрыва бомбы, подложенной в синагоге на улице Коперника в Париже, — были убиты четыре человека. Об опасном усилении активности французских ультраправых сил свидетельствует рост влияния «Национального фронта» — партии неонацистского толка, лидер которой Ж.-М. ле Пен называет себя «правым националистом».

Не менее 100 экстремистских группировок действовало в 70-х годах в Великобритании. Острейшим политическим и социальным конфликтом, связанным с проявлениями самых различных форм политического насилия и экстремизма, продолжает оставаться для этой страны «ирландский вопрос». Эскалация вооруженного насилия со стороны английских войск в Ольстере, поощряемый ими террор протестантских ультра приводит лишь к разжиганию политических, национальных и религиозных противоречий в Северной Ирландии, вызывают к жизни самые крайние и кровопролитные формы ответной реакции со стороны католического меньшинства.

Из Северной Ирландии применение политического насилия распространяется и на территорию самой Англии. Острая вспышка политического экстремизма наблюдалась здесь в середине 70-х годов, когда в одном лишь 1974 г. во время политических беспорядков были убиты 45 человек, из них 44 — при взрывах бомб, подложенных террористами, и один — во время разгона демонстрации в Лондоне, на площади Красного Льва ¹⁰.

Выступления политических экстремистов приобретают разнообразную форму в различных западноевропейских странах. По существу ни одна из них не была обойдена эпидемией экстремистского насилия, охватившей капиталистический мир в 70-х годах. «Проявления терроризма и вооруженного насилия, — отмечал член руководства ИКП П. Буффалини, — принимают все более широкий размах и становятся весьма тревожным явлением. В целом в капиталистической Европе трудно найти такую страну, которая избежала бы в последние годы проявлений этого опасного феномена» ¹¹.

Примечательно, что целый ряд выступлений западноевропейских экстремистов связан не только

с внутренними проблемами их стран и политикой собственных правительств. Они являются акциями протеста против политического, экономического и военного присутствия в Европе Соединенных Штатов Америки и проводимой Вашингтоном империалистической политики. Примерами могут служить неоднократные покушения на американских дипломатов и военных, руководителей блока НАТО и резидентов ЦРУ в различных европейских странах: убийство руководителя агентурной сети ЦРУ в Афинах Уэлча и генерального инспектора «многонациональных вооруженных сил на Синае» американского генерала Л. Ханта, похищение натовского генерала Дж. Доузера в Риме и др. Действующая в Греции с 1975 г. подпольная организация «революционная народная борьба» совершила свыше 70 террористических актов, направленных против присутствия в Греции американцев: взрывы в посольстве США и резиденции американского посла, в помещениях филиалов американских банков и транснациональных корпораций.

И сами США не были обойдены воздействием экстремистского «паводка», затопившего большинство стран «свободного мира». В конце 60-х годов в США из леворадикальной организации «студенты за демократическое общество» выделилась группа «уэзерменов». Уйдя в подполье, они занялись подготовкой террористических актов против «истэблишмента» и в 1969—1970 гг. совершили серию взрывов в университетских городках, отделениях банков, на призывных участках. Возникли в США и чисто авантюристические, полууголовные террористические группировки типа «симбионистской освободительной армии», прославившейся прежде всего похищением Патриции Херст — дочери крупного газетного магната.

По словам директора ФБР Уэбстера, число террористических акций на территории самих США за один только 1981 г. возросло на 50 %. Следует учитывать и то, что политика государственного терроризма США в отношении других народов весьма часто вызывает ответные террористические акции экстремистов во многих странах на других континентах. Не случайно именно американцы чаще других становятся объектом политического террора. Как признал

в 1983 г. заместитель директора управления по борьбе с терроризмом США Фрэнк Перес в интервью газете «Вашингтон таймс», «Соединенные Штаты исторически были главным объектом международного терроризма. За прошедший год американцы стали мишенью почти 50 % террористических актов»¹².

Политический терроризм не ограничивается странами США и Западной Европы. Исключительно высока активность различных террористических и экстремистских организаций, действующих в Японии. Их акции принимают подчас весьма жестокий, изуверский характер. И здесь «левые» экстремисты, подобно их собратьям в Западной Европе, старательно маскируют свое циничное пособничество силам реакции звонкими, ультрареволюционными названиями вроде группы «красной армии» (экингунха), на счет которой многочисленны убийства, грабежи, взрывы и налеты.

Множатся контакты и связи между политическими террористами из различных стран. Уже давно известно о существовании в Западной Европе подпольного «черного интернационала» — зловещего объединения неофашистов, стоящего за целым рядом политических преступлений правых экстремистов. В настоящее время ими вынашиваются планы создания легальной международной организации.

Пытаются скоординировать свои действия и левачьи террористические группировки. Левоэкстремистские организации в разных западноевропейских странах оказывают друг другу практическую помощь, укрывают разыскиваемых властями террористов, переправляют оружие и документы через границу и даже совместно планируют и осуществляют наиболее крупные террористические акции.

«Несмотря на удары, нанесенные терроризму в некоторых странах, — отмечал итальянский сенатор-коммунист Франко Каламандреи, — общая ситуация все еще серьезная, а с некоторых точек зрения все более ухудшается. Мы не только наблюдаем, как волна терроризма захлестнула новые страны... мы видим, что становятся все более тесными связи как между различными террористическими организациями (а также между ними и мафией, уголовной преступностью, торговлей наркотиками) в национальном

масштабе и в масштабе всей Западной Европы, так и между террористической подрывной деятельностью в этом районе мира и аналогичными силами и организациями других районов мира и других континентов»¹³. Порожденные общими социально-экономическими причинами, разрозненные акции политических экстремистов срастаются в поражающее весь капиталистический мир явление.

2. Поколение кризиса

Отвечая на вопросы исследования, проведенного социологами в Италии в мае 1982 г., большинство опрошенных с убежденностью заявили, что «терроризм — это дитя общества, в котором мы живем»¹⁴. В этом ответе ключ к расшифровке «загадки» современного политического экстремизма, являющегося уродливым порождением общества, основанного на несправедливости и социальном насилии. Экстремизм особенно усиливается, приобретая характер опасного общественного явления, в периоды обострения социальной напряженности, которые все чаще характеризуют действительность капиталистического общества по мере углубления и расширения переживаемого им кризиса. Речь идет о кризисе всеобщем, охватывающем все сферы общественной жизни — экономику, политику, культуру, мораль.

Буржуазные политологи нередко задаются вопросом: почему именно 70-е годы нашего века стали периодом новой «эпидемии» политического экстремизма, охватившей большую часть развитых капиталистических стран? На этот счет выдвигаются самые разные объяснения, с различных сторон анализируются возрастные, психологические, даже сексуальные особенности поколения 70-х годов, которые, по мысли буржуазных исследователей, должны объяснить его особую склонность к «социальной агрессивности». Вновь и вновь всплывают теории «кризиса поколения», разрушения его «моральных и психологических устоев». При этом по существу не упоминается, а точнее сказать, старательно обходится менее замысловатое, однако куда более полное и точное объяснение. Речь идет в данном случае не о «кризисе поколения», а о поколении кризиса, переживаемом

и отражающем в своем сознании глубокий кризис капиталистического общества, который все более остро проявляется и в сфере общественного производства, и в области социальных отношений, в культуре и идеологии, во внутренней и внешней политике капиталистических государств. В особенностях современной фазы этого кризиса следует искать и причины нынешней активизации действий политических экстремистов и определенного расширения их социальной опоры.

Неспособность капиталистического общества решить актуальные проблемы обеспечения своего экономического и социального прогресса в соответствии с возможностями достигнутого уровня развития производительных сил и успехами научно-технической революции, репрессивный внутривластный характер и агрессивный курс во внешней политике с новой силой продемонстрировали утрату этим строем исторической перспективы. Расширение сферы капиталистического угнетения, подчинение диктату монополий все более значительных областей материальной и духовной жизни общества вызвали бурный протест поколения молодежи 60—70-х годов.

Известно, что политический экстремизм традиционно сопровождает обострение социальных противоречий капитализма. Именно в периоды нарастания социальных кризисов он из акций экстремистов-одиночек и провокаторов превращается в угрожающее социальное явление, которое стремятся поставить себе на службу правящие классы, пытаясь преградить дорогу назревшим общественным преобразованиям. Таким периодом стало для капиталистического мира десятилетие 70-х годов. Эти годы во многих отношениях явились переломными с точки зрения изменения соотношения сил на мировой арене, заметного ослабления позиций мирового империализма и его ведущей силы — Соединенных Штатов Америки, нарастания в его недрах глубоких и неразрешимых противоречий.

Именно к началу 70-х годов Советский Союз и другие страны социалистического содружества добились установления военно-стратегического равновесия с США и другими странами НАТО, что существенно ограничило возможности ядерного шантажа

социалистических стран со стороны западных держав и сузило сферу империалистического произвола Запада в остальной части мира. По существу в эти же годы закончилось завоевание национальной независимости большинством народов Азии, Африки и Латинской Америки, были ликвидированы последние колониальные империи. Успехи освободительной антиимпериалистической борьбы народов Кубы, Вьетнама и других стран продемонстрировали перед всем миром способность противостоять империалистическому давлению и агрессии, равно как и мощь интернациональной солидарности революционных и миролюбивых сил.

Внутренних успехов добилось в эти годы и движение рабочего класса в капиталистических странах, новый подъем которого закономерно вовлек в социальные бои значительную массу непролетарских слоев. Их появление на поле социальных конфликтов и вступление в активную политическую борьбу придало немалое своеобразие антимонополистическим и демократическим движениям конца 60-х — начала 70-х годов во многих капиталистических странах.

Нынешний этап всеобщего кризиса капитализма имеет целый ряд особенностей, многократно усиливающих его пагубные последствия и резонанс. «Империализм запутался во внутренних и межгосударственных антагонизмах, потрясениях, конфликтах»¹⁵, — отмечалось на июньском (1983 г.) Пленуме ЦК КПСС. Кризис захватывает все более обширные районы мира, не только поражая большинство ведущих капиталистических стран, но и втягивая в свою орбиту многие, зависящие от них развивающиеся государства, нанося удар в целом по мировой экономике и международным отношениям. В отдельных капиталистических странах его поражающее действие распространяется на все более широкие слои населения. Не только рабочий класс, но и средние слои общества — интеллигенция, мелкая буржуазия, служащие, а также различные угнетаемые социальные группы и национальные меньшинства ощущают на себе воздействие его «ударной волны».

Одна из важнейших особенностей нынешней стадии кризиса, переживаемого современным капитализмом, заключается в его неспособности справиться

с социальными последствиями небывалой по глубине и масштабам научно-технической революции. Научно-технический прогресс, призванный облегчить труд людей, улучшить их жизнь, способствовать всестороннему развитию личности и решению острых социальных и глобальных проблем, встающих перед человечеством, в условиях капитализма приобретает извращенный, а чаще всего прямо противоположный характер. Искжая само понятие прогресса, капиталисты пытаются поставить достижения науки и техники на службу системе угнетения и эксплуатации, превращая их в орудие извлечения дополнительной прибыли, закабаления народов и разграбления целых континентов, безжалостного разрушения окружающей среды и создания новых систем разрушительного оружия, грозящего гибелью земной цивилизации.

«Некоторые думали,— писал американский исследователь политического экстремизма Б. Браун,— что научный прогресс открывает путь к расцвету человеческой свободы, преодолению традиционных общественных конфликтов прошлого, созданию общества, характерными чертами которого станут стабильность, процветание, свобода. Однако развитие современного общества продемонстрировало, что стабильность легко сменяется крайней нестабильностью, процветание оборачивается нищетой, а свобода превращается в новую и устрашающую форму порабощения»¹⁶. В этом обвинении, брошенном научному прогрессу, недостает лишь одного уточнения: речь идет о развитии современного капиталистического общества, ибо именно капиталистический вариант научно-технической революции выявляет глубоко антигуманный характер этого строя и одновременно приводит к дальнейшему обострению всех его противоречий.

В условиях капиталистического общества научно-техническая революция предстает, в частности, в виде роботов, вытесняющих тысячи людей из производства, которые пополняют армию безработных, в виде сверхсовременных полицейских машин, оборудованных гранатометами и водометами, для разгона уличных демонстраций и тушения социальных пожаров, а также электронных компьютерных картотек, в которые заносятся данные на жителей «свободного мира».

Не удивительно, что для определенной части молодых людей в странах Запада само понятие научно-технического прогресса может ассоциироваться с социальным регрессом, порождать подогреваемые теориями леворадикальных идеологов убеждения в «репрессивном характере» любой «технической цивилизации».

Эти настроения отразились в «антитехницистских» тезисах целого ряда идеологов леворадикального толка, в том числе Герберта Маркузе. «Технический прогресс,— писал он в книге «Одномерный человек»,— укрепляет всю систему господства и координации, которая в свою очередь направляет прогресс и создает такие формы жизни (и власти), которые как бы примиряют с системой оппозиционные силы и тем самым обрекают на неуспех всякий протест, выступающий от имени исторической перспективы и освобождения человека»¹⁷.

Болезненная, нередко экстремистская реакция западной молодежи на те извращенные, подчас уродливые формы, которые придает научно-технической революции господство монополистического капитала (участившиеся в последнее время нападения экстремистских групп на электронно-вычислительные центры, в которых сосредоточиваются статистические и иные данные о миллионах жителей западных стран, породили даже новый термин — «электронный терроризм»), дает основания представителям реакции обвинять протестующую молодежь в «луддизме», квалифицировать ее протест как агрессивную реакцию на поступательное развитие современной науки и техники со стороны социальных слоев, которые не могут адаптироваться к происходящим переменам.

Еще К. Маркс показал, что научно-технический прогресс, предполагающий превращение науки в непосредственную производительную силу, требует революционного преобразования общественных отношений, ликвидации капиталистической системы хозяйства и может полностью раскрыть свой потенциал лишь в условиях социализма. Эта истина еще раз подтверждается извращенными формами развития науки и техники при капитализме, теми пагубными социальными последствиями, которые оно несет обществу, и прежде всего широким массам трудящихся.

Наиболее драматическим проявлением этих тенденций в последнее время стала массовая безработица, охватившая основные капиталистические страны и являющаяся следствием не только очередного спада производства, но и той формы, которую приобретает его рационализация в странах капитала. Как отмечает английский социолог Б. Джордан в книге «Массовая безработица и будущее Великобритании», «с середины 60-х годов в развитых капиталистических странах происходит рост безработицы, вызванный внедрением новой технологии. В предыдущие периоды снижение занятости нередко имело место в результате экономических спадов или автоматизации отдельных стагнирующих отраслей народного хозяйства. Однако на этот раз процесс охватил развивающийся промышленный сектор. Во всех крупных капиталистических странах это привело к тому, что, несмотря на увеличение промышленного производства, занятость в течение последних 15 лет неуклонно снижалась»¹⁸. Она еще более катастрофически пошла вниз в период глубочайшего кризиса и последовавшей за ним депрессии, охватившей капиталистическую экономику в 70—80-х годах.

В эпоху нынешней научно-технической революции роботизация и широкое внедрение микропроцессоров «съедают» сотни тысяч, если не миллионы, рабочих мест. Однако в условиях капиталистической экономики высвобождающаяся рабочая сила, вместо того чтобы быть поставленной на службу дальнейшему экономическому прогрессу общества и решению стоящих перед ним проблем, без сожаления исключается из производственного процесса, в результате чего до гигантских размеров увеличивается, «разбухает» резервная армия труда. Одновременно растет число отчаявшихся, отверженных и уже навсегда потерянных для общества и для самих себя людей. «Научно-техническая революция с ее роботами, компьютерами и другими техническими новшествами, — отмечалось в главном политическом докладе XXIII съезду Коммунистической партии США, — требует нового подхода со стороны рабочего класса, так как контроль корпораций над этими новыми достижениями обходится в миллионы рабочих мест. Эти достижения под контролем корпораций делают ненужными многие

профессии, приобретенные за долгие годы тяжелого труда»¹⁹.

В начале 80-х годов число безработных в развитых капиталистических странах достигло рекордного уровня. Так, в Великобритании и во Франции безработица приобрела более широкие масштабы, чем во время мирового кризиса 1929—1933 гг., в ФРГ она достигла самого высокого уровня за все время существования этого государства. В Соединенных Штатах Америки в декабре 1982 г. безработица составляла 10,8 % трудоспособного населения, и он был наивысшим с 1941 г. При этом к официально регистрируемому числу безработных следует добавить сотни тысяч человек, «слишком отчаявшихся, чтобы искать работу». Если к ним приплюсовать еще 6,6 млн., занятых неполную рабочую неделю, то получится, что в этой стране почти 19 млн. человек охвачены открытой, скрытой или частичной безработицей.

В последние годы процент безработных в США несколько уменьшился (до 7 %) по сравнению с высшей кризисной отметкой, однако остался существенно выше, чем в любой послевоенный год до 1975 г. В Западной Европе в отличие от США безработица продолжала расти и достигла к концу 1984 г., по данным Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР), в которую входят 24 индустриальных капиталистических государства, 18 млн. человек.

Особенностью безработицы 70—80-х годов является ее исключительно устойчивый характер. Как считает швейцарский экономист К. Шильткнехт, «массовую безработицу в Европе не удастся ликвидировать до 90-х годов»²⁰. Конкретные показатели уровня занятости в различных капиталистических странах могут колебаться в зависимости от более или менее благоприятной конъюнктуры. Однако масштабы постоянной, нерассасывающейся безработицы в ведущих капиталистических странах приобрели невиданные ранее размеры. Это приводит к появлению в рамках буржуазного общества обширных групп населения, надолго, а то и постоянно выключенных из производительной деятельности, а вслед за этим и вообще из общественной жизни, к разрастанию маргинальных слоев, люмпенизации и деклассированию

уже не отдельных индивидов, а значительных отрядов населения.

Французский социолог и философ А. Горц в этой связи предлагает даже новую категорию «не-класс нетрудящихся», или «не-пролетариат». Этот «не-класс» в перспективе, согласно его рассуждениям, потеснит занятый в производстве рабочий класс, который, сделавшись меньшинством населения, присоединится по существу к эксплуататорским классам²¹. Пытаясь обратить порок в добродетель, некоторые буржуазные ученые начинают доказывать, будто столбовая дорога человеческой цивилизации чуть ли не с неизбежностью проходит через оттеснение значительной части работоспособного, полного энергии и творческих сил населения на обочину общественной жизни. «Страшно не только то, что трехмиллионный уровень безработицы как бы прижился в Великобритании. Еще страшнее, что сама идея полной занятости официально отброшена прочь как практически неосуществимая в обозримом будущем», — заявляют видные английские профсоюзные руководители М. Ивэнс и А. Фишер. «Нас ожидает экономика, которая просто не нуждается в каждом и не способна принять каждого как производительного работника. Мы должны признать право на «не-работу»,²² — пишут американские социологи, авторы сборника «По ту сторону левого и правого».

Так, не способное обеспечить собственным гражданам одно из первейших человеческих прав — право на труд, эксплуататорское общество пытается узаконить «право» эксплуататоров на социальную «эвтаназию» — удаление из общества «лишних» его членов, чтобы обеспечить себе максимальную прибыль, обрекая многих из этих «лишних» людей на гражданскую, а подчас и физическую смерть.

Вопреки досужим рассуждениям буржуазных идеологов о формировании «внетрудовой» цивилизации набирает силу процесс прогрессирующего омертвления новых участков социальной ткани буржуазного общества, подтверждающий тупиковый характер пути, по которому движется капиталистическая цивилизация. Особенностью этого процесса является то, что в число новых «отверженных» все чаще попадают не только представители рабочего

класса, но и никогда не работавшие молодые люди (выпускники школ и высших учебных заведений), представители интеллигенции, разоряющейся мелкой и даже средней буржуазии. Разумеется, реакция этих слоев на столь драматическое изменение их социального статуса существенно отличается от поведения представителей рабочего класса, объединенного в профсоюзы, которые организуют его и отстаивают его права.

Вынужденная безработица, утрата устойчивой жизненной перспективы оказывают весьма болезненное воздействие на эти слои, поскольку обеспеченное материальное и общественное положение и привычные социальные ожидания создавали у значительной части их представителей иллюзию гарантированного благополучия и явной привилегированности по сравнению с массами трудящихся. Подобная ситуация часто деформирует их психологию, озлобляет и нередко толкает на антиобщественные поступки. Именно такие люди чаще всего становятся легкой добычей как крайне правых профашистских группировок, так и левацких экстремистов, превращаются в важнейший резерв, из которого эти группировки вербуют новых рекрутов.

Наиболее уязвимыми для бича безработицы являются самые слабо защищенные слои населения — молодежь, женщины и иммигранты. Молодые люди в возрасте до 25 лет, как правило, составляют около половины всех безработных, и для многих из них пособие по безработице — это единственный самостоятельный «заработок». «Нынешний кризис сделал молодежь лишним поколением, — писал Генеральный секретарь Коммунистической партии США Г. Холл. — Большинство молодых людей в гетто так никогда и не становятся ни работающими, ни безработными. Они обречены на безработицу еще до вступления в трудоспособный возраст. Подобно урагану, кризис оставляет в гетто и барриос²³ нашей страны жестокие следы разрушения. И по своей направленности этот экономический ураган безжалостно расистский»²⁴. Так, если доля безработных среди всей американской молодежи в возрасте от 16 до 19 лет составляла весной 1984 г. 19,4 %, то среди черных американцев того же возраста этот показатель был равен 45 %, что представляет собой, по признанию

официальных кругов Вашингтона, «национальную трагедию».

Расизм многократно усиливает последствия экономического кризиса для цветного населения не только в США, но и во многих западноевропейских странах, где за последние годы заметно возросло число иностранных рабочих из африканских и азиатских стран. В Великобритании среди черного населения безработица за последние 10 лет растет в 2,5 раза быстрее, чем в целом по стране. В «цветных» районах Лондона и Ливерпуля, где в 1982 г. произошли наиболее ожесточенные столкновения с полицией, безработица только за один год удвоилась²⁵. Раздуваемые ветром расовой вражды, искры социального недовольства все чаще превращаются в пожары кровавых столкновений с полицией, вспыхивают неконтролируемым насилием и актами терроризма.

Печать многих стран Западной Европы констатирует наличие значительной массы молодых людей, не имеющих под ногами почвы и готовых на все. Бесплодные поиски работы, чувство безысходности, безразличие западного общества к проблемам, тревожащим молодежь, нередко приводят к разочарованию в жизни, толкают молодых людей на путь экстремизма. Как отмечали французские коммунисты во время специального пленума ЦК ФКП, посвященного проблемам молодежи, экстремизм — следствие морального кризиса, порожденного капитализмом.

«Кризис капиталистического общества в целом, — отмечают авторы сборника «Терроризм и демократия», — и в частности кризис таких средств социализации, как семья, школа и труд, поражает психологию многих молодых людей, усиливает их склонность к мятежу, а также растерянность и отчаяние, которые часто приобретают у них экзальтированную форму и идеологическую окраску. Именно эти условия порождают отказ от политики и существующих институтов; именно они подталкивают часть молодежи к насилию, к участию в действиях вооруженных групп, а другую ее часть делают безразличной к социальным, политическим и человеческим последствиям терроризма и к увеличению числа вооруженных банд»²⁶.

Лишая молодежь права на труд, правящие круги

буржуазных государств одновременно ведут дело к тому, чтобы ограничить доступ широких масс молодежи к образованию. Положение в этой области стало еще одним красноречивым примером реакционной, антидемократической реализации капиталистическим обществом объективных потребностей научно-технической революции.

Наряду с неизбежным и необходимым в современную эпоху расширением сферы высшего и среднего образования классовая дифференциация и социальный «отбор» все глубже проникают в университеты и в средние школы. Сокращая ассигнования на образование и сроки обучения, намеренно снижая уровень подготовки студентов, буржуазия пытается максимально сократить как материальные, так и духовные «издержки», связанные с процессом обучения, считая не только непрактичным, но и социально опасным обеспечивать всестороннее высшее образование для всей студенческой массы, включающей ныне немало выходцев из семей трудящихся. Еще Ф. Энгельс отмечал: «Если буржуазия заботится о существовании рабочих лишь постольку, поскольку это ей необходимо, то не приходится удивляться, если она и образование дает им лишь в той мере, в какой это отвечает ее интересам»²⁷.

Раньше социальная сегрегация осуществлялась в грубой, но «эффективной» форме отказа в получении образования широким слоям выходцев из семей трудящихся. Ныне классовый характер системы образования проявляется в более замаскированных формах: в попытках снизить его уровень, затруднить получившей образование демократической молодежи доступ к ключевым позициям в организации и управлении производством и в государственном аппарате, а также в том, чтобы уже в средней школе происходила социальная «сортировка» молодежи на граждан первого, второго сорта и т. д.

Однако и «урезанное» образование, максимально приспособленное к выполнению функций по техническому обслуживанию машины капиталистического бизнеса, не дает гарантии на получение работы. Лишь около 40 % выпускников английских университетов в 1982 г. сумели найти работу по специальности. Остальные 60 % либо сразу влились в армию безра-

ботных, либо перебивались случайными заработками. Такова судьба и большинства выпускников средних школ в странах Запада.

Во Франции, Великобритании и ФРГ лишены возможности обучения профессии тысячи выпускников школ. Западногерманская газета «Франкфуртер альгемайне» подсчитала, что за период с середины 70-х до середины 80-х годов почти 1,5 млн. выпускников школ не получили мест для обучения на производстве, в школах профессионального обучения и высших учебных заведениях. Как вынуждены были признать на состоявшейся в Лондоне (1978 г.) встрече главы крупнейших западных держав, массовая безработица среди молодежи создает «новое поколение обездоленных».

В то время как объективные потребности экономического и научно-технического прогресса все настойчивее ставят перед обществом вопрос о более активном вовлечении в производство и в общественную жизнь широких слоев молодых трудящихся и интеллигенции, монополистический капитал отстраняет от общественно полезного труда миллионы молодых, полных физических и творческих сил людей, обрекая их на ущербное и несправедливое существование. Отторжение значительной массы молодежи от сферы производства ведет к широкому распространению в ее среде настроений тревоги, отчаяния, неуверенности в завтрашнем дне, которые нередко находят выход во всплеске экстремизма. Развитие экстремизма становится, таким образом, одним из результатов отчуждения молодежи от общества вследствие безработицы и разрушения важнейших механизмов социализации молодежи.

Социальный протест в капиталистических странах «молодеет» одновременно с «омолаживанием» контингента трудящихся, эксплуатируемых монополистическим капиталом, непосредственно сталкивающихся с царящей в буржуазном обществе социальной несправедливостью. Как говорилось в докладе, подготовленном в ходе коллоквиума международных неправительственных организаций при ЮНЕСКО, посвященного теме прав и ответственности молодежи, молодежь находится в парадоксальной ситуации. Никогда еще перед ней не было открыто столько воз-

возможностей и шансов. В то же время никогда ее положение не характеризовалось такой напряженностью, никогда она не испытывала такого давления, ее будущее не было так неопределенно, как это имеет место сейчас в капиталистических странах.

Характеризуя поколение 70-х годов, американские исследователи Д. Маршак и Д. Вули в докладе, подготовленном для симпозиума ЮНЕСКО, писали: «В 70-х годах обнаружился особенно резкий контраст между просвещенным и либеральным фасадом всего свободного мира и действительным характером его внутренней и внешней политики. Очевидно, что группой, наиболее глубоко поверившей в этот миф и столь безжалостно преданной, была молодежь, достигшая зрелости именно в эти годы²⁸. Это поколение молодых столкнулось на пороге своей самостоятельности с эксплуататорской, репрессивной и аморальной стороной общества монополистического капитала, и не удивительно, что это столкновение не прошло безболезненно. Эксплуатируемые капиталистическим обществом наравне со старшими поколениями, являясь во многих случаях жертвами специфической сверхэксплуатации, значительные отряды молодежи в западных странах выступают против социальной несправедливости, которая вызывает у них возмущение, нередко переходящее в слепую ярость, и поднимает на протест, часто принимающий экстремистские формы.

3. Сатурн, пожирающий детей

Острые экономические, политические и социальные проблемы, порождаемые глобальным характером кризиса капиталистического общества, обостряют все общественные противоречия и антагонизмы в мире капитала, вызывают недовольство и растущий протест самых различных слоев населения. Этот протест, порожденный различными, весьма разноречивыми мотивами, выливается в многообразные социальные столкновения и конфликты, расширяющие рамки основного классового конфликта капиталистического общества.

Новые социальные противоречия буржуазного строя находят подчас неожиданные проявления, оформляются в различные общественные движения,

нередко конкурирующие с традиционными политическими партиями по формам деятельности и методам борьбы. «В развитых капиталистических странах в 70-х годах, — пишут советские исследователи Ю. Красин и Б. Лейбзон, — появилось множество нетрадиционных организаций: автономных социальных движений протеста, отличающихся большим своеобразием и охватывающих широкие круги населения. Характер и быстрый рост этих движений позволяют говорить о новом явлении в общественной и политической жизни буржуазных государств»²⁹.

В немалой степени это явление объясняется кризисом политической структуры современного буржуазного общества и его основных институтов, растущим недоверием значительных слоев населения к механизму функционирования западной демократии и буржуазному государству, неверием в его способность решить назревшие экономические и социальные проблемы капиталистических стран, неприятием бездушия и бюрократизма, порождаемых современным буржуазным обществом.

Одним из красноречивых проявлений подлинного «кризиса доверия» к буржуазной политической системе, проявившегося в последние годы, стало усиление социальной пассивности, характерное для все более широких слоев населения капиталистических стран и выражающееся прежде всего в сокращении участия населения в парламентских и других выборах, а также в ослаблении интереса к деятельности традиционных политических партий. Особенно это явление характерно для современной западной молодежи.

В ходе социального опроса, проведенного среди молодежи журналом «Нувель обсерватер» с помощью французского Института по изучению общественного мнения, ответы на вопрос о предпочтении того или иного типа политической организации распределились следующим образом: политические партии — 4 %, организации в защиту прав человека — 22, организации по охране окружающей среды — 48, организации по улучшению деятельности местных коммун — 29 %. На этом основании авторы исследования делают вывод о том, что «усиливается разрыв между интересами молодежи и классическими формами политики. Сталкиваясь с политическими инсти-

тутами, политическими нравами, политическим языком, молодежь выносит впечатление архаизма этой среды»³⁰. О своем «недоверии» к политике и политикам говорят в серии интервью, опубликованных газетой «Монд», и сами молодые французы: «Все эти политики и различные кандидаты специально говорят так, чтобы их не понимали. Они общаются только между собой»³¹.

Аналогичное явление наблюдается и в других капиталистических странах. По оценкам австрийского журнала «Репорт», каждый второй молодой человек не верит в возможность политического влияния посредством парламентских выборов. Социологические опросы населения, проведенные в последние годы в США с целью выявить причины резкого снижения числа избирателей, участвующих в выборах, показывают, что, по мнению большинства американцев, от их участия или неучастия в выборах ничего не изменится. «Это подлинный вопль отчаяния»³², — писала газета «Вашингтон пост». «Значение парламентов как посредников между народом и исполнительной властью уменьшилось, — пишут западногерманские исследователи А. Шмид и де Грааф. — Неспособность парламентской демократии в достаточной степени эффективно реагировать на изменения, происходящие в обществе, привела к широкому росту внепарламентских групп, стремящихся решать свои проблемы путем прямого обращения к общественности»³³.

Данные опроса общественного мнения, проведенного Би-би-си среди английских юношей и девушек в конце 1983 г., показали, что английская молодежь по существу утрачивает доверие к парламенту страны. 76 % опрошенных заявили, что они не верят в предвыборные обещания политиков. Британский парламент, считают молодые англичане, большей частью обсуждает вопросы, которые далеки от насущных проблем, и принимает решения, противоречащие интересам большинства населения страны. Наглядным подтверждением этого в глазах многих молодых людей стали принятые западноевропейскими правительствами и послушно проштампованные парламентами соответствующих стран, вопреки ярко выраженной воле большинства их населения, реше-

ния о размещении в странах Западной Европы новых американских ядерных ракет средней дальности.

Отчужденное отношение все более значительной массы молодежи к буржуазным политическим институтам распространяется и на политику в целом. Немалую ответственность за распространение в молодежной среде настроений разочарования и предубежденности в отношении политической деятельности как таковой и за поворот некоторой части молодежи к экстремизму несут реформистские лидеры социал-демократии и правых профсоюзов, вступившие на путь «социального партнерства» и соглашательства с буржуазией. Активизация экстремистских движений в целом ряде западноевропейских стран еще раз свидетельствует об актуальности ленинского предостережения о том, что рост анархизма в рабочем движении может являться расплатой за оппортунистические грехи его лидеров. Любое снижение активности организаций рабочего класса, ослабление наступательного, боевого характера их выступлений и борьбы в защиту жизненных интересов трудящихся, оппортунистические шатания в рядах рабочего движения приводят к тому, что высвободившееся «политическое поле» немедленно стараются захватить идеологи левацкого экстремизма.

Экономический и политический кризис буржуазного общества оборачивается моральным и личностным кризисом для миллионов молодых людей. Он, принося материальные лишения, вызывает у них чувство разочарования, утраты жизненной перспективы, отчаяния. Процесс десоциализации западной молодежи, ее вытеснения из общественной жизни способен привести (и на деле приводит) значительные слои молодежи к разрыву их связей с остальным обществом, к противопоставлению себя общественной политической структуре, включая демократические силы, рабочее и профсоюзное движение.

Настроение безысходности и отчаяния, ощущение бессмысленности существования в чуждом и враждебном обществе, охватывающие значительные слои западной молодежи, находят проявление в различных формах антисоциального поведения. С одной стороны, это социальная апатия, безразличие, «отстраненность» от общественной жизни и политиче-

ской борьбы. Чаще всего именно эти настроения лежат в основе обращения молодежи к созданию различных форм собственной «контркультуры», к наркотикам и религиозно-мистическим культам, проявляются в усиливающейся депрессии, алкоголизме, росте числа самоубийств. С другой — это всплеск волны агрессивности, жестокости и насилия. В. И. Ленин подмечал, что «одна и та же психология, одна и та же классовая особенность, напр., мелкой буржуазии, проявляется и в унынии оппортуниста и в отчаянии террориста»³⁴.

Не находящие удовлетворения и даже просто выхода, настроения социального недовольства некоторых слоев капиталистического общества лежат в основе озлобленной экстремистской реакции на окружающую действительность. Политический экстремизм, а также его крайняя форма — терроризм представляются отчаявшейся, духовно опустошенной, лишенной политического опыта и моральных идеалов молодежи одним из вариантов кратчайшего, «прямого» пути к преодолению острых социальных проблем современного капиталистического общества. Подобная реакция молодого поколения на те беды, которые несет ему капиталистический строй, в конечном счете устраивает буржуазию. Разочарование, апатия, с одной стороны, и бездумный экстремизм — с другой, попытки забыться с помощью наркотиков, моральная деградация — все это не угрожает основам капиталистического общества.

На путь экстремистских и террористических действий подталкивают молодежь и специфические особенности развития современного западного общества, связанные с подъемом волны насилия и преступности. Речь идет о феномене, который с огромной быстротой распространяется в капиталистических государствах и становится одной из характерных черт политической и социальной жизни. Насилие, подчас бессмысленное, абсурдное, приобретает все больший размах в капиталистическом мире, и в особенности в США — стране, пытающейся при этом играть роль лидера «свободного мира» и ревностного защитника «прав человека». «Преступность и страх стать жертвой преступления поразили американское общество... Мы превратились в общество, которое бессильно поддер-

живать элементарную безопасность на улицах, в школах, защитить дома американских граждан от ограблений»³⁵, — отмечал У. Бергер, председатель Верховного суда США.

Насилие стало характерной чертой американского образа жизни, составной частью социальной и морально-психологической среды, в которой живут и воспитываются миллионы граждан США. За последние десятилетия в США число преступлений с применением насилия возросло на 50 %. Эти преступления затрагивают 30 % американских семей, уносят жизни более 23 тыс. американцев в год³⁶.

30 марта 1981 г., выступая в Вашингтоне на конференции профсоюза строителей, президент США Р. Рейган выразил озабоченность в связи с угрожающей волной насилия, охватившей Соединенные Штаты. Буквально через несколько минут после этого на него было произведено покушение. Рейган стал девятым президентом США, на жизнь которого покушались. Четыре президента были убиты в результате покушений (Линкольн — в 1865 г., Гарфильд — в 1881 г., Мак-Кинли — в 1901 г., Кеннеди — в 1963 г.). «Америка пожирает то, что посеяла», — констатировала итальянская газета «Эко». По данным ФБР, в США насчитывается около десятка террористических организаций, совершающих убийства по политическим мотивам и ведущих активную кампанию запугивания и шантажа своих «противников».

На насилии, уже давно ставшем частью повседневной действительности США, основываются определенные интересы той части американского общества, которая прямо или косвенно живет за его счет. Речь идет о бизнесе гигантских размеров. Имеются сферы экономической деятельности, полностью существующие за счет дивидендов от насилия. Это прежде всего производство оружия и торговля им.

В период усиления социальной напряженности в обществе буржуазия все чаще использует и инструменты прямого подавления социального недовольства — полицию и армию. В США за последние 10 лет блюстителями «законности и порядка» были убиты 6 тыс. американцев в возрасте от 10 до 80 лет³⁷. Монополии обзаводятся собственными вооруженными отрядами надсмотрщиков и охранников. Одним из

таких наемных «горилл» во Франции летом 1977 г. был застрелен член забастовочного пикета Всеобщей конфедерации труда Пьер Мэтр.

Настоящие военные действия вела английская полиция против гражданского населения Ливерпуля и ряда других городов Великобритании летом 1981 г. Подводя итоги двухдневных уличных боев в Ливерпуле, газета «Таймс» сообщала, что только в Ливерпульский королевский госпиталь было доставлено 150 раненых. Общее число раненых составило около 250 человек, несколько десятков человек были арестованы. Газета привела высказывание лидера лейбористской фракции в муниципалитете Ливерпуля Дж. Гамильтона, заявившего, что коренной причиной волнений является социальная политика нынешнего правительства, в результате которой безработица в районе волнений достигла 40 % всего трудоспособного населения. У нынешних беспорядков в разных концах страны могут быть различные поводы, писала газета «Гардиан», однако основа у них одна: это общество, которое безжалостно выбрасывает все больше и больше молодых людей на социальную свалку, порождая недовольство и создавая условия, когда терпению приходит конец.

С небывалой жестокостью расправилась в 1981 г. западноберлинская полиция с демонстрантами, протестовавшими против жилищной политики сената этого города. 1800 полицейских, вооруженных водометами, тяжелыми строительными машинами и бронетранспортерами, взяли штурмом восемь домов, занятых бездомной молодежью. Один из демонстрантов, 18-летний Клаус Раттау, погиб.

Насилие становится существенной чертой социального бытия в капиталистических странах. В этих условиях многие молодые люди видят в нем наиболее подходящее средство для решения любых проблем, а также социальных конфликтов. Определенные группы молодежи все чаще обращаются к насилию как к единственному способу если не изменить общество, то хотя бы напомнить ему о своем существовании. Для многих из них обращение к насилию — это своеобразный, хотя и извращенный, способ вступить в контакт с тем обществом, которое игнорирует их проблемы.

Глубокий моральный кризис, переживаемый молодежью в капиталистических государствах, является одним из наиболее убедительных свидетельств и симптомов процесса необратимого социального распада, который переживает это общество. Капитализм выступает как Сатурн, пожирающий собственных детей. Продолжающееся ухудшение условий жизни, которое сопровождается кризисом духовных ценностей и «дефицитом» идеалов среди молодого поколения в капиталистических странах, все чаще приводит к тому, что многие молодые люди, которые не видят для себя жизненной перспективы, встают на путь политического насилия.

III. НОВЫЕ РЕКРУТЫ

1. Взрывчатая смесь

Продолжающееся сползание капиталистического общества в пучину острейших социальных противоречий побуждает к протесту против царящей в нем несправедливости представителей самых различных категорий трудящихся и слоев населения. Ведущей силой в борьбе за революционное преобразование общества выступает рабочий класс. Объединенный в профессиональные союзы и другие массовые организации, возглавляемый революционными партиями коммунистов, современный пролетариат ведет широкое боевое наступление на позиции буржуазии и монополистического капитала, вовлекая в эту борьбу обширные слои трудящихся.

При этом нельзя не учитывать, что рост рабочего движения, как указывал В. И. Ленин, «неизбежно привлекает в число его сторонников известное количество мелкобуржуазных элементов, поработанных буржуазной идеологией, с трудом освобождающихся от нее, постоянно впадающих в нее снова и снова»¹. Это явление приобретает еще большие масштабы в современных условиях, когда в силу уже упоминавшихся особенностей углубляющегося кризиса капиталистического строя широкие непролетарские слои общества не только присоединяются к борьбе рабочего класса за освобождение, но и сами вступают в конфликт с системой монополистического угнетения.

Новые отряды борцов за социальное обновление и переустройство общества привносят в политическую жизнь многочисленные особенности, комплексы и наслоения, которые связаны с их двойственным и противоречивым социальным статусом, мучительной раздвоенностью их общественной позиции. Кроме того, они являются объектом интенсивной идеологической обработки со стороны правящей верхушки капиталистического общества, различных буржуазных и мел-

кобуржуазных идеологов. Их общественно-политическая позиция в силу этих факторов, а также недостаточной зрелости и отсутствия политического опыта чаще всего непоследовательна и противоречива. Отмечая неизбежность присоединения к пролетарской партии «мелкобуржуазных *попутчиков*», В. И. Ленин характеризовал их как «наименее способных усвоить пролетарскую теорию и тактику, наименее способных удержаться в эпоху развала, наиболее склонных до конца доводить оппортунизм»².

Массовый выход представителей этих слов на политическую арену в конце 60-х годов привел, подобно тому как это было в начале XX в., к подъему «гигантской мелкобуржуазной волны»³, воздействие которой ощутили на себе представители самых различных общественных групп и политических партий. Одним из наиболее характерных проявлений воздействия мелкобуржуазной стихии на политическую и общественную жизнь развитых капиталистических стран и явился политический экстремизм.

Как уже отмечалось, обострение противоречий между монополистической буржуазией и широкими массами непролетарских слоев трудящихся закономерно вызывает стихийный рост мелкобуржуазной революционности. Ее различные проявления, включая экстремистскую и террористическую деятельность, с давних пор сопровождали развитие капитализма, усиливаясь и обостряясь по мере углубления его кризиса. В наши дни особую значимость и качественно новый масштаб этому явлению придают следующие факторы: во-первых, значительное разрастание непролетарских слоев в социальной структуре современного буржуазного общества, заметное увеличение отрядов гуманитарной и технической интеллигенции, студенческой молодежи, служащих, работников сферы обслуживания и управленческого персонала; во-вторых, все более осязаемое для представителей этих слоев воздействие на них последствий общего кризиса капитализма и усиления монополистического гнета, резко ухудшающее их положение в обществе и объективно сближающее их с рабочим классом.

Политический экстремизм как «левого», так и правого толка по сути дела представляет собой специфическую, извращенную реакцию отдельных представи-

телей этих слоев общества на резкое, подчас драматическое ухудшение их материального и общественного положения, является выражением их иногда неосознанного протеста против усиления господства монополистического капитала, удушающей бюрократизации и авторитаризма государственного аппарата, против наступления монополий на демократические права трудящихся и всех граждан. Политический экстремизм — это бесспорно явление, характерное для непролетарских мелкобуржуазных слоев, несмотря на то что в рядах экстремистских и террористических группировок наряду с представителями мелкой буржуазии, студенчества и интеллигенции можно встретить как выходцев из крупной буржуазии, так и молодых рабочих и крестьян.

Согласно подсчетам, проводившимся в ряде стран Западной Европы, доля представителей мелкой буржуазии и новых средних слоев среди членов различных экстремистских и террористических группировок составила: в ФРГ — 84,5 %, во Франции — 79,1, в Италии — 78,7 %⁴. По опубликованным в Италии статистическим данным, относящимся к периоду с сентября 1978 по декабрь 1979 г., среди 147 арестованных террористов было 11 безработных, 70 преподавателей или студентов, 33 рабочих, 9 домохозяек, 19 служащих, 5 выпускников высших учебных заведений. В ФРГ в конце 70-х годов специальной рабочей группой по изучению терроризма, включавшей социологов, психологов, политологов и криминалистов, была составлена персонограмма 40 наиболее известных западногерманских террористов. Полученные данные свидетельствовали о том, что 70 % включенных в нее террористов принадлежали к образованным высшим или средним слоям, $\frac{2}{3}$ из них получили высшее образование, все имели гуманитарные специальности⁵.

Если проанализировать состав экстремистских групп в других капиталистических странах, то можно увидеть, что в своем большинстве они состоят из студентов, представителей интеллигенции, мелкой и средней буржуазии, люмпен-пролетариата, различных национальных и расовых меньшинств, рабочих-иммигрантов. На положении именно этих социальных слоев и категорий особенно драматически сказа-

лось общее ухудшение жизненных условий большей части населения капиталистических стран за последние годы.

Взятые порознь, новые «отверженные» капиталистического мира имеют значительное число несовпадающих черт и социальных признаков. Сведенные же вместе «на дне» капиталистического общества, они образуют весьма опасную взрывчатую смесь и своего рода «питательный бульон» для бактерий политического экстремизма.

Рассмотрим основные особенности социального поведения элементов, составляющих эту достаточно разнородную смесь в новой, кризисной обстановке, в условиях той «критической температуры», до которой они доведены современной капиталистической действительностью и которая позволяет им вступать друг с другом и с самим обществом в бурную социальную реакцию.

Как уже отмечалось, одним из основных резервов различных экстремистских организаций является значительно увеличившаяся категория безработной и полубезработной молодежи, оказавшейся в последние годы в особенно тяжелом положении. Безработицу среди молодежи уже нельзя рассматривать как временный недуг, поразивший экономику отдельных капиталистических стран. Она превратилась в хроническую болезнь дряхлеющего капитализма. Целое поколение молодых людей по сути дела отстранено от производительной деятельности и обречено на деградацию; «оно становится жертвой глубокого кризиса старых ценностей и идеалов, который переживает общество»⁶, — говорится в заявлении ЦК Итальянской федерации коммунистической молодежи.

Возмущение, отчаяние и протест, которые вызывают у молодежи проблемы, связанные с ее вступлением в самостоятельную жизнь, все чаще вызывают в ее среде самые различные, основанные на отчаянии агрессивные настроения, которые принимают крайние, экстремистские формы. Ярость тысяч искалеченных молодых душ обращается против внешнего мира, наградившего их, как они считают, этой неизлечимой болезнью — безработицей.

Для молодежи, из числа которой рекрутируются члены экстремистских организаций, характерно, как

пишет итальянский социолог С. Аквавива, «сознание несправедливости существующего, огромное одиночество в обществе... в котором она не способна найти смысл существования. Многие приходят к выводу, что в сложившейся ситуации насилием и убийствами они спасают другие жизни, жизни потенциальных жертв этого общества»⁷. Ряды этой противопоставляющей себя обществу молодежи постоянно растут. По данным социологического опроса, проведенного в 1979 г., в ФРГ из примерно 5,4 млн. молодых людей в возрасте от 17 до 23 лет 700 тыс. ощущали себя «порвавшими с обществом»⁸. В этих условиях, считает Х. Глазер, автор ряда книг по проблемам воспитания молодежи ФРГ, терроризм становится одной из многочисленных форм «бегства от общества» наряду с употреблением наркотиков и алкоголя, уходом в религиозные молодежные секты, самоубийством, апатией.

Возникает своего рода нация внутри нации, не связанная с обществом ни производительными, ни духовными, ни политическими связями. Представителям «отверженных» и маргинализированных групп и слоев молодежи в значительной мере присущи черты поведения люмпен-пролетарских слоев, описанные К. Марксом и Ф. Энгельсом еще в «Манифесте Коммунистической партии»: «Люмпен-пролетариат, этот пассивный продукт гниения самых низших слоев старого общества, местами вовлекается пролетарской революцией в движение, но в силу всего своего жизненного положения он гораздо более склонен продавать себя для реакционных козней»⁹. Именно из среды этой опустившейся и отчаявшейся «люмпен-молодежи» чаще всего вербуют своих сторонников и подручных лидеры экстремистских и террористических организаций.

К озлобленной молодежи, насильственно выброшенной за рамки производительной жизни, а то и попросту не допущенной к ней, присоединяются различные угнетаемые национальные и социальные меньшинства, среди которых особенно выделяются рабочие-иммигранты, являющиеся чаще всего жертвами двойного, а то и тройного угнетения — экономического, социального, расового. Болезненно реагируют на подавление национальных, культурных и религиозных особенностей представители различных

национальных и религиозных меньшинств, чей протест, выражающийся нередко в экстремистских формах, обостряется сочетанием национального и социального угнетения. Подобной же дискриминируемой во многих аспектах категорией ощущают себя в капиталистическом мире и трудящиеся женщины, отражением чего явилось зарождение и развитие в последние годы во многих западных странах массовых и весьма активных феминистских движений.

Каждая из этих по-своему притесняемых социальных групп вносит свой вклад в формирование растущей армии деклассированных слоев и платит дань различным движениям политического экстремизма. Вот почему в рядах разнообразных экстремистских и террористических группировок можно найти представителей по существу каждой из названных групп. К экстремизму их подталкивает не только остро воспринимаемое ими угнетение, но и само состояние деклассированности, в плавильном тигле которого они приобретают качества, превращающие их в непосредственный резерв экстремистских и террористических организаций.

«Деклассированность вызывает крах привычных представлений и норм общественного бытия... Цинизм, вседозволенность, жестокость, равнодушие, безразличие, злобная отрешенность и враждебность, инстинктивное отвращение к идеалам как к ловушке для простофиль — вот некоторые из антисоциальных качеств, постепенно вырабатываемых деклассированностью. У люмпенства эти качества расцветают пышным цветом, формируя принципы групповой антиобщественной морали. Социальный протест изучаемой прослойки порождает только энергию разрушения»¹⁰, — пишет А. И. Левковский в исследовании, посвященном особенностями социального поведения современной мелкой бужуазии.

Утратившие устойчивый в прошлом социальный статус и в то же время испытывающие предубеждение по отношению к рабочему движению элементы составляют все более значительную массу отчаявшихся, опустившихся и разочаровавшихся в возможности и целесообразности массовой политической борьбы людей, способных стать относительно легкой добычей идеологов левацкого экстремизма и фашизма.

Специфику агрессивного, озлобленного, «несчастливого» сознания деклассированных элементов и люмпенов издавна стремились использовать теоретики и практики экстремизма. Достаточно напомнить о восторженных прославлениях «бандитов и бродяг» различными «вождями» анархизма прошлой эпохи — от М. Бакунина до Н. Махно. В наше время попытками водрузить деклассированные слои на революционный пьедестал, сместив с него рабочий класс, активно занялись идеологи современного левацкого экстремизма.

Явно гипертрофировал роль пауперов, противопоставляя их другим слоям городского трудового населения, известный идеолог радикального «тьермондизма» Франц Фанон. Ведущую силу современного революционного процесса он видел в деклассированных слоях населения стран, находившихся в колониальной зависимости. В книге «Отверженные планеты» Ф. Фанон писал: «Люди, выброшенные из деревни в связи с ростом населения в сельских районах и колониальной экспроприацией, без устали кружат вокруг городов в надежде, что однажды их пустят внутрь. Именно в этой человеческой массе, в жителях городских лачуг, в ядре люмпен-пролетариата восстание обретает свою ударную силу. Последнее не случайно, ибо люмпен-пролетариат — люди, оторванные от своего племени и клана, — составляет одну из наиболее легко воспламеняющихся и радикально настроенных революционных сил колонизированного народа»¹¹.

Особое «революционное предназначение» люмпенизированных слоев пытался обосновать организатор и главный теоретик западногерманской «фракции красной армии» Х. Малер, который считал, что «дурное слово «люмпен-пролетариат», может быть, во времена Маркса и имело определенное содержание, однако сегодня оно всего лишь контрреволюционное клише». По его словам, для социалистической революции первостепенное значение имеет включение в революционное движение различных маргинальных групп. Именно они, по мнению Малера, «являются наиболее угнетенными слоями народа, не только лишенными средств и безоружными перед репрессивными органами, но и подвергающимися дискримина-

ции со стороны лучше приспособившихся пролетарских слоев»¹².

Эти однотипные теоретические построения, возводящие деклассированность едва ли не в главный атрибут революционности, преследуют одну цель: отрицая классовый характер основного социального конфликта, раскалывающего современное буржуазное общество, доказывая, что рабочий класс уже не является революционным, провозгласить в качестве ведущей революционной силы современности деклассированные слои.

2. Дуэль или массовая борьба?

Повышенную восприимчивость к ультралевому экстремизму проявляют, как известно, и отдельные группы радикальной интеллигенции, в особенности студенчества. Они остро реагируют на несправедливость и противоречия современного капиталистического общества, однако далеко не всегда сознают, что покончить с несправедливостью, отстаять свои идеалы и интересы можно лишь путем совместных действий с рабочим классом.

Как уже отмечалось, резко изменившееся за последние десятилетия положение интеллигенции в современном капиталистическом обществе приводит к тому, что она утрачивает свое привилегированное положение, а вместе с ним и ту внушительную, состоявшую из многочисленных материальных, моральных и психологических компонентов систему социальной защиты, которая прикрывала ее от непосредственного воздействия капиталистического угнетения и произвола или хотя бы существенно смягчала это воздействие. Еще В. И. Ленин отмечал, что «капитализм во всех областях народного труда повышает с особенной быстротой число *служащих*, предъявляет все больший спрос на интеллигенцию. Эта последняя занимает своеобразное положение среди других классов, примыкая отчасти к буржуазии по своим связям, воззрениям и проч., отчасти к наемным рабочим, по мере того, как капитализм все более и более отнимает самостоятельное положение у интеллигента, превращает его в зависимого наемника, грозит понизить его жизненный уровень»¹³.

В эпоху научно-технической революции интеллигенция в полной мере испытала на себе последствия углубления основных противоречий капиталистического способа производства. В условиях, когда объективные потребности общества, его научно-технический прогресс все шире вовлекают интеллигенцию в общественное производство, наделяют ее новыми функциями, капиталистический характер присвоения, подчиняющий экономическую и духовную жизнь общества интересам частного капитала и монополий, жестко регламентирует ее общественную роль, угрожает массовой безработицей, обрекает на унижительное прислуживание монополистическому капиталу.

Представители интеллигенции все чаще сталкиваются со своеволием, бюрократизмом, некомпетентным вмешательством в их деятельность государственно-монополистического аппарата, попадают в полную зависимость от капиталистических магнатов. Парадоксом развития научно-технической революции при капитализме является тот факт, что одновременно с возрастанием значения интеллигенции в обществе падает ее социальный статус. Растущая общественная потребность в интеллигенции в условиях государственно-монополистического капитализма оборачивается ее увеличивающейся эксплуатацией, а объективно возрастающая роль работников умственного труда — все большим подчинением интересам частного капитала и отчуждением результатов труда интеллигенции, лишаящим ее возможности осуществлять контроль за их использованием.

Современному капитализму, все более концентрирующему реальную власть в руках меньшинства, свойственна тенденция к отстранению большей части интеллигенции от участия в управлении обществом, в решении вопросов развития производства, научных исследований и культуры. «Передавая специалистам некоторые полномочия в решении частных вопросов, монополии начисто отстраняют их от участия в принципиальных решениях»¹⁴, — отмечал член Политбюро ЦК Компартии Австрии Э. Виммер. На этот же момент обращает внимание Б. Браун, который к социальным корням леворадикальных движений протеста относит значительное расширение в составе населе-

ния капиталистических стран категории «тех людей, которые испытывают состояние отчуждения в силу того, что они лишены возможности влиять на решения, касающиеся их собственной жизни»¹⁵.

Усиливающийся конфликт интеллигенции с системой капиталистического угнетения в современных условиях приобретает все более острую форму. Как отмечает западногерманский ученый-марксист Р. Штайгервальд, испытываемое интеллигенцией сокращение привилегий, утрата свободы и усиление регламентации, что воспринимается как посягательство на творческое и спонтанное начала, характерные для интеллектуальных занятий, побуждают ее значительные слои к демократическому протесту¹⁶. Этот нарастающий протест является проявлением и подтверждением неуклонно набирающего силу социально-политического процесса превращения интеллигенции в тот пролетариат умственного труда, который, по словам Ф. Энгельса, «призван плечом к плечу и в одних рядах со своими братьями рабочими... сыграть значительную роль в ... революции»¹⁷.

По мере значительного увеличения доли интеллигенции в общей социальной структуре капиталистических стран происходит заметная девальвация социальной значимости профессий интеллектуального труда, в результате чего, безусловно, во многом ускоряется процесс сближения объективного положения интеллигенции в буржуазном обществе с положением большинства трудящихся, и прежде всего рабочего класса. Растущие массы интеллигентов, и в особенности их новые поколения, начинают испытывать на себе в полной мере все тяготы и лишения, которым подвержена жизнь широких слоев трудового народа, — бедственное материальное положение, безработицу, неуверенность в завтрашнем дне.

По мере расширения численного состава интеллигенции, размывания замкнутого, кастового характера этого слоя и определенного сдвига в сторону демократизации ее социальной основы набирает силу объективный процесс постепенного отрыва значительной части интеллигенции от буржуазии и ее сближение с рабочим классом. Разрыв интеллигенции с классовыми интересами буржуазии все чаще осуществляется не как демонстрация моральной солидарности

с угнетенными слоями. Он объясняется растущим осознанием все более широкими слоями интеллигенции своих коренных интересов, вступающих в противоречие с потребностями государственно-монополистической олигархии.

В. И. Ленин, характеризуя воздействие углубляющегося кризиса капитализма на положение мелкой буржуазии, использовал термин «утеснение», подчеркнув, что наряду с ухудшением материальных условий ее жизни усиливается «необеспеченность» ее существования¹⁸. Нечто подобное можно сказать и об интеллигенции в современном капиталистическом обществе. Растущая «необеспеченность» ее положения и испытываемое «духовное притеснение» подчас в не меньшей степени, чем ухудшение материальных условий жизни, порождают в ее среде настроения остро-го недовольства и пробуждают чувство социального протеста. «Не только нищета вызывает протест и приводит к мятежу в современном обществе,— пишет Б. Браун,— но и благополучие... Благополучие, которое не сопровождается ощущением социальной ответственности, может взорвать все общество»¹⁹.

Так складываются предпосылки для осознания широкими слоями интеллигенции, в первую очередь молодой, несовместимости ее жизненных интересов и творческих возможностей с реальностью капиталистического общества, формируется основа для массового перехода ее представителей к оппозиции капиталистическому строю. Если раньше поддержка отдельными, лучшими представителями интеллигенции и студенчества борьбы рабочего класса означала для этих людей разрыв со своей социальной средой, то в наши дни именно в силу естественных профессиональных потребностей все более широкие слои интеллигенции ощущают объективную необходимость связать свою судьбу с борьбой трудящихся и теми перспективами революционной трансформации общества, которые она открывает.

Растущая пролетаризация широких слоев научно-технической интеллигенции и служащих, осознание ими общности своих интересов и интересов промышленных рабочих приводят к росту их политической активности, вовлечению в профсоюзы, расширению базы антимонаполистической коалиции. Речь идет

о возникновении нового плацдарма классовой борьбы, о зарождении и развитии борьбы наемных работников интеллектуального труда против новых форм социального гнета, которые несет с собой НТР в условиях государственно-монополистического капитализма. В то же время нельзя не учитывать специфику нарастающего социального протеста молодой интеллигенции, имеющего весьма противоречивую мелкобуржуазную основу.

На особенностях форм этого протеста неизбежно сказывается «переходное, неустойчивое, противоречивое положение»²⁰ интеллигенции в условиях капитализма, ее подверженность стихии мелкобуржуазных настроений, воздействию буржуазного «истэблишмента». Интеллигенция испытывает на себе и красноречиво отражает в своем поведении раздвоенность и непоследовательность социальной позиции традиционных мелкобуржуазных и новых средних слоев, или «сословий». О представителях интеллигенции в свое время К. Маркс и Ф. Энгельс писали, что «если они революционны, то постольку, поскольку им предстоит переход в ряды пролетариата, поскольку они защищают не свои настоящие, а свои будущие интересы, поскольку они покидают свою собственную точку зрения для того, чтобы встать на точку зрения пролетариата»²¹. Объективное положение интеллигенции в современном капиталистическом обществе все настойчивее толкает ее на этот путь, облегчает ей с точки зрения ее будущего этот важный переход «на точку зрения пролетариата».

В отличие от многих других социальных групп, тесно связанных с мелкой буржуазией, постоянно вытесняемых и размываемых развитием капитализма, интеллигенция не является осколком докапиталистического прошлого, напротив, она во все большей степени представляет собой детище развивающегося научно-технического прогресса. Однако ее разрыв с буржуазным обществом и переход на позиции рабочего класса происходят в чрезвычайно сложной, противоречивой и нередко мучительной форме. Подчас антикапиталистический протест представителей этой социальной прослойки может принимать под воздействием активно внедряемого в ее среду антикоммунизма открыто антипролетарские, антисоциалистиче-

ские и даже крайне правые формы. Не менее часто крушение традиционных ценностей приводит некоторую часть интеллигенции к восприятию ультралевых экстремистских взглядов.

Как отмечает английский социолог и психолог Д. Беббингтон, подавление таких присущих интеллигенции потенций, как способность к творчеству и критическому мышлению, «в конечном счете приводит интеллигента к особым реакциям, в частности к формированию своеобразных деструктивных импульсов и нередко реализуется в крайне экстремистских формах. Политический терроризм, культивируемый левыми интеллигентами, наводит ужас не только на властвующую элиту, но и на общество в целом»²². Немалое значение в весьма частом, порой импульсивном обращении представителей интеллигенции к экстремизму играют и широко распространенные в ее среде концепции элитизма, «избранности» каждой творческой личности, высокомерно-пренебрежительное отношение к «безликой массе» трудящихся, нуждающейся в «вождях» и «лидерах».

Рассуждая об «особом предназначении» интеллигенции, о закономерности ее обращения к индивидуальному террору, современные идеологи политического экстремизма по существу нередко повторяют высказывания на этот счет российских народовольцев, считавших, что вся русская история со времен декабристов сводилась к «дуэли» между интеллигенцией и самодержавием. Один из видных деятелей «Народной воли», Л. А. Штернберг, считал, что терроризм, к которому прибегает интеллигенция, играет роль своего рода «предохранительного клапана», который предотвращает «ужасный взрыв» низов. По его мнению, «историческая миссия» интеллигенции состояла в том, чтобы предотвратить этот взрыв.

В. И. Ленин не случайно называл индивидуальный террор оторванным от масс специфически интеллигентским способом борьбы²³. По его словам, террор порождается, в частности, настроениями интеллигентов, не умеющих «связать революционную работу в одно целое с рабочим движением»²⁴. Он подчеркивал, что «у интеллигенции без масс никогда не было и никогда не будет ни парламентских, ни серьезных внепарламентских средств борьбы»²⁵. Вынося прин-

ципиальную и суровую оценку «приливам» и «отливам» мелкобуржуазной революционности, столь характерным и для многих представителей интеллигенции, приобщающихся к классовой борьбе, В. И. Ленин отмечал «неустойчивость такой революционности, бесплодность ее, свойство быстро превращаться в покорность, апатию, фантастику, даже в «бешеное» увлечение тем или иным буржуазным «модным» течением»²⁶.

Эти азбучные истины марксизма, ставшие аксиомой для любого истинно революционного движения и освободительной борьбы, заново, на опыте собственных ошибок и заблуждений постигают и открывают для себя новые поколения интеллигенции в капиталистических странах. Такими заблуждениями являются и различные колебания и метания мелкобуржуазных революционеров из среды молодой западной интеллигенции и студенчества, которые наблюдались за последние 15 лет в крупнейших капиталистических странах. Они проявились и в ходе массового подъема движения студенческого протеста в 1968—1970 гг. во Франции, Италии, ФРГ, США, и в последовавший за ним период спада в отходе от политической деятельности значительной части бывших студенческих «революционеров». К ним следует отнести «бешеное увлечение» отдельных групп студенческой молодежи и интеллигенции политическим экстремизмом и терроризмом, ставшими «модными» в конце 70-х — начале 80-х годов.

История этого политически захлебнувшегося течения, его плачевные политические итоги лишь подчеркивают тот непреложный факт, что интеллигенция не в состоянии пройти весь путь борьбы за освобождение от гнета монополистического капитала в одиночку, без поддержки и руководства со стороны рабочего класса. До тех пор пока протест интеллигенции будет сводиться к ее стремлению вернуть былые привилегии, пока ее выступления будут развертываться без учета интересов рабочего класса и вопреки его борьбе, ее будут постоянно ждать поражения и неудачи. Важнейшей задачей рабочего класса в этой связи становится разъяснение молодой интеллигенции общности ее интересов с интересами всех трудящихся.

Вопрос в том, насколько быстро пойдет процесс переориентации интеллигенции на подлинно революционную перспективу, как успешнее добиться того, чтобы свое будущее она связывала не с уходящим в прошлое буржуазным обществом, уносящим с собой те ограниченные привилегии, которыми пользовалась обслуживавшая его интеллигенция, а с пролетариатом, открывающим перед ней перспективу труда в новом, социалистическом обществе.

Прошедшее десятилетие было отмечено поисками молодой интеллигенцией ответа на этот вопрос, развитием важного объективного процесса превращения обширных социальных слоев в капиталистических странах в активных субъектов общественной жизни и социальной борьбы, их вовлечения, зачастую помимо их воли, в противоборство основных социальных сил современного капиталистического общества.

Углубляющийся кризис капитализма как гигантская воронка начал втягивать в вихревой социальный водоворот представителей тех слоев буржуазного общества, которые до недавнего времени рассчитывали устоять на обочине социальной жизни, сохранить положение сторонних, беспристрастных и «нейтральных» наблюдателей. Речь идет о «новых рекрутах» — тех социальных группах и слоях, которые не находились в сфере влияния крупнейших политических партий, а также важнейших массовых движений рабочего класса и других демократических сил и которые в силу этого, а также в связи с целым рядом собственных политических, идейных и психологических особенностей стали резервом и питательной почвой для разнообразных течений политического экстремизма.

3. Родимые пятна прошлого

В составе важнейших течений политического экстремизма на Западе оказались представители весьма различных социальных групп буржуазного общества, располагающиеся на разных, подчас далеко отстоящих друг от друга ступенях социальной лестницы. У каждого из них в условиях кризиса находятся собственные побудительные мотивы, объясняющие поворот в сторону экстремизма. Что же позволяет им

находить общий язык, вырабатывать, пусть ненадолго, подобие общей платформы или совместной программы действий?

Следует учесть, что современная стадия капиталистического кризиса вызывает обострение недовольства именно в той социальной среде, которая в наибольшей степени подвержена влиянию идей различного по своей окраске политического экстремизма. Тем самым в определенной степени расширяется социальная основа этого явления, превращающегося в постоянного спутника буржуазного общества.

Распространение монополистического угнетения на новые социальные группы и непролетарские слои населения капиталистических стран вызывает у них различную реакцию. Объективно, самой логикой развития капитализма эти слои все более подталкиваются к объединению с рабочим классом, к участию в руководимой им борьбе трудящихся против эксплуатации и всевластия монополий.

В то же время прочно встать на этот путь им часто мешает классовая ограниченность, предубежденность по отношению к рабочему классу, формам его организации и борьбы, зараженность антикоммунизмом и антисоветизмом, а также мощное идеологическое воздействие, оказываемое на них буржуазией. В результате антикапиталистический и демократический в своей основе социальный протест представителей этих слоев нередко деформируется, трансформируется в авантюристическую экстремистскую и террористическую деятельность, которая может приобретать как левацкую, «ультракрасную» окраску, так и открыто антикоммунистический, антипролетарский, а то и фашистский характер.

Экстремисты разных направлений опираются на политические и социально-психологические особенности новых отрядов обездоленных людей. Активно паразитируя на растущих антикапиталистических настроениях непролетарских слоев, они используют неустойчивость, колебания, незрелость политического мироощущения, неопытность и нетерпение вовлекаемых в социальные конфликты молодых людей, сознание и протест которых имеют в целом мелкобуржуазную основу.

Двойственность и непоследовательность основан-

ного на этой идеологии социального протеста в полной мере отражают колебания «мелкой буржуазии, боящейся довериться рабочим, боящейся порвать с капиталистами»²⁷. «Мелкая буржуазия, — не уставал предупреждать В. И. Ленин, — двулична по самой своей природе, и, тяготея, с одной стороны, к пролетариату и к демократизму, она, с другой стороны, тяготеет к реакционным классам... способна заключить союз с правящими классами против пролетариата ради укрепления своего положения как *мелких собственников*»²⁸. Не удивительно, что в силу этого «всякая борьба всякой мелкой буржуазии против всяких привилегий *всегда* несет на себе следы мелкобуржуазной ограниченности, половинчатости...»²⁹.

В работе ««Новые» теории революции» английский исследователь-марксист Д. Уоддис, говоря о современных «левых» радикалах, подтверждает эти особенности их идеологии, основанной «на авантюризме и колебаниях мелкой буржуазии, которая на словах — за коренные изменения и социализм, но в то же время... страшится силы и дисциплинированности рабочего класса и боится потерять свое привилегированное положение...»³⁰.

Именно промежуточное положение нынешних средних слоев, «зажатых» между трудом и капиталом, столь характерное для мелкой буржуазии, толкает их представителей к ложному восприятию классовых противоречий и классовой борьбы. В силу этого антикапиталистический протест этой массы, в основе которого лежит «сентиментальная» критика капитализма, которая, по словам К. Маркса, «умеет обсуждать и осуждать современность, но не умеет понять ее»³¹, нередко оказывается бесплодным, а в ряде случаев и выгодным буржуазии.

В эпоху государственно-монополистического капитализма мелкобуржуазный радикализм — это политическое выражение недовольства мелкой буржуазии той ролью, которая ей отводится в системе капиталистического производства. «С одной стороны, мелкая буржуазия страдает от всевластия и произвола монополий, а с другой — боится рабочего класса и социальной революции, угрожающей ее интересам. Отсюда — непоследовательность и противоречивость политических лозунгов и деятельности мелкобуржуазных

партий»³², — пишет португальский философ-марксист П. Соареш.

Еще одним, помимо общей мелкобуржуазной природы, фактором, сводящим в единое явление различные течения современного политического экстремизма на Западе, является то, что они имеют своей основой зыбкую почву индивидуалистического сознания, распространенного в среде интеллигенции и других непролетарских слоев. Закономерно поэтому, что для многих экстремистов политическая борьба представляет интерес не с точки зрения ее объявленных целей, а прежде всего исходя из того, насколько она способствует самовыражению каждого из них, обретению ими своего подавляемого и разрушаемого «Я».

Один из руководителей леворадикального объединения американских студентов, Э. Шварц, следующим образом определял принципиальную разницу между «радикалами» и «либералами», под которыми подразумевались участники традиционных политических движений и партий в американской политической жизни: «Либерал борется за других, радикал борется за самого себя»³³. «Наиболее существенным признаком (экстремистских движений. — А. Г.) является сильнейший индивидуализм и забота о личной свободе»³⁴, — писал в исследовании, посвященном американским радикалам, журнал консервативных кругов предпринимателей США «Форчун». Английский социолог Ф. Паркин, автор обстоятельного исследования о корнях радикализма средних слоев британского общества, определенно утверждал: «Главное — это удовлетворение, которое получает каждый (участник движения. — А. Г.) от действительного выражения своих личных качеств»³⁵.

В этих и других высказываниях подчеркивается важный аспект мелкобуржуазного протеста — его ориентированность «вовнутрь». Стремление участников левоэкстремистских движений к самоудовлетворению часто заслоняет цели, во имя которых они поднимаются на борьбу с «репрессивным» обществом. Для многих политических экстремистов борьба за «абсолютную» индивидуальную свободу приобретает видимость борьбы за освобождение от угнетения народа. Еще Г. В. Плеханов в свое время предупреждал, что «анархизм... будет все более и более превращаться

в буржуазный спорт, предназначенный доставлять «сильные ощущения» индивидуумам, слишком много вкусившим от светских и полусветских удовольствий»³⁶.

Справедливость этого предостережения в полной мере подтверждают многочисленные террористические акции современных экстремистов, которые руководствуются в своих действиях принятым и широко пропагандируемым в капиталистическом обществе пониманием свободы как неограниченного проявления индивидуальной воли. Выдвигаемый ими лозунг борьбы за «абсолютную свободу» на деле подтверждает «буржуазность» их протеста, не имеющего ничего общего с революционной борьбой за действительное освобождение трудящихся. «...Эта абсолютная свобода есть буржуазная или анархическая фраза (ибо, как миросозерцание, анархизм есть вывернутая наизнанку буржуазность)»³⁷, — писал В. И. Ленин. Для многих нынешних экстремистов, явно страдающих комплексом Герострата, участие в террористических акциях оказывается одной из наиболее уродливых форм самореализации личности в условиях капитализма.

Противоречивый индивидуалистический характер мелкобуржуазного антикапиталистического протеста дает основание подходить к его оценке с особой осторожностью, критически. Нельзя забывать, что во многих случаях этот протест является проявлением уязвленного самолюбия мелкобуржуазного интеллигента, критикующего не эксплуататорскую сущность капиталистической системы, а лишь те ее аспекты, которые угрожают интеллигенции ущемлением ее привилегированных позиций, ликвидацией исключительности ее положения по отношению как к крупной буржуазии, так и к пролетариату, перспективой растворения в армии работников наемного труда.

Подчас в непролетарском протесте, несмотря на нередко используемую марксистскую терминологию, столько же антипролетарского, сколько и антикапиталистического. Страх представителей интеллигенции и мелкой буржуазии перед возможностью оказаться в положении пролетария настолько силен, что порой, когда они оказываются вытесненными с верхних социальных ступеней, для них легче и предпочтительнее перескочить на несколько ступеней

вниз, «перепрыгнуть» через «пролетарские этажи» и опуститься на самое дно в категорию «люмпенов», бродяг и хиппи. Это на первый взгляд парадоксальное явление вполне закономерно: индивидуализм мелкого буржуа и «мелкого» революционера является тем мостиком, который соединяет эти, казалось бы, далеко отстоящие друг от друга социальные опоры современного политического экстремизма. Для многих молодых интеллигентов переход на ультралевые позиции с позиций буржуазного конформизма также оказывается более естественным, во всяком случае требующим меньше внутренних усилий шагом, чем признание руководящей, ведущей роли пролетариата во всеобщем революционно-освободительном процессе.

Выступая против антигуманного характера современного капиталистического общества, представители левозэкстремистски настроенной интеллигенции в большинстве случаев критикуют его с позиций разрушающейся, индивидуалистически ориентированной личности. Они готовы с не меньшим, если не большим рвением обличать «антигуманизм» социалистического общества, основанную на принципах коллективизма и заботы об интересах всего общества идеологию рабочего класса и «тоталитаризм» различных форм его организации. В. И. Ленин отмечал, что «интеллигентскому индивидуализму... всякая пролетарская организация и дисциплина кажутся крепостным правом»³⁸ и что интеллигентские элементы поднимают знамя восстания против необходимых организационных ограничений и свою «стихийную анархичность возводят в принцип борьбы»³⁹.

Не потому ли так ополчаются против организованности революционных партий пролетариата лидеры и «вожди» различных экстремистских группировок, которые объявляют свои замкнутые секты «революционными авангардами», «ячейками» и «эмбрионами»? «Создатели революционных эмбрионов,— пишет П. Соареш,— стремятся вовлечь в свой «авангард» антикоммунистов, антисоветчиков, ренегатов, а также всякого рода деклассированных элементов. Они не скрывают своей враждебности к нормам партийной жизни, вытекающим из учения Ленина о партии рабочего класса. Индивидуализм и беспринцип-

ность мелкобуржуазных радикалов не могут ужиться с принципами внутренней демократии, дисциплины, подчинения меньшинства большинству. Буржуазный интеллигент приходит к революционной борьбе со всеми своими классовыми пороками; он считает себя представителем интеллектуальной элиты и поэтому не может подчиниться решениям, вытекающим из демократического централизма, ибо это «шокирует» его аристократический и анархистствующий индивидуализм»⁴⁰.

Вот почему очень часто даже самая острая враждебность непролетарских слоев к государственно-монополистическому капитализму, будучи помноженной на индивидуализм, приводит их представителей не в ряды подлинных революционеров, а на путь псевдореволюционности и экстремизма.

Пронизывающий выступления «левых» экстремистов индивидуализм порождает некоторые надежды и у правых сил, которые считают, что общая приверженность духу «индивидуальных свобод» дает основание, для того чтобы провести параллель между теми и другими. Так, американский социолог К. Огльсби отмечал, что «вопрос индивидуальной свободы составляет в такой же степени зерно движения американских правых, как и американских «левых» радикалов... Все они составляют часть великой американской свободолюбивой традиции»⁴¹. Исторический опыт подтверждает, что политический экстремизм, в том числе самой «левой» окраски, представляющий собой бунт мелкобуржуазных и буржуазных элементов капиталистического общества, часто оказывается весьма близким к фашизму, для которого он в прошлом не однажды подготавливал почву.

4. Антипролетарская утопия

По своей сути мелкобуржуазный протест обращен в прошлое, его подогревает страх перед будущим, которое несет с собой угрозу самому существованию многих представителей непролетарских слоев. Носители такого протеста страдают от настоящего, которое уготовило им усиливающееся господство государственно-монополистического капитала, и отвергают будущее, которое он им сулит, однако они еще не

решаются связать свою судьбу с другим будущим, с перспективой революционного переустройства общества, борьбу за которое ведет пролетариат. Эта обращенность в прошлое или, что почти равнозначно, в утопическое будущее постоянно возвращает мелкобуржуазного революционера к его хроническим недугам — анархизму либо другим формам «левого» экстремизма.

В. И. Ленин указывал на те основные пороки, которые обрекают на бессилие и поражение любые силы, выступающие под знаменами анархизма и других родственных ему проявлений мелкобуржуазной революционности. Важнейшие из этих пороков: непонимание причин капиталистической эксплуатации и развития общества, ведущего к социализму; непонимание классовой борьбы пролетариата, роли организации и необходимости воспитания рабочих⁴². Подобное «непонимание» основных противоречий капиталистического общества и характера развертывающейся в нем классовой борьбы в полной мере, хотя и в обновленной форме, демонстрируют идеологи современных течений левацкого экстремизма.

Проблемы, которые в первую очередь оказываются в поле их зрения, имеют определенную специфику. Поскольку представители непролетарских слоев, и особенно интеллигенции, вступают в контакт с капиталистическим обществом не столько в производственной сфере, сколько в духовной и идейной жизни, в сфере образования и потребления, а также в сфере действий буржуазного административного аппарата, постольку и их основной конфликт с этим обществом ограничивается в глазах многих мелкобуржуазных революционеров именно этими рамками. В силу этого они склонны гиперболизировать значение тех реальных проблем морального и духовного порядка, с которыми они сталкиваются в повседневной жизни, соответственно принижая важность коренных антагонизмов, составляющих основное противоречие капиталистического способа производства.

Именно поэтому левоэкстремистские лидеры обращают острие своих атак не против основных социальных противоречий капиталистического общества, а против их вторичных, отраженных последствий, непосредственно воздействующих на интеллигенцию

и средние слои населения. «Перенос понятия угнетения из сферы производственных отношений в сферу потребления, — отмечает американский исследователь-марксист Д. Грин, — принижает мужчин и женщин, работающих ради своих материальных нужд, и возвеличивает неработающие и непродуцирующие силы»⁴³. В этом корни столь распространенных подчас в этой среде настроений заносчивости и высокомерия по отношению к рабочему классу и его борьбе за улучшение условий труда и жизни.

Придавая собственным специфическим проблемам всеобъемлющий характер, возводя их решение в категорию главных проблем, встающих перед всем обществом, идеологи «левого» экстремизма с удивлением и раздражением констатируют, что пролетариат и трудящиеся массы подходят к оценке противоречий, существующих в обществе, и к борьбе за социальное освобождение с принципиально иных позиций. Мелкобуржуазные революционеры «рассматривают угнетение и эксплуатацию лишь как моральные вопросы, а не как проблемы классового общества и существующих в нем классовых отношений»⁴⁴. В этом находит отражение специфика отчуждения, которое испытывают работники умственного труда и значительная часть средних слоев в современном капиталистическом обществе.

Принципиальные различия в характере отчуждения представителей рабочего класса и непролетарских слоев населения, также занятых наемным трудом, отмечал в свое время американский философ А. Этциони. «Промышленные рабочие, — писал он, — лишь количественными обязательствами связаны со своими нанимателями, что не требует от них никакого согласия с теми ценностями, которые те представляют, в то время как чиновники и служащие испытывают своего рода «моральные» обязательства перед организациями, на которые они работают, что предполагает определенную гармонию во взглядах»⁴⁵. О той же «двойственности» взаимосвязей средних слоев с капиталом, включающих наряду с «частичным» отчуждением «моральную солидарность», пишет английский социолог Ф. Паркин: «Чувство отчуждения в отношении ряда ценностей, связанных с капитализмом, оказывается, вполне уживается с конформиз-

мом в отношении других его ценностей. Отчуждение скорее является ограниченным и частичным явлением, чем всеобщим опытом, охватывающим всю личность целиком»⁴⁶. «Послеобеденные революционеры» — так назвал французский писатель Робер Мерль левацких студенческих экстремистов в своем романе «За стеклом». «Революционеры», бунтарство которых распространяется лишь на отдельные стороны буржуазного строя, остаются в глубине души добропорядочными выходцами из буржуазных семей — таковы многие из тех, кто выступает за «тотальное отрицание» и «сокрушение» существующей системы.

Это смещение фокуса приводит левацких теоретиков к извращенному пониманию классовых противоречий капиталистического строя, к мистифицированной оценке социальной роли непролетарских слоев и соответственно к утопическим представлениям относительно их реальных возможностей возглавить революционно-освободительную борьбу трудящихся масс. В отличие от революционных или демократических утопий, закономерно сопровождавших зарождение и развитие освободительной борьбы угнетенных масс (напомним, что В. И. Ленин призывал «заботливо выделять из шелухи народнических утопий здоровое и ценное ядро искреннего, решительного, боевого демократизма»⁴⁷), в данном случае мы имеем дело с утопией реакционной, служащей формой выражения антипролетарских концепций и взглядов.

Цель этих концепций заключается в том, чтобы, списав рабочий класс в разряд реакционных и консервативных сил, повернуть против него острие растущего социального недовольства непролетарских слоев общества. Присущий утопическому мышлению разрыв с реальной обстановкой, отказ от внимательного изучения и анализа объективных исторических условий и соотношения классовых сил используются теоретиками и практиками политического экстремизма для оправдания своих авантюристических выступлений, формулирования концепций «революционной борьбы», способной развиваться «без и против рабочего класса».

Вместо продуманного соотношения воображения, необходимого, как писал К. Маркс, «всякому револю-

ционеру», с реальной действительностью и с объективными условиями, в которых разворачиваются классовая борьба и революционное движение, левацкие стратеги проповедают произвол воображения, абсолютизируют его, превращая в орудие «освобождения индивида от детерминизма вообще, от подчинения всяким законам и всякой необходимости»⁴⁸.

Для идеологов политического экстремизма, пишет известный американский социолог К. Кенистон, «утопическое видение идеального будущего является не бессознательным симптомом, а в значительной степени преднамеренной позицией»⁴⁹. Эта позиция, основанная на «абсолютном отрицании» «реакционной действительности», отражает социальное отчаяние общественных слоев и групп, не видящих для себя места в рамках существующего общественного уклада и одновременно не верящих в возможность революционной борьбы народных масс.

Оживление различных идеологических течений политического экстремизма в капиталистическом мире в 70-х годах можно с полным основанием рассматривать как очередную, активно поддержанную буржуазией попытку антипролетарски настроенных мелкобуржуазных слоев оттеснить рабочий класс от руководства освободительной борьбой народных масс, перехватить у него политическую инициативу. Именно на это были по существу направлены отчаянные попытки разнообразных экстремистских и террористических группировок в капиталистических странах, этой же цели служат и предназначенные для идеологического обоснования этих авантюристических действий многочисленные теории «депролетаризации» революционной борьбы, которые разрабатывались в последние годы западными идеологами — от откровенных апологетов капитализма до его самых яростных леворадикальных критиков.

Эта антипролетарская идеологическая атака развернулась по двум основным направлениям: во-первых, разработка «доказательств утраты» современным рабочим классом его прежних революционных качеств, во-вторых, поиск нового «революционного субъекта», который заменил бы пролетариат в качестве ведущей силы революционного процесса. Смысл этой очередной идеологической атаки на рабо-

чий класс ясен: монополистическая буржуазия боится его силы и революционного потенциала. Поэтому ее идеологи не прекращают попыток опровергнуть одно из основополагающих положений марксизма-ленинизма — учение об исторической роли пролетариата. Современные теории «депролетаризации» представляют собой не что иное, как идеологическую диверсию монополистического капитала с целью дезориентировать массы, подорвать революционное рабочее движение. При помощи этих теорий делается попытка доказать, будто рабочий класс приспособился к капиталистическому обществу, примирился с его экономической системой, политическими институтами, моральными ценностями и образом жизни.

Давние атаки на пролетариат со стороны идеологов буржуазии в последние десятилетия были поддержаны идеологами мелкобуржуазного экстремизма, активно развивавшими концепции Г. Маркузе, который утверждал, что «рабочий класс превратился в консервативную, даже контрреволюционную силу»⁵⁰. (Следует заметить, что в конце жизни Г. Маркузе несколько изменил свои оценки исторической роли и миссии пролетариата.) Вслед за Маркузе ряд других леворадикальных идеологов пытались доказать утрату рабочим классом современного капиталистического общества революционных качеств либо вообще лишить его самостоятельной роли, растворив в безбрежном и бесклассовом понятии «салариата» — лиц наемного труда.

В позициях и действиях леворадикальных идеологов и политиков периода 70-х годов отчетливо проявилось стремление некоторых представителей мелкой буржуазии лишить рабочий класс роли гегемона в революционном процессе, присвоив ее себе. При этом сама революция рассматривается ими как результат не классовой борьбы, а экстремистских действий отдельных личностей и групп. «Социальным субъектом новой революции, — пишет французский социолог А. Горц в книге под претенциозным названием «Прощание с пролетариатом», — не может быть слой профессиональных трудящихся, заинтересованных в собственной гегемонии»⁵¹. Перепевая рассуждения Г. Маркузе о том, что в нынешний период рабочий класс «берет на себя выполнение функции по стабили-

зации и консервации (общества.— А. Г.)», А. Горц объявляет «носителем» будущего «не-класс не-трудящихся», т. е. растущую в условиях капиталистического кризиса категорию полностью или частично безработных — лиц, занятых случайным трудом, работающих не по своей профессии и воспринимающих труд исключительно как способ добыть себе пропитание и как принудительную повинность.

Эта и подобные ей теории, основной смысл которых состоит в том, чтобы выдвинуть на роль главной революционной силы современности вместо рабочего класса разоряющиеся слои мелкой буржуазии, безработной и полубезработной интеллигенции и деклассированной молодежи, с готовностью воспринимаются лидерами различных экстремистских и террористических организаций как мандат на широкое развертывание их авантюристической деятельности.

Полный разрыв с подлинно революционными, левыми силами — рабочим классом, его профсоюзами, политическими партиями — левэкстремистские лидеры пытаются оправдать, как это делал лидер РАФ А. Баадер, рассуждениями о том, что «место рабочего класса в революционной борьбе освободилось и что его должны занять другие силы»⁵². Его сподвижница по террористической деятельности У. Майнхоф, пытаясь придать «революционное» обоснование акциям руководимой ими группировки РАФ, писала: «Революционным субъектом является всякий, кто освобождается от принуждения и отказывается участвовать в преступлениях системы, каждый, кто находит свою политическую идентичность в освободительной борьбе народов «третьего мира», каждый, кто отказывается, кто не участвует более...»⁵³

Таким образом, новый «революционный субъект» в развитых капиталистических странах определяется теоретиками и практиками «левого» экстремизма не на основе социально-экономических критериев как класс или прослойка, а как отдельный индивид, который, подобно Раскольникову, «переступает» предел, преодолевает общественно обусловленные рамки своего сознания. Именно поэтому рабочий класс в целом не рассматривается как революционный субъект, хотя, как считала Майнхоф, «отдельные рабочие» могут стать революционерами. Отказ идеологов экстремиз-

ма от объективного анализа общественной структуры капитализма закономерен. Он необходим им, ибо, только «освободившись» от такого анализа, они могут провозглашать в качестве главного носителя революционных тенденций не класс, а туманно определенный «авангард революции», который может, исходя из тактических потребностей, находить себе по вкусу «революционный субъект» и заменять его.

Западногерманский социолог Х. Минклер считает отчаянные попытки замены рабочего класса отличительной чертой идеологии РАФ: «Воображаемые субъекты объявляются носителями революции и исчезают столь же быстро, как и появляются. Границы между политической реальностью и воображаемым миром все более размываются, так что в конце концов психическая реальность полностью вытесняет действительную»⁵⁴. Подобными поисками «революционного субъекта» занимались теоретики экстремизма и в других капиталистических странах. Не удивительно, что результаты оказывались по существу идентичными. Так, ведущий идеолог итальянского левоэкстремистского движения «автономистов», связанного с целым рядом террористических организаций, А. Негри объявлял новым «революционным субъектом» так называемого социального рабочего, т. е. представителей той части пролетариата, которая не интегрировалась в систему, не примыкает к традиционным левым партиям и профсоюзам и целиком отвергает «систему». «Наша стратегия полностью базируется на способности рабочего класса порывать с существующими структурами, государством, партиями, профсоюзами», — утверждает в документе организации «автономистов». Именно растущая армия такого рода «социальных рабочих» составляет кадры революционной «герильи» — городской партизанской войны и участвует в новой борьбе, «разворачивающейся не столько согласно классическим марксистским моделям, сколько в соответствии с индивидуальными потребностями участвующих в них «революционеров»».

Как и А. Горц, «автономисты» считают центральным моментом будущей революции отрицание труда в традиционном смысле слова. По словам Негри, это «главный пункт в коммунистической (в его понима-

нии.— А. Г.) программе»⁵⁵. Такое отрицание, по их мнению, закономерно ведет к саботажу, к подрыву системы и затем к вооруженному восстанию. Подобные, по видимости левые и революционные, а на деле глубоко реакционные, враждебные рабочему классу, элитистские концепции идеологов мелкобуржуазного экстремизма «свидетельствуют,— писал Ж. Дюкло,— о презрительном отношении к рабочему классу, которое присуще левацким элементам»⁵⁶. В то же время данные концепции, активно распространяемые в пропитанной антипролетарскими настроениями мелкобуржуазной среде, приводят к тому, что многие представители непролетарских слоев обращают свой гнев и протест, вызванные капиталистическим угнетением, не на тех, кто несет ответственность за это положение, а против рабочего класса, его политических и профсоюзных организаций, которых мелкобуржуазные «революционеры» объявляют составной частью «угнетающей системы производства».

Нельзя не учитывать и то, что в новых движениях социального протеста на Западе участвуют преимущественно люди, имеющие часто весьма смутное представление о научном социализме, о жизни стран реального социализма. Их политическое сознание нередко отягощено антикоммунистическими предрассудками. Под пагубным воздействием антипролетарских концепций идеологов политического экстремизма они начинают считать рабочий класс и коммунистов едва ли не главным своим противником. Именно к этому направлены в конечном счете общие усилия реакционных и экстремистских сил, которые «пытаются изолировать коммунистов, восстановив против них лишенную работы молодежь, студентов без дипломов и без будущего, безработных, все элементы, составляющие так называемую «маргинальную контркультуру», склонную к разрушению и отвергающую любые усилия, направленные на обновление общества»⁵⁷.

Именно антикоммунизм, сдобренный антисоветизмом, служит для многих экстремистских группировок единственной платформой их совместных действий, определяет в значительной степени смысл их существования, ибо для революционеров мнимым основным доказательством их «революционности» явля-

ются оголтелые нападки на революционеров подлинных. Поэтому всякий раз провозглашаемая ими борьба против капиталистической системы и эксплуатации оборачивается в первую очередь нападками на «партийную и профсоюзную бюрократию», а часто этим и ограничивается. «Быть антикапиталистом — значит быть антикоммунистом»⁵⁸ — такой представлялась анархисту Кон-Бендиту — одному из бывших лидеров леворадикального студенческого движения во Франции — подлинно «революционная» стратегия.

Выдвигая на первый план борьбу против коммунистических партий и социалистических стран, лидеры левоэкстремистских организаций предлагают западной молодежи, несмотря на внешне полный разрыв с капиталистическим обществом, фактически полностью перенять из его духовного наследия безудержный антикоммунизм и антисоветизм буржуазии. «Антисоветизм, — писал Соареш, — стал модой среди мелкобуржуазных радикалов, точно так же как он был модой и среди анархистов. И те и другие превратились в орудие интриг и клеветы мировой реакции в борьбе против Советского Союза»⁵⁹.

Председатель Всеобщей конфедерации труда Франции Ж. Сеги справедливо заметил, что для многих левачество является самым коротким путем от полного политического невежества к самому примитивному антикоммунизму. В этом один из существенных аспектов, роднящий «левых революционеров» с реакционерами, объясняющий в значительной степени снисходительное отношение буржуазного государства к крайне «левым» формам экстремистского протеста. «Как в прошлом, — писал Жак Дюкло о лидерах экстремистских группок, — так и в настоящем их действия служат лишь интересам реакции»⁶⁰. Подтверждением этого являются позорные действия современных «левых» экстремистов, блокирующихся с крайне реакционными, проимпериалистическими и консервативными силами на международной арене, превративших антисоветизм в краеугольный камень своей политики и выступающих в роли пособников международной реакции и контрреволюции.

Сама жизнь, опровергнув схематические построения идеологов «левого» экстремизма, подтверждает

несостоятельность их претензий на выработку концепции такого революционного действия, которое развивалось бы помимо и вопреки борьбе рабочего класса. «Только пролетариат,— писал В. И. Ленин,— в силу экономической роли его в крупном производстве,— способен быть вождем *всех* трудящихся и эксплуатируемых масс, которые буржуазия эксплуатирует, гнетет, давит часто не меньше, а сильнее, чем пролетариев, но которые не способны к *самостоятельной* борьбе за свое освобождение»⁶¹.

IV. ЦЕЛЬ И СРЕДСТВА

1. Нетерпение как теоретический аргумент

Вряд ли можно говорить о какой-либо целостной мировоззренческой концепции или единой идейно-политической платформе современного политического экстремизма, даже если брать только одно его «левое» крыло. Идеологические концепции «левых» экстремистов в том виде, как они формулируются самими членами экстремистских организаций в различных листовках, «стратегических резолюциях» или «манифестах», обычно представляют собой попытки оправдать совершенные или планируемые акции и служат подтверждением одного из основных постулатов политического экстремизма — безусловного примата действия перед теорией. «Обычно первым побудительным мотивом (экстремистов.— А. Г.) становится порыв, а его идеологическое обоснование следует за ним,— пишет В. Лакёр.— Нередко терроризм практикуется без определенной доктрины и систематизированной стратегии теми, кто имеет лишь смутное представление о целях борьбы. Подобно Фаусту, террористы могли бы честно заявить: «Im Anfang war die Tat» (Вначале было дело)»¹.

Что касается тех «теоретических» концепций, которые формулируют за экстремистов их «штатные» идеологи либо различные «толкователи», обслуживающие политический экстремизм и придающие ему идейно-политическое обоснование, то они чаще всего представляют собой эклектическую мешанину из различных социальных теорий. Итальянский социолог Аквавива считает, что современные левозэкстремистские движения питают три идейных течения: «неомарксизм, альтернативные (т. е. сформировавшиеся вне традиционных политических партий.— А. Г.) движения и неокатолицизм»². Перечень этих течений, на наш взгляд, неоправданно ограничен: в идеологических построениях теоретиков «левого» экстре-

мизма можно обнаружить и обрывки традиционных концепций мелкобуржуазного революционаризма, начиная, разумеется, с анархизма, и элементы лево-радикальной идеологии «новых левых», опирающейся на выработанную франкфуртской школой «критическую теорию общества», и отголоски «тьермондистских» концепций Ф. Фанона и Р. Дебре. Не обойдены вниманием экстремистов троцкизм и маоизм, а также различные левооппортунистические уклоны революционного и рабочего движения.

В то же время при всем обилии «духовных родителей» современного «левого» экстремизма было бы трудно и просто неправильно отдать предпочтение какому-либо одному из них. Каждое из указанных идейных течений используется «левыми» экстремистами сугубо утилитарно, из каждого выбирается какой-либо один, устраивающий их тезис или аспект, будь то «развенчание» революционности рабочего класса, прославление пауперов или просто утверждение о том, что «власть находится на конце ружейного ствола».

В идейную переплавку идет все, что тем или иным образом льет воду на мельницу экстремистского волюнтаризма, все, что помогает экстремистам возводить, по выражению Ф. Энгельса, «собственное нетерпение» в разряд революционной теории. «Экстремист считает своим предназначением совершать «исторические» поступки. Он убежден, что выступает от имени Истории, воображая, что отгадывает смысл и направление исторического процесса и в силу этого вправе обогнать его...»³ — пишет в газете «Монд» К. Циммер.

Нарочитая туманность и «недосказанность» идеологических концепций являются умышленной позицией большинства лидеров экстремистских организаций. С одной стороны, это объясняется их нежеланием связывать себя «путами» какого-либо систематического, тем более научного анализа окружающей действительности, ибо они боятся, что это может ограничить «свободу» их волюнтаристских действий, возможность по собственному произволу «творить историю», не считаясь с политической и исторической реальностью. С другой стороны, пелена неопределенности, умышленно набрасываемая экстремистами на

краткосрочные и тем более долгосрочные программные цели их действий, служит, по мнению их лидеров, более эффективным средством привлечения и удержания сторонников, чем четкая идейно-политическая платформа, которая способна не столько объединить, сколько разъединить членов этих организаций, обнажив разнородность и противоречивость их классовых мотивов, политических и даже личных устремлений.

Примечательно, что, например, политические заявления уругвайских «тупамарос»⁴, которых многие западные исследователи рассматривают как предтечу западноевропейских террористов, в течение целого ряда лет оставались намеренно неопределенными в отношении преследуемых ими целей. «Слова разделяют нас, в то время как действия объединяют»⁵, — подчеркивали их лидеры. Подобные способы привлечения «единомышленников» высмеивал В. И. Ленин, когда он критиковал эсеров, считавших, что «отсутствие теории — весьма хорошая вещь, особенно удобная «для объединения»»⁶.

Прислушаемся к авторитетному голосу видного теоретика анархизма П. А. Кропоткина, во многом пересмотревшего свои взгляды под воздействием революционного движения в России. Вот что он писал в 1909 г. по поводу теоретического тумана, умышленно напускаемого руководителями ряда анархистских организаций: «...идеи народного освобождения и экономических преобразований преподносились народу лишь в форме неясных стремлений к чему-то. Нередко в них ничего не было, кроме простого отрицания. Те, которые обращались к народу, не старались выяснить, в какую форму могут вылиться в действительной жизни их пожелания или их отрицания. Они даже как будто не хотели выразиться более точно. Сознательно или бессознательно они как будто думали: «К чему говорить народу о том, как организовать в будущем? Это только охладит его революционный порыв. Пусть только у него хватит сил для нападения на старые учреждения. А там видно будет, как устроиться». Сколько социалистов и анархистов рассуждают по сию пору таким же образом! Нетерпеливо стремясь приблизить день восстания, они называют усыпляющими теориями всякую попытку сколь-

ко-нибудь выяснить то, что революция должна стараться ввести»⁷.

Если невозможно выделить какое-то одно, преобладающее идейное течение, которому можно было бы приписать функцию главного духовного «поводыря» экстремистов левацкого толка, то нужно назвать общие для большинства заимствуемых ими идеологических концепций признаки, которые делают их привлекательными для мелкобуржуазных «революционеров».

При всем обилии особенностей и нюансов указанных концепций они несут на себе печать классовой ограниченности мелкого буржуа, отмечены непониманием или умышленным отрицанием действительной расстановки классовых сил в революционном процессе. Их проповедники не видят связи партий и групп с определенными социальными силами, игнорируют классовые антагонизмы и конфликты. Несмотря на активно используемую ультралевую фразеологию, многие политические концепции мелкобуржуазных идеологов свидетельствуют об их склонности к компромиссу с идеологией господствующих классов, к сближению с буржуазными партиями, возглавляющими лагерь контрреволюции. Это и должна закамouflировать путаная и эклектически надерганная из разных политических учений псевдореволюционная фразеология этих теоретиков.

Следует особо остановиться на тех факторах, которые объясняют заметный рост в 70-х годах популярности в западных странах, особенно среди молодой интеллигенции, поставляющей основной контингент идейных вождей и политических лидеров экстремистских организаций, этих в большинстве случаев далеко не новых концепций мелкобуржуазного революционаризма. В основе этого явления лежат уже упоминавшиеся нами резкие кризисные перемены в экономическом положении и общественном статусе тех слоев буржуазного общества, которые наиболее податливы на «посулы» экстремизма и склонны к волюнтаристским, авантюристическим действиям. Это общее ухудшение положения непролетарских слоев капиталистического общества наложилось в середине 70-х годов на острый кризис мелкобуржуазного общественного сознания, и в первую

очередь левацкого радикализма, с которым еще с конца 60-х годов многие представители этих слоев связывали надежды на открытие «новой левой» и некоммунистической «революционной альтернативы».

Известно, что ядро экстремистских организаций в большинстве капиталистических стран составили бывшие представители «новых левых» движений, разочаровавшиеся в исходе сражений 1968—1970 гг. Последовавшее в середине 70-х годов резкое падение влияния леворадикальных идеологов на массовые общественные движения означало явный кризис их идеологии и очевидный крах надежд на оттеснение пролетариата и его партий с руководящих позиций в революционно-преобразующей борьбе. Многих из них утрата прежнего влияния, особенно в молодежной и студенческой среде, превратила в «генералов без армий», вернула в «гетто» малочисленных, соперничающих между собой групп и ячеек, страдающих всеми комплексами озлобленного и отчаявшегося меньшинства. «... «Левый» терроризм, — писала газета «Монд», — возник на пепелище ультралевых организаций, появившихся в 1968 г.»⁸.

Особое место среди леворадикальных идеологов этого периода, бесспорно, принадлежало Г. Маркузе. Его работы получили широкое распространение среди западноевропейского студенчества, а личная популярность создавалась и активно поддерживалась постоянным вниманием со стороны буржуазной печати. Представителям западной молодежи, несомненно, импонировали критический пафос социальных теорий Маркузе, обращенный против общества, основанного на угнетении и эксплуатации человеческой личности, обличение его растущей бюрократизации и усиливающегося репрессивного характера.

Своей популярностью Маркузе в немалой степени был обязан заявлениям о близости его взглядов к марксистским — уловка, без которой в наши дни не может обойтись ни одно идейное течение, рассчитывающее привлечь симпатии левонастроенной молодежи. Ее подкупало в идейных построениях Маркузе и особое внимание к «маргинальным» слоям общества, которых его теория не только освобождала от «комплекса неполноценности» по отношению к противостоящим друг другу крупным общественным клас-

сам, но и возводила на пьедестал «подлинных революционеров». Подыгрывая студенческому радикализму, Г. Маркузе писал, что студенчество «представляет воинственное меньшинство, которое в силу высокой сознательности и благодаря тому что оно в значительной мере свободно от агрессивных потребностей капиталистического общества, способно выступить как некая разновидность авангарда, прежде всего, конечно, в просветительском смысле, но также и в политической практике»⁹.

Именно идеи, выдвигавшиеся Г. Маркузе и его коллегами из франкфуртской школы, западные ученые нередко выдают за «неомарксистскую» ветвь, составившую один из идеологических истоков современного «левого» экстремизма. На деле концепции Г. Маркузе, а также других теоретиков франкфуртской школы (В. Бенямина, Т. Адорно, М. Хоркхаймера) никоим образом не могут быть квалифицированы как близкие к марксизму. Эти теоретики категорически отвергали марксистское понимание истории и революционного процесса, утверждая, что не революционные изменения способа производства и социальной структуры общества, а психологическая трансформация индивидов является источником революционных социальных перемен. Для представителей франкфуртской школы социальная революция — это «акт очищения», абсолютное отрицание всего и вся, «триумф возможностей мифологии и фантазии над профанирующей реальностью мира»¹⁰, — пишет американский политолог Дж. Фридман.

Авторы «критической теории общества» и других антипролетарских концепций социальной революции уводили движение леворадикального протеста в сторону от важнейших направлений борьбы за подлинно революционное преобразование общества. Эти теории играли роль дополнительных идеологических инъекций, введших в это движение вакцину мелкобуржуазной «революционности», поддерживавших его в наркотическом состоянии бездумного бунта. Лыстя и подыгрывая обездоленной молодежи, пытаюсь модернизировать идейную платформу движения, заменяя устаревшие анархистские догмы «всеобщего разрушения» теориями «тотального отказа», теоретики леворадикальной «революции» стремились навя-

зять социальному протесту непролетарских слоев бессмысленный, разрушительный характер, соблазнить молодежь социальными утопиями, повернуть ее спиной к реальному социализму и борьбе за него.

Не удивительно, что к середине 70-х годов большая часть поначалу массовых леворадикальных движений, не сумев удержать в своих рядах массы, быстро превратилась в незначительные мелкие группировки. Данные процессы в равной степени были характерны как для Соединенных Штатов Америки, так и для стран Западной Европы. Результаты исследования, проведенного в конце 70-х годов во Франции журналом «Студенческое досье», показали, что из общего числа закончивших школы учащихся к левачьему экстремистскому движению «автономистов» причисляли себя меньше одного процента (0,9 %) опрошенных. «Изоляция автономистов, — делала вывод газета «Монд», — грозит подтолкнуть их к более систематическому использованию насилия»¹¹. Этот вывод получил подтверждение на практике в активизации террористических выступлений французских «левых» экстремистов.

Равным образом и в Америке, как отмечают авторы коллективного труда «Современное политическое сознание в США», на смену поколению «радикалов-демократов» конца 60-х годов появился новый социальный персонаж — экстремист «радикал-бунтарь», который представляет собой бывшего радикал-демократа, отчаявшегося и озлобленного¹². Социальное отчаяние, утрата веры в революционные возможности масс толкали сотни разуверившихся мелкобуржуазных революционеров на путь волюнтаризма, безрассудных экстремистских акций и индивидуального террора. «В те времена в бурливших университетах целое поколение молодых людей мечтало разделаться одним махом с нацистским прошлым, политической пассивностью и сытым конформизмом их стран. Это были «годы свинца»»¹³, — писал об этом периоде французский журнал «Экспресс».

Бунт, основанный на отчаянии и нетерпении, породил эффектные, но мало вразумительные лозунги. «Требуйте невозможного!» — писали в мае 1968 г. парижские студенты на стенах Сорбонны. «Требованием невозможного» называл в свое время

Гегель стремление достичь цели «без обращения к средствам»¹⁴. Полное пренебрежение законами общественного развития, игнорирование объективных условий, в которых разворачивается классовая борьба, всемерное возвеличивание субъективного начала — вот правила, по которым пытаются «играть» в революцию «левые» экстремисты.

Многим экстремистски настроенным представителям западной молодежи переход к вооруженной борьбе представлялся кратчайшим путем построения «окончательно справедливого» общества. Подобные мотивы, скорее психологического, чем идейно-политического плана, обусловили обращение к терроризму в 70-х годах целого ряда бывших деятелей леворадикальных западноевропейских молодежных и студенческих движений. При этом тот самый «народ», который собирались «освободить» и осчастливить экстремисты, играл все менее существенную роль в их стратегических концепциях и схемах, превращаясь постепенно лишь в объект их «освободительных», то бишь террористических, действий.

Если вначале западногерманские экстремисты, пишет Х. Мюнклер, «рассчитывали на поддержку части населения, рассматриваемой ими в качестве потенциального революционного субъекта, то после перехода к террористическим акциям они должны были отказаться от этих надежд и в конце концов сосредоточиться на самих себе как на единственном революционном субъекте»¹⁵.

Некоторые идеологи западноевропейского экстремизма, отчаявшись обнаружить неуловимый «революционный субъект» в собственных странах, обращались в своих поисках к опыту вооруженной национально-освободительной и антиколониальной борьбы народов Азии, Африки и Латинской Америки. Так, идеолог западногерманской РАФ Х. Малер, объясняя «отсутствие революционного потенциала» в развитых капиталистических странах, писал: «Ответ мы находим в коррумпированном сознании относительно привилегированного промышленного пролетариата в Западной Германии. Наша задача определяется прежде всего необходимостью вооруженной борьбы пролетарских народов в слаборазвитых странах»¹⁶.

Не находя обоснования и оправдания для развер-

тивания своих авантюристических акций в объективной реальности собственных стран, мелкобуржуазные «революционеры» пытались заимствовать их у пораженных империализмом народов других континентов, которые вели борьбу в принципиально иных условиях. А. Жейсмар, бывший в конце 60-х годов лидером французских леваков, так пишет в книге «Шестерни терроризма» о «сбитых с толку» активистах леворадикального студенческого движения, называя их «революционерами без революции»: «Этим западноевропейским мальчикам тошно было жить вне «зоны штормов» в эпоху, когда во Вьетнаме могла бы осуществиться идея интернациональных бригад. Посторонние в тех странах, где разворачивались настоящие битвы с империализмом, они не могли смириться с существованием ради собственных шкурных интересов. Поэтому они с восторгом приняли манифест тупамарос и призыв Режи Дебре учиться у них революционной деятельности»¹⁷.

Следуя этим призывам, многие западноевропейские террористы разрабатывали концепции «городской герильи», беря за образец опыт партизанских движений в ряде латиноамериканских стран. Латиноамериканскую «герилью» (партизанскую войну), порожденную конкретными условиями этого континента и бедственным положением его народов, истерзанных двойным притеснением — американского империализма и насажденных им тиранических режимов, — западноевропейские «левые» экстремисты рассматривали как универсальный революционный метод, который должен быть использован «слабыми революционными силами». По их твердому убеждению, этот метод мог применяться во все времена и в любых условиях.

По этой же причине особую популярность среди экстремистов получили такие идеологические концепции (разработанные самими латиноамериканцами, например К. Маригеллой, либо их западноевропейскими подражателями), которые давали левоэкстремистское обоснование самым различным формам вооруженной борьбы, развертывавшейся в этот период в Латинской Америке, — от повстанческих движений сельских «герильеро» до выступлений «городских партизан» — уругвайских «тупамарос», аргентин-

ских «монтонерос» и некоторых других родственных им террористических организаций и групп.

Весьма широкое хождение в целом ряде западноевропейских террористических группировок получил наряду с «Катехизисом революционера» С. Нечаева «Мини-учебник герильеро», написанный К. Маригеллой и содержащий практические советы по осуществлению стратегии «выжженной земли» в городских условиях, по организации саботажа на транспорте и взрывов нефтепроводов, по уничтожению продовольственных складов. Маригелла считал, что подобные акции спровоцируют взрыв недовольства масс, которые поднимутся на революционную борьбу.

Целый ряд положений относящихся прежде всего к «освободительной роли», которую играет насилие в революционной борьбе, западноевропейские экстремисты заимствовали из концепций Ф. Фанона — леворадикального идеолога мартиниканского происхождения, примкнувшего к освободительной борьбе алжирского народа против французских колонизаторов. В его трудах нашел отражение высокий накал антиколониальной борьбы в странах Африки. Фанон заявлял, что насилие не только объединяет людей, но является «очищающей силой», освобождающей угнетенных от комплекса неполноценности, от их отчаяния и бездействия. «Оно делает их бесстрашными и восстанавливает чувство уважения к себе... Когда люди принимают участие в насильственной борьбе за национальное освобождение, они не позволяют никому выдавать себя за их «освободителей»»¹⁸.

Показательно, что, обращаясь к подобным идеологическим концепциям, европейские экстремисты заимствовали из них только элементы мелкобуржуазного радикализма. Точно так же, апеллируя к практическому опыту борьбы народов Азии, Африки и Латинской Америки против империализма, национального и социального гнета, они намеренно закрывали глаза на растущую политическую зрелость их выступлений, на тот накапливавшийся опыт политической борьбы, который неуклонно приближал их к союзу с ведущими революционными силами современности, помогал лучше осознать подлинную природу классовой и освободительной борьбы, развертывающейся в их странах и на мировой арене.

Так, многие из левацких лидеров, объявив себя первоначально самыми горячими сторонниками освободительной борьбы вьетнамского народа и Кубинской революции, начали «разочаровываться» в этой борьбе, когда она вступила в решающую стадию защиты и упрочения социальных завоеваний, налаживания новой жизни в условиях завоеванной свободы и перехода к этапу созидательного социалистического строительства. Весьма показательны оценки методов революционной борьбы, данные Д. Ортегой — одним из руководителей никарагуанской революции, которую в свое время и многие западные политологи, и левацкие идеологи поспешили занести в категорию «революционного путча». «Ясно, что возможности революции, — заявил Д. Ортега, — не зависят от волюнтаризма, романтики, от различных стремлений. Они зависят от реальных особенностей того общества, в котором происходит революция. Если мы попытаемся навязать революцию, добиться ее прогресса без учета всех этих факторов, то даже самая непреклонная воля не спасет революцию от краха и поражения»¹⁹. Нетерпеливым «революционерам» из числа западноевропейских экстремистов стоило бы прислушаться к этим словам, в которых нашел отражение опыт реальной борьбы и подлинно народной революции.

2. «Механический» марксизм

Своеобразное преломление в концепциях политических экстремистов находит революционное мировоззрение рабочего класса — марксизм-ленинизм. Если послушать экстремистов, полистать их пропагандистскую литературу, просто перебрать названия их бесчисленных «пролетарских», «коммунистических», «рабочих», «левых», «красных» и прочих организаций, может создаться впечатление, будто у марксизма нет более верных и ревностных последователей, чем члены экстремистских и террористических группировок. На деле же экстремисты выступают на стороне злейших врагов и противников марксизма.

Именно в идеологической области «левый» экстремизм оказывает империалистической политике особенно важные услуги. Идеологи буржуазии, в течение

десятилетий безуспешно атакующие марксизм-ленинизм, получают в лице различных теоретиков и практиков левацкого экстремизма дополнительную поддержку с «левого» фланга. Совместными усилиями они пытаются выдать различные подделки под марксизм и карикатуры на него за подлинно революционную идеологию рабочего класса, а иногда и за ее более откровенный, «обнаженный» вариант. Тот факт, что в своих воззваниях, прокламациях, лозунгах «левые» экстремисты широко прибегают к использованию марксистской терминологии, служит буржуазной пропаганде поводом для отождествления их с коммунистами. Идеологи антикоммунизма беззащитно спекулируют на том, что в последние годы заметно активизировались различного рода экстремистские движения, использующие для прикрытия и идеологического обоснования своих авантюристических действий левую фразеологию и ссылки на марксистско-ленинское учение.

В этом явлении нашел отражение тот по-своему закономерный факт, что представители самых разных социальных групп, впервые вступившие на поле социальных конфликтов и классовых боев, стремясь идеологически оформить свой социальный протест и выработать программу борьбы за свои интересы, обращаются в первую очередь к подлинно революционному учению. В их числе и мелкобуржуазные революционеры, и националисты, и представители многих других различных по своей социальной природе течений общественного протеста, порождаемого разложением буржуазного строя.

Упрощенно рассматривая марксизм как готовый служить любым целям инструмент общественного переустройства, как своего рода архимедов рычаг, с помощью которого каждый может «перевернуть Землю», представители различных непролетарских, а подчас и открыто антипролетарских и антисоциалистических течений начали наспех переделывать это учение, подгоняя его под свои идейные позиции и политические интересы.

Общим для многочисленных левацких вариаций на тему марксизма-ленинизма является его искаженное, схематическое и антиисторическое толкование. Характеризуя подобное явление, В. И. Ленин писал:

«Чрезвычайно широкие слои тех классов, которые не могут миновать марксизма при формулировке своих задач, усвоили себе марксизм в предыдущую эпоху крайне односторонне, уродливо, затвердив те или иные «лозунги», те или иные ответы на тактические вопросы и не поняв марксистских критериев этих ответов»²⁰.

Почему же большинство левоэкстремистских движений пытается опереться на марксизм-ленинизм в поисках идеологического обоснования своих действий? Это объясняется действенностью марксистско-ленинского учения, его способностью не только объяснять мир, но и указать путь к его изменению. Революционная борьба рабочего класса доказала, что марксизм-ленинизм служит эффективным орудием революционного преобразования мира. Это создает у мелкобуржуазных революционеров ложное представление о том, что это учение может рассматриваться как инструмент произвольной переделки любой действительности с помощью любых волонтаристских, в том числе и экстремистских, действий. «Слепая вера в чудодейственную силу всякого *action directe* (непосредственного воздействия. — *Ред.*); выхватывание этого «непосредственного воздействия» из общей социально-политической конъюнктуры без малейшего ее анализа; словом, «произвольно механическое понимание общественных явлений» (по выражению К. Либкнехта) очевидно»,²¹ — писал В. И. Ленин.

Левоэкстремистские толкователи марксизма по существу опираются на усиленно распространяемые буржуазными идеологами утверждения о крайнем субъективизме, якобы присущем идеологии и практике марксизма, о том, что он не отражает окружающий мир, не опирается на его законы, а пытается произвольно подогнать их под идеологические схемы, что неизбежно влечет, по их представлениям, применение политического насилия.

Такое понимание марксизма, заимствованное у платных буржуазных идеологов и антикоммунистов, позволяет «левым» экстремистам, а также представителям других радикальных мелкобуржуазных движений, опирающимся на крайний субъективизм, рассматривать марксистскую идеологию как средство

навязывания всему обществу своих концепций и взглядов. В этом взгляде на марксизм как на идеологию диктатуры меньшинства лишний раз проявляется совпадение мировоззренческих позиций идеологов буржуазии и мелкобуржуазных экстремистов независимо от того, что одни при этом проклинают марксизм, а другие, объявляя себя его приверженцами, на деле пытаются приспособить его к обслуживанию своих эгоистических целей.

Заимствуя марксистскую терминологию и символику рабочего движения — изображения красных звезд, серпа и молота и т. д., — экстремистские «вожди» выступают в роли провокаторов, которые охотно прибегают к переодеваниям, в том числе и в чужой идейный наряд. На самом деле их «игра» в революцию путем организации различного рода заговоров и покушений не имеет ничего общего с подлинно революционной борьбой, ибо по существу не предполагает выхода за рамки капиталистического общества.

Авантюристические действия «левых» экстремистов способствуют выработке в общественном мнении ложных представлений о том, будто основная опасность общественному порядку, миру, благополучию и в конечном счете важнейшим жизненным интересам граждан исходит от левых сил. Так, прикрываясь псевдореволюционными лозунгами, «левый» экстремизм служит реакции, помогает ей завоевывать и укреплять свои позиции. Щеголяя марксистской терминологией, «левые» экстремисты ничего не воспринимают из существа этого учения, не учитывают богатейшего и поучительного опыта рабочего движения.

О подобных «революционерах-заговорщиках» К. Маркс и Ф. Энгельс писали еще в 1850 г.: «Их дело заключается как раз в том, чтобы опережать процесс революционного развития, искусственно гнать его к кризису, делать революцию экспромтом, без наличия необходимых для нее условий. Единственным условием революции является для них надлежащая организация их заговора»²².

Вот как, например, формулировал свое понимание условий, при которых может возникнуть революционная ситуация, идеолог западногерманской РАФ

Х. Малер: «Революционером делает прежде всего воля к революции. Отряд партизан возникает из ничего. Каждый может начать. Ему не нужно никого ждать. Несколько десятков бойцов, которые действительно начинают, а не занимаются бесконечными дискуссиями, могут радикально изменить политическую сцену, дать толчок лавине». Ему вторила У. Майнхоф: «Правильно сейчас организовать вооруженное сопротивление, зависит от того, возможно ли это, а возможно ли это, способна определить лишь практика»²³.

Подобные трескучие, но в сущности пустые, не подкрепленные каким бы то ни было объективным анализом обстановки в современном капиталистическом обществе заявления, больше напоминающие заклинания, чем взвешенные политические оценки, вызывают в памяти слова В. И. Ленина, сказанные им еще в 1921 г.: «Для настоящего революционера самой большой опасностью, — может быть, даже единственной опасностью, — является преувеличение революционности, забвение граней и условий уместного и успешного применения революционных приемов. Настоящие революционеры на этом больше всего ломали себе шею, когда начинали писать «революцию» с большой буквы, возводить «революцию» в нечто почти божественное, терять голову, терять способность самым хладнокровным и трезвым образом соображать, взвешивать, проверять...»²⁴

Поклонение революции как полумистическому символу, как духу, который можно призывать усилием воли, будто на спиритическом сеансе, превращает «левых» экстремистов в жрецов революционного культа, заставляет их рассматривать революцию не как средство разрешения назревших общественных проблем, а как самоцель, ибо только постоянное наличие критической «революционной ситуации» служит в конечном счете оправданием их существования.

Особенно наглядно искаженное толкование марксизма-ленинизма различными левозэкстремистскими теоретиками и практиками проявляется в вопросе о применении насилия в политических целях. В то время как коммунисты, допускающие возможность, а иногда и необходимость применения народными массами насильственных действий в ходе революци-

онной и освободительной борьбы, рассматривают их как вынужденную, ответную меру, обращенную против «*террора* классового господства»²⁵ эксплуататорских классов, «левые» экстремисты исходят из прямо противоположных посылок. Согласно их представлениям, не подъем массового, революционного или освободительного движения ставит в повестку дня вопрос о многообразии используемых форм борьбы, включая вооруженную, а, наоборот, лишь применение оружия способно вызвать революционный подъем, привести к развертыванию освободительной борьбы масс. О подобной извращенной логике псевдореволюционеров Г. В. Плеханов писал: анархисты полагают, что поскольку «в каждой революции совершаются насилия, то достаточно прибегнуть к насильственным средствам, чтобы вызвать или ускорить революцию»²⁶.

Современные экстремисты, утверждающие, что насильственные действия небольших групп могут дать «толчок лавине», послужить эффективным средством пробуждения народных масс для активных революционных выступлений, по существу пытаются возродить давнюю, характерную для анархистских концепций прошлого теорию эксцитативного террора, согласно которой «каждый поединок героя будит в окружающих дух борьбы и отваги». Однако, писал В. И. Ленин, «мы знаем из прошлого и видим в настоящем, что *только* новые формы массового движения или пробуждение к самостоятельной борьбе новых слоев массы действительно будит *во всех* дух борьбы и отваги. Поединки же... непосредственно вызывают лишь скоропреходящую сенсацию, а посредственно ведут даже к апатии, к пассивному ожиданию следующего *поединка*»²⁷.

Террористы приравнивают классовую борьбу к вооруженной, в результате чего политика сводится по существу к криминальным, уголовным акциям. Газета итальянских «автономистов» «Потере операйо» («Власть рабочих»), издававшаяся одним из идеологов итальянского экстремизма, А. Негри, писала в 1973 г.: «Вооруженная борьба, руководимая авангардом, составляет высшую форму борьбы рабочего класса за руководство процессом преобразования общества на коммунистических началах»²⁸. Созданная

в Португалии экстремистская организация, именуемая себя «вооруженные революционные автономные группы», в своем коммюнике заявляла: «Если быть террористом — значит бороться за поражение капиталистической власти и ликвидацию угнетения, в таком случае мы — террористы»²⁹. Такова же логика рассуждений японских «левых» экстремистов: «Партия есть армия, партия сама должна сражаться», — говорится в изданном японской «красной армией» сборнике «Скачок в мировую революционную войну». Политическое кредо западногерманских террористов сформулировано в одной фразе руководительницей западногерманской террористической организации РАФ У. Майнхоф: «Коммунизм сегодня — это и есть вооруженное насилие»³⁰.

Идеологи буржуазии с восторгом аплодируют подобным определениям марксизма, которые позволяют чернить и дискредитировать это учение подчас эффективнее, чем это удастся официальному «профессорскому» антикоммунизму. При этом они намеренно замалчивают тот очевидный факт, что в наши дни в категорию подлинных «марксистов», «пролетарских революционеров» и даже «коммунистов» нередко записывают себя люди, не только не имеющие ничего общего с марксизмом и с рабочим движением, но и ведущие против них активную политическую, а то и вооруженную борьбу.

3. «Вооруженная пропаганда»

По мнению идеологов терроризма, насилие, и только оно, позволяет творить политические чудеса — отменять законы общественного развития и классовой борьбы, одним словом, превращать воду в вино, а ртуть в золото.

Террористические акты, уголовные преступления, убийства кроме тех человеческих жертв, которые они приносят, имеют своей целью и формирование противостоящей обществу армии «подлинных революционеров», отрицающих традиционные формы политической борьбы, ощущающих себя полностью отличными от остального мира и готовых на любые криминальные действия. К примеру, политическое насилие рассматривалось американскими «уэзерменами» как

«лучший способ формирования революционного сознания среди массы американского народа»³¹. Х. Малер также утверждал, что «партизанская война должна стать школой политической практики революционных кадров»³². На практике это означало, что тщательно разработанная техника ограбления банков способна заменить, по мнению руководителей РАФ, политическую поддержку со стороны масс. В связи с этим западногерманский социолог Х. Мюнклер отмечал как наиболее специфическую характеристику идеологии РАФ «веру в возможность трансформировать политические проблемы в технические»³³. Подчеркивая «воспитательное» значение террористических актов, которые они часто именовали «вооруженной пропагандой», западногерманские экстремисты любили повторять вслед за Мао Цзэдуном, что «бросать бомбы в аппарат насилия — значит врываться в мышление масс»³⁴.

Чувствуя свою изолированность от основных классовых сил общества, современные теоретики и практики экстремизма пытаются с помощью намеренно провоцируемого насилия втянуть в отверженное, маргинальное состояние как можно больше искаленной капиталистическим кризисом молодежи. Их методы идейной и политической вербовки новых адептов весьма сходны с описанными Ф. М. Достоевским в «Бесах» уголовными способами «повязать» сообщников «совместно пролитой кровью» и общим участием в преступлении. Подобным путем современные террористы стремятся закрепить значительные отряды молодежи в положении «изгоев», расширить пространство, отделяющее их от общества, ибо они видят в этом перспективу укрепления своих организаций. «Сползание к авантюризму и провокациям, — подчеркивала «Унита», — становится почти неизбежным, когда массовые действия и политика единства подменяются узкой сектантской трактовкой политической и социальной борьбы»³⁵. Это замечание газеты итальянских коммунистов служит лишь дополнительным подтверждением справедливости вывода, сделанного В. И. Лениным на основании анализа опыта и теории русской революции: «Партия всегда прибегает к индивидуальному террору, если она не пользуется поддержкой масс»³⁶.

К. Маркс, давая в свое время характеристику политическому сектантству, писал: «Для секты смысл ее существования и вопрос чести состоят не в том, что у нее есть *общего* с классовым движением, а в том *особенном талисмани*, который ее от этого движения *отличает*»³⁷. Таким особенным талисманом для сект современных экстремистов стало безудержное использование насилия, которое они все чаще обращают против подлинно демократических и революционных сил в современном капиталистическом обществе, т. е. против рабочего класса, его профсоюзов и коммунистических партий.

Особое место в тактике экстремистских организаций занимает провокация. Террористические акции и иные формы применения насилия должны, по убеждению лидеров этих организаций, не столько принести конкретные результаты сами по себе, сколько, вызвав соответствующую «репрессивную» реакцию буржуазного государства, послужить необходимым доказательством его авторитарной сущности и тем самым расширить базу социального протеста.

Еще в дни майских событий 1968 г. во Франции леворадикальные лидеры студенческого движения, подталкивавшие его на путь экстремизма, открыто заявляли, что считают за благо, за необходимый элемент «революционного воспитания» молодежи каждый факт столкновения с полицией, особенно если он сопровождается жертвами. Они приветствовали ввод войск и жандармерии на территории университетских городков, так же как и другие случаи прямой конфронтации с властями.

Еще более активно тактику «вооруженной пропаганды» стали использовать в последующие годы «вожди» экстремистских и террористических организаций. В качестве оправдания своих акций они, по давней традиции экстремистов, выдвигают тезис о том, что применяемое ими террористическое насилие является оборонительным, ответным. «Наше насилие — это самозащита пролетарского класса от насилия, ежедневно совершаемого государством»³⁸, — заявляют итальянские «автономисты». Однако, поскольку это «государственное насилие» носит замаскированный, скрытый характер, необходимо его не только разоблачить на словах, но и «выманить»

наружу, т. е. спровоцировать государственный аппарат на применение насилия, на политические и полицейские репрессии.

Методика использования насилия как провокации, которой руководствуются в данном случае террористы, выглядит примерно так: намеренное применение насилия вызывает репрессии, репрессии способствуют дальнейшей, уже стихийной, эскалации насилия. Постоянно провоцируя правительство, можно вынудить его прибегать ко все более драконовским мерам. Таким образом, «истэблишмент» будет принужден сбросить свою либерально-демократическую «оболочку», или реформистское обличье, и противопоставить себя значительным слоям народа. Провокации против полиции и армии толкнут офицеров к правым силам и увеличат опасность правого, фашистского переворота или установления диктатуры и тем самым «усилят сопротивление народных масс».

В этой схеме, по которой строятся акции многих современных экстремистов, почти полностью воспроизведена проповедовавшаяся еще С. Г. Нечаевым теория «развития тех бед и тех зол, которые должны вывести наконец народ из терпения и понудить его к поголовному восстанию»³⁹. В переложении на современный язык «стратегических резолюций» итальянских «красных бригад» эта мысль формулируется следующим образом: «цель подрывной деятельности состоит в том, чтобы вызвать со стороны государства реакцию авторитарного или фашистского типа, чтобы можно было в ответ на нее мобилизовать народ на гражданскую войну».

Естественно, что подобная «логика» в политике неизбежно толкает «левых» экстремистов к тому, чтобы всячески спровоцировать активизацию правых и реакционных сил, нагнетать социальную и политическую напряженность, искать, а если потребуется, своими действиями искусственно создавать «улики», подтверждающие скрытую «террористическую сущность» современного буржуазного государства. Это объясняет ту легкость, с которой экстремисты наделяют ярлыком «фашистские» самые различные аспекты общественно-политической жизни капиталистического общества — производственные отношения, политическую структуру, общественные организации, сред-

ства массовой информации и др. Даже организация досуга и индустрия развлечений, программы телевизионного вещания и сюжеты кинофильмов — все, включая семейные отношения, несет на себе, по утверждению левоэкстремистских идеологов, печать «фашистского тоталитаризма». В подобных условиях естественной реакцией каждого, кто причисляет себя к левым силам, должен стать «вооруженный отпор» этому явному или более или менее замаскированному «фашизму». В соответствии с вывернутой наизнанку логикой экстремистов крайне правые, ультрареакционные силы становятся их объективными союзниками, ибо своими действиями помогают обнажить «подлинную природу» капиталистического строя.

В то же время любые политические силы (от либерального крыла буржуазии до последовательных противников капиталистического строя — коммунистов), которые не принимают альтернатив экстремизма и навязываемых им методов борьбы, объявляются злейшими «врагами народных масс», поскольку своими политическими акциями помогают якобы смягчать существующие противоречия и затушевывать «террористическую» сущность буржуазного строя. Вот почему именно представители левых сил, а также демократических кругов буржуазной интеллигенции все чаще становятся в последнее время основной мишенью террористов.

Руководимая А. Жейсмаром экстремистская организация «пролетарская левая» провозгласила себя зародышем «нового французского Сопротивления» в ситуации, когда, по утверждениям ее лидеров, государство со своим аппаратом насилия «представляло нацистов, а ФКП и ВКТ — коллаборационистов». Отсюда логически следовала необходимость вооруженной партизанской борьбы и физического уничтожения врагов и предателей. Детальная программа такого рода действий была изложена в документе «Незаконная деятельность и война»⁴⁰.

Другая французская экстремистская организация, «аксьон директ», после президентских выборов 1981 г., приведших к власти правительство левых сил, выступила с заявлением о том, что власть социалистов является «фальшивой альтернативой» и что вооруженная борьба представляется «единственным

выходом»⁴¹. Аналогичной схемы рассуждений придерживались и лидеры западногерманской РАФ. В разработанной У. Майнхоф стратегии прямо говорилось, что акции террористов должны были спровоцировать террористическую реакцию государства. Руководствуясь этой точкой зрения, западногерманские экстремисты заявляли, что предпочитают, чтобы социал-демократическая партия потерпела поражение на выборах, поскольку «разница между христианскими демократами и социал-демократами такая же, как между чумой и холерой», и чтобы канцлером ФРГ стал ультраправый председатель ХСС — Ф.-Й. Штраус.

Соревнуясь с буржуазным государством в применении политического насилия, экстремисты полагают, что становятся вровень с ним и как политический партнер превращаются в противостоящий правящему классу «полюс» политического влияния и в силу этого получают возможность вести с ним «на равных» политическое противоборство. Это иллюзорное, существующее лишь в умах и в схемах экстремистских идеологов двуполюсное противостояние требует устранения всех «промежуточных» сил, мешающих «дуэли» между террористами и буржуазным государством. Подобными политическими соперниками террористов, по их оценкам, становятся прежде всего политические партии (от социал-демократов до коммунистов) и профсоюзные организации рабочего класса. Именно на их дискредитации с целью «устранения» с политической арены и сосредоточиваются основные усилия «левых» экстремистов. Борьба же с главным противником — капитализмом — откладывается на неопределенное будущее.

С другой стороны, специфика политического террора требует персонификации противника. Организаторы террористических покушений, самонадеянно бросая перчатку «государству», «строю», «обществу», пытаются подгонять своих внушительных противников под собственный карликовый рост, отождествлять их подчас с наугад выбранными лицами, которых можно сделать мишенью очередного террористического акта: хозяином, полицейским, судьей и т. д. Последние воспринимаются исключительно как символы, а не как живые люди, в то время как вся существу-

ющая система власти мыслится как следствие заговора горстки злодеев.

Таким способом экстремисты стремятся подвести политическое обоснование под заурядные уголовные преступления: убийства, ранения, похищения людей — журналистов, чиновников, представителей органов охраны порядка, профсоюзных деятелей, юристов и политических деятелей, единственная вина которых заключается в том, что сами же террористы объявляют их «врагами народа», организуя с этой целью карикатурные «народные» суды и трибуналы. Все большее место в арсенале экстремистских провокаций занимают так называемые безадресные, не нацеленные на кого-то конкретно покушения и убийства. Их цель — посеять панику, вызвать страх и хаос, дезорганизовать общественную жизнь, спровоцировать репрессии, дискредитировать правительство, создать ощущение собственной силы и политической значимости.

Отдавая себе отчет в том, что даже самыми отчаянными усилиями и провокациями они не в состоянии вызвать крупных общественных потрясений, экстремисты придают исключительно большое значение общественному резонансу, вызываемому их действиями. Известный американский специалист по вопросам терроризма Б. Дженкинс считает, что терроризм — это прежде всего насилие, нацеленное на порождение страха, причем не столько у жертв, сколько у свидетелей этого насилия. На этот же аспект террористических актов указывает и другой американский «терролог», Дж. Лодж, по оценке которого терроризм — это прежде всего угрозы или применение силы с целью повлиять на позицию группы людей, гораздо большей, чем непосредственные жертвы террористических актов.

В этих определениях и оценках подчеркивается лишь один, но чрезвычайно существенный аспект политического экстремизма — его нацеленность не на конкретные политические или практические последствия либо результаты совершаемых действий, а на общественный резонанс, т. е. по существу на побочный эффект, который они должны создать. Точно так же заранее заданным является и несовпадение целей каждого отдельно взятого террористического акта

(устранение конкретного общественного или государственного деятеля, взятие заложников и т. д.) с теми политическими задачами, которые ставят перед собой экстремисты, — провоцирование массового восстания или государственного переворота, развертывание «народной освободительной войны» и т. д. В дальнейшем это несоответствие закономерно трансформируется в противоречие, в полную противоположность провозглашаемых экстремистами целей конкретным результатам их практических действий.

Нельзя утверждать, что это раздвоение поставленных задач и получаемых результатов, искомой цели и применяемых средств, т. е. ультрареволюционного облика и подлинной политической контрреволюционной сущности «левого» экстремизма, является для всех членов экстремистских организаций сознательной позицией или умышленным приемом, призванным замаскировать подлинную политическую сущность экстремизма. Вряд ли можно отнести основную массу членов различных экстремистских и террористических группировок к сознательным и убежденным провокаторам. (Это, разумеется, не исключает, во-первых, наличия в их среде немалого числа профессиональных, специально внедренных провокаторов, во-вторых, того бесспорного факта, что объективно, пусть даже не желая того, члены экстремистских сект послушно выполняют роль политических провокаторов, оказывая существенные услуги буржуазной реакции в ее борьбе против рабочего класса и демократических сил.)

Пытаясь скрыть от внешнего мира и в немалой степени от самих себя свою истинную сущность, экстремисты активно используют различные способы политической мимикрии, постоянно примеряют на себе чужие наряды и униформы. Вряд ли удастся найти среди экстремистских групп хотя бы одну, которая бы откровенно признала свою принадлежность к террористическому течению. Напротив, среди наименований, которые выбирают для себя замкнутые секты политических авантюристов, чаще всего встречаются такие, как «революционные армии», «народные фронты», «бригады». Свои трусливые, диверсионные акции они обозначают как «народную войну» или, что особенно распространено среди за-

падноевропейских террористов, партизанскую войну — «герилью».

Именно «герильей» называли, выступая на суде, свои террористические действия лидеры РАФ — Бадер, Энслин, Майнхоф и Раске. Пытаясь отмежеваться от обвинений в терроризме, Майнхоф заявила: «Городская герилья несет страх государственному аппарату, террорист делает своей мишенью массу. Городская герилья вбивает клин между аппаратом и массой и стоит всегда на стороне масс. Акции городской герильи никогда не направляются против народа, они всегда направлены против империалистического аппарата. Городская герилья борется против терроризма государства»⁴².

Подобную же аргументацию, которая не выдерживает критики ни с теоретической, ни с практической точки зрения, использовали и итальянские террористы. Руководители французской «пролетарской левой» заявляли, что они выработали своеобразную военно-политическую доктрину, которую назвали «вооруженной партизанской борьбой». «В политическом плане эта вооруженная борьба направлена против власти государства и синдикализма, так как эта власть навязывает массам враждебную им идеологию легализма, т. е. идеологию покорности буржуазному порядку. Мы полагаем, — заявляли они, — что определенные действия, совершаемые маленькими группами, способны ускорить вовлечение масс в борьбу»⁴³.

Однако, несмотря на упорные попытки причислить себя к участникам «народной войны», современные экстремисты, действующие в развитых капиталистических странах, не имеют ничего общего с ней, как и с любым другим массовым освободительным движением. Их разделяет и противопоставляет друг другу целый ряд весьма важных особенностей. Применяемое в ходе освободительных движений (например, в борьбе вьетнамского народа или повстанческих отрядов латиноамериканских патриотов) насилие всегда было направлено либо против чужеземных поработителей, либо против местных тиранических режимов и имело своей конкретной целью нанесение реального ущерба противнику: взрыв мостов, железных дорог, складов, уничтожение вражеских частей,

казарм (штурм Монкады) и т. д. Партизанская борьба опирается на поддержку населения, становится подлинно общенародным движением сопротивления.

Террористические акции не рассчитаны на перерастание в массовую борьбу, их организаторы не ждут поддержки со стороны масс. Пытаясь разрешить, казалось бы, вопиющее противоречие между официально провозглашаемой концепцией «народной войны» и практикой диверсионных действий групп-одиночек, Х. Малер, ссылаясь на специфику «городской герильи», утверждал, что партизаны могут обходиться без помощи населения, скрываться в заранее подготовленных квартирах. В условиях города, утверждал он, гораздо легче оставаться незамеченным: «Анонимность в большом городе является определяющим элементом для городской герильи. Конспиративные контакты с информаторами, симпатизирующими и агентами, имеющими особые задания в институтах врага, в большом городе легче устанавливать и поддерживать, чем в других местах. Здесь герильеро гораздо более независим от населения, не принимающего непосредственного участия в борьбе»⁴⁴.

Подлинная цель террористов — не нанесение урона противнику, а достижение психологического эффекта: устрашение одних — властей и населения — и самоудовлетворение других, т. е. группки террористов. А. Негри пишет в работе «Власть и саботаж»: «Всякий раз, когда я надеваю «*rassemontagne*» (вязаная маска альпинистов и горнолыжников, используемая террористами. — А. Г.), я ощущаю жар пролетарского сообщества... Результат меня не волнует: всякий акт разрушения и саботажа отзывается во мне как голос классовой общности. Возможный риск меня не тревожит: напротив, я ощущаю лихорадочное возбуждение, как если бы я ожидал встречи с любовницей...»⁴⁵

«Присоединяйся к вооруженной борьбе, — могли бы сказать вербовщики террористов, — и твоя жизнь будет полна приключений и женщин, ты узнаешь, что такое насилие, социализм, классовая борьба, и будешь жить в лучших отелях». Такова саркастическая реклама, которую составил безвестный террорист Клаудио Ф. и передал итальянскому социологу Луиджи Манкони⁴⁶. Для многих террористов, замечает

западногерманский социолог И. Фетчер, вооруженная борьба является не рациональным средством достижения политической цели, а чисто субъективным «экзистенциальным выражением обуревающих их чувств отвращения и ненависти»⁴⁷.

Здесь опять мы вынуждены обратиться к рассуждениям С. Г. Нечаева и к его «Катехизису революционера». Вот несколько выдержек из него. Революционер живет в обществе «для того только, чтобы его вернее разрушить...». «Он не революционер, если ему чего-нибудь жаль в этом мире, если он может остановиться перед истреблением положения, отношения или какого-либо человека, принадлежащего к этому миру,— всё и все должны быть ему равно ненавистны...» «Все нежные, изнеживающие чувства родства, любви, благодарности и даже самой чести должны быть задавлены в нем единой холодной страстью революционного дела...» И наконец: «Наше дело — страшное, полное, повсеместное и беспощадное разрушение»⁴⁸.

Однако «революционеры от ненависти», каковыми являются террористы, не вправе ни выступать, ни действовать от имени народных масс, так же как и ассоциировать свои преступные, по существу антинародные акции с подлинно революционными массовыми и демократическими по характеру и целям движениями.

4. Сектантский мир

Как уже отмечалось, экстремисты обычно уклоняются от того, чтобы четко формулировать свои представления об облике будущего, «освобожденного» ими мира, создание которого теоретически является конечной целью их действий. Это объясняется, во-первых, тем, что они считают своей исторической миссией разрушение существующего социального порядка, а не созидание нового. Во-вторых, являясь убежденными волонтаристами, они строят проекты будущего, исходя не из существующей социальной реальности, а из произвольных умозрительных схем, что позволяет любой группе и каждому «вождю» конструировать собственный вариант будущего «царства свободы».

Поскольку между словами и делами экстремистов существует, как известно, глубочайшее и непреодолимое противоречие, обратимся не к мало вразумительным рассуждениям и прорицаниям экстремистских идеологов о том будущем, которым они грезят, а к реальному внутреннему миру их собственных организаций, ибо именно в нем можно обнаружить, как в зародыше, черты той социальной организации, которую они хотели бы распространить на весь мир.

Перед нами предстанет ущербный и карикатурный мир сектантов, страдающих одновременно манией величия и комплексами неполноценности, мир борцов за «всеобщую свободу», пытающихся навязать ее путем установления личной диктатуры, мир «исторических народных вождей», боящихся постороннего взгляда, скрывающих свои подлинные имена и прячущих лица под масками или натянутыми на голову чулками. Стремясь оправдать свою малочисленность, они восхваляют ее как источник «оперативной эффективности» и маневренности.

Взаимоотношения различных экстремистских групп обычно отмечены постоянными спорами и распрями, состязаниями в вербальной «революционности» между представителями различных группировок, на которые они распадаются при каждом новом повороте событий. Им присущи использование мистического языка, что обычно свойственно замкнутым сектам, процедур «обращения в веру» и «отлучения» от нее, преследований за «ересь» и т. д. «В таких группах,— писал американский социолог К. Кенистон,— обычные личные конфликты, борьба за лидерство, различия во взглядах и вкусах в огромной степени разрастаются, приобретая иногда значение вопросов жизни и смерти»⁴⁹. Об этом свидетельствуют события, разыгравшиеся в Японии в феврале 1972 г. в ходе «боевых учений» террористической организации «рэнго сэкигун» («объединенной красной армии»). Для 14 участников учения закончились трагически. По обвинению в «отступничестве» и «предательстве» они были подвергнуты зверским пыткам и убиты. Вина их состояла в том, что, к примеру, одна из жертв носила сережки — атрибут буржуазной роскоши, другая вышла замуж и собиралась стать матерью (она была обвинена в создании помех

для действия группы). Один из «отступников» по указанию руководителей был заколот своими 19- и 16-летними братьями. Несколько человек были закопаны живыми. Именно к этой группе принадлежали трое террористов, устроивших в мае 1972 г. кровавую бойню в израильском аэропорту Лод, в результате которой около 100 человек были убиты и ранены (в основном пуэрто-риканских паломников и туристов). Впоследствии один из террористов был причислен его организацией к лику «святых».

К. Кенистон отмечает характерное для подобного рода групп агрессивное, враждебное отношение к внешнему миру, влияние которого угрожает разрушить секту. Это является постоянным поводом для взаимной подозрительности, обвинений в «измене делу», в уступках идейным врагам. «Такие группы обычно воздвигают надежные барьеры, отгораживаясь от внешнего мира»⁵⁰.

Сектанты в подлинном смысле слова, прибегающие к полусредневековым обрядам с целью поддержания внутренней дисциплины и авторитета «жрецов», — так построены многие экстремистские группы, изображающие себя «авангардом» освободительной народной борьбы и революции.

Присоединение новых членов к экстремистским и террористическим организациям часто носит характер религиозного «обращения», в ходе которого вовлекаемая в них молодежь проходит несколько туров отбора и испытаний. Низший эшелон экстремистских движений связан с полубандитскими элементами, занимающимися мелким насилием и разного рода хулиганскими акциями, часто не имеющими непосредственно политического характера. Политизация такого рода насилия — первый шаг к терроризму. Втягивая в свою орбиту новых рекрутов, террористическая группа или ее руководство требуют безоговорочного подчинения и фанатичной преданности «делу». Тем самым, по словам Малера, они «наполняют смыслом жизнь тех, кто беспомощно искал его»⁵¹.

Французский еженедельник «Нувель обсерватор» следующим образом описывает этот процесс: «До вступления в «Организацию» они (экстремисты. — А. Г.) были лишь мелкими хулиганами, прибегавши-

ми к разрушительным действиям,— бросались булыжниками во время манифестаций, уничтожали автомобили, швыряли бутылки с зажигательной смесью и разбрасывали листовки, объявляющие «войну буржуазии». Затем в один прекрасный день они встречают «всезнающего» наставника, который будет рыбой-лоцманом в их террористическом маршруте.

Первый контакт с новичком обычно устанавливает не входящий в организацию человек. Переговоры с ним могут растянуться на многие месяцы. Когда новичка признают годным, с ним встречается член «Организации». Исполнительный комитет решает затем, как использовать новобранца. После того как экзамен остается позади и «Организация» официально примет вас в свои ряды, необходимо «сменить кожу». Прежде всего изменить имя. Вас будут называть только по кличке или по имени с добавлением места вашего рождения либо зоны действия.

В тайнике в Павии, обнаруженном полицией в 1975 г., следователи нашли учебник под названием «Нормы безопасности и методы работы», который проливает свет на монашеский образ жизни рядового террориста. Текст написан от руки и размножен с необыкновенной тщательностью, даже откровенной маниакальностью. Ничего не упущено из виду: телефоны, женщины, вопросы питания или манера одеваться».

Квартира должна быть типично пролетарской, скромной, чистой, хорошо оборудованной. Снаружи она должна иметь абсолютно обычный вид: занавеси на окнах, звонок, табличка на двери. Террористу не следует навлекать на себя какие бы то ни было подозрения относительно его личной жизни. Тщательно одетый, следящий за собой, с ухоженными ногтями, хорошо постриженный и выбритый, он обязан соблюдать обычный распорядок дня трудящегося: сон — метро — работа.

Ночные встречи необходимо проводить весьма осторожно, ни малейшего шума после 23 часов! Такая суровость создает впечатление о «красных бригадах» как о настоящей бюрократии террора. Каждая «колонна» (их всего шесть или семь) была обязана представлять квартальный финансовый отчет, который проверялся и одобрялся исполнительным коми-

тетом. Ревизию счетов производили казначеи «Организации». Вот как выглядит день рядового члена «красных бригад»: обед у себя дома, возвращение домой, как зимой, так и летом, до наступления темноты. Никаких развлечений по вечерам, даже в воскресные дни.

Есть ли в этой унылой и утомительной жизни место для чувств? Определенно, нет, поскольку «Организация» требует, чтобы подпольщик полностью порвал со своей личной жизнью. Настоящий монах, он должен сторониться женщин, будь то мать, жена или возлюбленная. Единственный случай, когда «Организация» позволяет контакт по телефону с семьей, — это смерть родителей. Вот рассказ одного из «бригадистов», Клаудио Ф.: «Жизнь у меня определено серая и унылая. Время от времени я занимаюсь стрельбой по ночам или участвую в нападении, хотя пока я еще никого не убил. Однако я, бесспорно, смогу это сделать, когда потребуется. Нет, я не буду испытывать никаких угрызений совести, поскольку убийства, которые я совершу, только умножат уже громадный счет смертей, оставленный капитализмом. Моя повседневная нищета — профессиональная, духовная, сексуальная — связана с «конвейерным» характером моего труда и с тем, что я не участвую в решениях моей организации. Да, я чувствую себя эксплуатируемым»⁵².

Внутренняя структура подпольной «армии» обычно состоит из основных оперативных единиц — «командос» (у итальянских террористов — «колонны»). Она построена в виде пирамиды и состоит из боевых групп от трех до десяти членов, которые знают друг друга только по кличкам. Такая организационная структура, которая в разных странах практически одинакова, свидетельствует о том, что руководство террористами осуществляется централизованно. «Боевая группа» призвана выполнять множество функций: удовлетворять основные потребности членов террористических организаций, создавать непосредственное общественное окружение, из которого террорист практически не выходит. «Боевые группы» помимо выполнения своей основной функции — совершения террористических акций — играют еще роль общественной среды для всех, кто входит в них.

Средства для существования, а главное, для проведения операций террористы добывают путем «пролетарских экспроприаций», т. е. уголовных преступлений: ограблений банков, ювелирных магазинов, а также путем похищения родственников богачей с целью получения выкупа. Все чаще вслед за террористами начинают маскировать «политическими» мотивами свои преступные деяния и обычные уголовники ⁵³.

Однако попытки экстремистов играть в «революцию» и «гражданскую войну» не представляют серьезной угрозы для капиталистического строя, а лишь затрудняют борьбу широких трудящихся масс за демократическое и революционное преобразование общества. Террористическое насилие, несмотря на «революционную» оболочку, в которую пытаются упаковать его современные экстремисты, ни на йоту не приближает революции, ибо являет собой попытку «воевать против буржуазности средствами буржуазного же общества» ⁵⁴. Ничего общего это преступное, аморальное насилие не имеет и не может иметь ни с идеологией, ни с практической деятельностью коммунистов, которые отвергают основополагающий постулат экстремизма, гласящий, что величие цели может оправдать любые средства ее достижения. «...Цель, для которой требуются неправомерные средства, не есть правая цель» ⁵⁵ — это высказывание К. Маркса ставит марксизм и терроризм по разные стороны баррикад.

Ложность исходных идейных и политических посылок, на которых строят свою деятельность современные «левые» экстремисты, авантюризм их практических действий неминуемо и закономерно приводят их к главному и роковому для многих из них противоречию — несовместимости провозглашаемых политических целей и объективных результатов действий, играющих на руку империалистической реакции, а часто и фашизму, против которого так неистово выступает на словах и к которому одновременно нередко тяготеет на деле современный «левый» экстремизм.

V. ПО СТУПЕНЯМ ПАДЕНИЯ

1. Наследники «парижского мая»?

Многие буржуазные идеологи пытаются возложить ответственность за нынешний подъем волны политического экстремизма в капиталистическом мире на «май 1968 года», а точнее, на общую активизацию борьбы демократических и антиимпериалистических сил в западных странах в конце 60-х — начале 70-х годов. Как бы подыгрывая им, руководители и активисты большинства левэкстремистских группировок выдают себя за истинных наследников и продолжателей массовых выступлений учащейся и трудящейся молодежи в 1968—1970 гг.

Движение социального протеста рабочего класса и студенчества капиталистических стран в эти годы носило широкий и демократический характер. В этот период значительные, в том числе непролетарские, социальные слои, в частности молодежь, особенно остро ощутили на себе последствия кризиса капиталистического общества во всех его аспектах — социально-экономическом, идейно-политическом, культурном — и активно выступили с требованиями изменений существующего общественного уклада, несправедливых условий учебы и труда, всего образа жизни. Данное движение обладало немалым антимонополистическим и антиимпериалистическим потенциалом (вспомним массовые молодежные демонстрации этого периода, акции протеста против агрессии США во Вьетнаме и «май 1968 года», ознаменовавший собой мощный подъем борьбы рабочего класса и широких слоев трудящихся, в частности во Франции).

Однако, несмотря на значительный размах этих выступлений, пропитанная антикоммунизмом, откровенно враждебная рабочему классу, линия некоторых леворадикальных лидеров студенческого движения помешала ему в то время найти свое место в широком фронте антимонополистической борьбы трудящихся

в странах капитала, привела его к быстрой утрате влияния на широкие слои прогрессивно настроенной молодежи и в конечном счете к поражению. Возглавившие это движение мелкобуржуазные «вожди» студенчества рассматривали его не как объективного союзника рабочего класса, поддерживающего борьбу трудящихся масс, а, напротив, стремились всячески противопоставить студенчество и молодую интеллигенцию пролетариату.

Главную ответственность за углубление разрыва определенной части социальных сил, представляющих мелкобуржуазное движение протеста, с массовой борьбой трудящихся капиталистических стран несут антикоммунистически и антипролетарски настроенные руководители различных левозкстремистских движений и организаций, а также идеологи политического терроризма, подтолкнувшие озлобленные кризисом и идейно дезориентированные слои молодежи на путь политического насилия.

В наши дни именно эти зараженные антикоммунизмом элементы выдаются официальной буржуазной пропагандой за истинных наследников движения мая 1968 г. Это прямой подлог, ибо политический экстремизм являет собой прямую противоположность демократическому массовому движению 1968—1970 гг.

Чрезвычайно пагубной для судеб студенческого движения была позиция враждебности и недоверия, занятая его леворадикальными лидерами по отношению к рабочему классу и накопленному им опыту революционной борьбы. Незнание этого опыта и нежелание познакомиться с важнейшими вехами борьбы пролетариата дорого обошлись массовому студенческому движению этого периода.

Главный редактор газеты «Юманите» Р. Андриё писал в книге «Коммунисты и революция»: «Университетское движение не имеет за плечами опыта долгой революционной борьбы, отмеченного успехами, но также и горькими поражениями»¹. «Студенты не знают ни о той роли, которую сыграла провокация в истории рабочего движения, ни того, до какой степени полиция проникла в анархистское движение в конце прошлого века»², — отмечал французский социолог-марксист К. Прево. Не удивительно, что вышед-

шее на первый бой с угнетением и несправедливостью движение оказалось легкой добычей злейших врагов любого подлинно революционного течения — анархотроцкистов и «леваков».

Ветеран французского рабочего движения Ж. Дюкло писал: «Идеологическая борьба против левачества... особенно полезна для молодежи, в том числе и для молодых рабочих, которые в силу своей неопытности могут попасть в сети провокаций и авантюр. Как показывают факты, многие лицеисты и студенты задают себе различные вопросы, они утратили веру в будущее капиталистического общества. Но они не знают, что такое социализм, и поэтому их в какой-то мере может привлечь негативная деятельность анархистов и других леваков с их неистовствами и крикливыми поношениями»³.

Рассмотренные черты и особенности, свойственные движению студенческой молодежи развитых капиталистических стран, специфика происхождения, состава и, наконец, возраста его участников в значительной степени объясняют, почему это движение подпало под влияние леворадикальных лидеров и идеологов. Под воздействием постоянно воспроизводимых в этой среде идей левацкого толка, исходящих от представителей средних слоев и мелкой буржуазии, которые составляют значительную часть студенчества, оно постоянно подталкивалось в сторону «левачества», испытывало тягу к леворадикальным теориям и утопическим схемам. Вот почему на определенном этапе образовался разрыв между содержанием демократического движения студенческой молодежи развитых капиталистических стран за свои права, против подавления академических и демократических свобод и той формой, в которой это движение проявлялось.

Общедемократическое содержание движения леворадикальные лидеры типа Р. Дучке, Д. Кон-Бендита, Ж. Соважо, А. Жейсмара, А. Кривина, Тарика Али и других стремились облечь в «сверхреволюционную» форму, которая неизбежно принимала преувеличенный, а подчас и гротескный характер. «Революционная» в понимании левацких элементов форма в значительной степени превратилась в самоцель их действий и на некоторое время отодвинула на задний

план реальные, существенные проблемы, вызвавшие к жизни само движение.

Под их влиянием крупному и массовому движению были навязаны формы борьбы, присущие мелким группкам радикальных меньшинств, вынужденным доказывать свое существование с помощью постоянных провокаций и террористических актов. Не удивительно поэтому, что развитие студенческого движения в конце 60-х — начале 70-х годов сопровождалось частой сменой периодов «горячего» подъема периодами спада и уныния. Временный альянс представителей разнородных «новых левых» политических сил, далекий от того, чтобы быть союзом единомышленников, должен был — как это и произошло — неизбежно распасться на отдельные компоненты, усилив тем самым впечатление «краха» внешне внушительного движения, которое не имело сколько-нибудь прочной основы.

О подобном явлении писал еще Ф. Энгельс: «Большинство молодых людей из всех классов, стоящих ниже класса капиталистов, по крайней мере временно находилось в рядах повстанческих армий, но эта довольно пестрая толпа молодежи быстро поредела, как только дело приняло более серьезный оборот... Студенты, эти «представители интеллекта», как они любили себя называть, первыми покидали свои знамена...»⁴ И действительно, «толпа» студенческих ультрареволюционеров значительно поредела после первых столкновений с реальными трудностями подлинной борьбы за революционное переустройство общества.

Указанные процессы явились логическим следствием глубокого кризиса мелкобуржуазного революционаризма, охватившего значительные слои молодежи, вовлеченной в активные социальные действия. Неумолимая логика классовых столкновений в антагонистическом обществе неминуемо подводила их участников к необходимости выбирать свою сторону на баррикадах. Столкнувшись, как с волнорезом, с социальной реальностью капиталистического общества, леворадикальное молодежное и студенческое движение протеста быстро потеряло свой внушительный облик и начало расслаиваться на принципиально различные политические и идейные течения.

Наиболее зрелая и сознательная часть участников этого движения пополнила ряды коммунистов. Большинство же мелкобуржуазных «революционеров», поставивших основную массу статистов для уличных шествий и манифестаций, повинувшись классовому инстинкту, уклонилось от заключения союза с рабочим классом и качнулось в сторону либерально-реформистских движений или просто перешло на позиции буржуазного конформизма. Некоторая часть бывших активистов леворадикальных движений пошла еще дальше, сформировав активно заявивший о себе в 70-х годах отряд «новых правых» движений. Это закономерное расслоение разнородного по своей природе движения, рассредоточение входивших в него элементов вдоль основных силовых линий, характеризующих политическую структуру современного буржуазного общества, вызвало ужесточение действий политических экстремистов, лишившихся массовой поддержки.

Итогом этой эволюции стал отказ лидеров экстремистских группировок от ориентации на массовую политическую борьбу и переход на позиции сектантства, от апологии спонтанности, характерной для этапа широких политических движений, к жестокой полувоенной дисциплине подпольных террористических организаций. «Произошло своего рода короткое замыкание, — пишет «Монд дипломатик». — Часть молодежи и даже подростков, которые раньше делали ставку на организованное движение и непосредственное участие в социальной массовой борьбе, избирали нелегальность. Они предпочли вооружиться индивидуально или коллективно, войти в ту или иную уже существующую террористическую группу либо пуститься в пресловутый «рассеянный терроризм», в частности в больших городских центрах. Логика отчаяния трансформировалась в авантюризм вооруженной борьбы»⁵.

Разуверившись в политической борьбе, порвав связи с партиями рабочего класса, многие представители мелкобуржуазных движений протеста свернули знамена массовых политических выступлений конца 60-х — начала 70-х годов и встали на путь экстремизма и террористических действий. Теоретическое банкротство и практическая несостоятельность мел-

кобуржуазных революционеров, претендовавших на роль вершителей революции «без и против рабочего класса», завели их в тупик, единственный выход из которого многие из них усмотрели в экстремизме. Неспособность оценить революционные возможности масс толкала сотни разуверившихся мелкобуржуазных псевдореволюционеров на путь волюнтаризма, безрассудных экстремистских акций и индивидуального террора.

Обращение к анархизму и другим более современным разновидностям политического экстремизма, включая терроризм, — закономерный итог эволюции псевдореволюционных сил, опирающихся на такой шаткий фундамент, как протест мелкой буржуазии, которая, по словам В. И. Ленина, «истерически мечется, ища выхода и спасенья, колеблясь между доверием к пролетариату и поддержкой его, с одной стороны, приступами отчаяния — с другой»⁶.

По-разному выглядел «закат» левацких группировок в студенческом движении различных капиталистических стран: стремительный упадок влияния «гошистов» во Франции, медленное разложение левацких организаций в Западной Германии и Италии. В США к концу 60-х годов основные студенческие организации были поражены расколом и фракционной борьбой, а важнейшая из них — «студенты за демократическое общество» (СДО), объединявшая еще в 1968 г. около 80 тыс. членов, — в 1969 г. после двух расколов практически перестала существовать.

«Движение «новых левых» просуществовало три или четыре года, — пишет В. Лакёр, — после чего некоторые из его сторонников примкнули к ортодоксальному коммунизму, в то время как другие обратились к анархизму, маоизму, «ситуационализму», основав множество мелких политических сект. Некоторые члены движения выбрали терроризм»⁷.

Все больше расходились пути массового демократического движения молодежи и террористических группировок, соскальзывавших в пустоту бесплодных акций, отчаянных уголовных преступлений. Утратив связь с реальной общественной жизнью, с передовыми, подлинно демократическими силами, левацкие экстремистские организации во второй половине 70-х годов открыто противопоставили себя организациям

и революционным партиям трудящихся и рабочего класса. «...По сравнению с 1968 и 1969 годами,— отмечалось на XIII съезде ИКП,— обстановка резко изменилась. Политика и деятельность руководителей... (левацких.— А. Г.) групп уже не являются выражением протеста и бунта молодежи, пусть даже искаженным, инфантильным и авантюристическим. Напротив, мы наблюдаем перерождение, которое должно вызывать беспокойство не только у нас. С одной стороны, руководители этих групп открыто противопоставляют себя организованному рабочему движению, профсоюзам, ИКП с единственной целью — расколоть их. С другой стороны, ныне совершенно ясно, что независимо от их воли и искренности деятельность этих групп может быть использована консервативными и реакционными силами как элемент... темных планов и провокаций... направленных против самих основ итальянской демократии, и в первую очередь против рабочего класса»⁸.

Ответственность за поворот определенной части движения 1968 г. к экстремизму некоторые буржуазные исследователи пытаются возложить на позиции и политику коммунистов. Активно пропагандируя этот тезис, они нередко выдвигают в его обоснование самые различные, подчас прямо противоположные аргументы. Так, по утверждению профессора факультета истории политических наук Туринского университета Джоан Марио Браво, на стезю террора, на крайне левацкие позиции итальянскую молодежь подтолкнуло разочарование ««соглашательской» позицией ИКП и профсоюзов»⁹. Другие буржуазные исследователи, напротив, объясняют этот феномен «страхом непролетарских слоев» перед успехами итальянского рабочего движения, которое добилось в конце 60-х годов важных завоеваний.

Подобные утверждения, содержащие явные передежки, однако, сигнализируют о наличии реальной проблемы и в рядах левых сил. Она состоит в том, что на определенном этапе развития антимонополистического протеста мелкобуржуазных и средних слоев существенный отряд недовольных, главным образом из числа учащейся молодежи, а также «маргинализованных» под воздействием капиталистического кризиса представителей трудящихся, безработной мо-

лодежи и молодой интеллигенции, стал порывать связи с демократическими силами и рабочим движением и переходить на крайне экстремистские позиции.

Представители ряда коммунистических партий капиталистических стран самокритично отмечали слабости и недостатки в своей работе, приведшие к определенной диспропорции между резко возросшей социальной активностью молодежи и степенью идейного воздействия на нее коммунистов. В ходе дискуссии на тему «Социальная активность молодежи и коммунисты», проводившейся журналом «Проблемы мира и социализма», отмечалось, что далеко не везде или не сразу это повышение политической активности студенчества совпало с усилением в нем позиций коммунистов¹⁰.

Коммунисты откровенно говорили о тех трудностях, которые приходилось преодолевать в период 60—70-х годов, чтобы сохранить и упрочить свое влияние в молодежной среде. «Мы привыкли поддерживать так называемые представительные силы, которые стремились не выходить в своих действиях за рамки университетов. Поэтому мы не смогли сразу дать правильную оценку движению, которое постепенно разворачивалось и приобретало политический характер»¹¹, — отмечал председатель Итальянской коммунистической партии Луиджи Лонго. На аналогичные проблемы указывал Генеральный секретарь ЦК Компартии США Г. Холл: «Во многих отношениях мы отдали студенческое движение на откуп «левым» группам»¹².

Анализируя трудности и недостатки своей работы среди студенческой молодежи, коммунистические партии капиталистических стран отмечали необходимость более внимательного учета специфики и самостоятельного характера студенческого движения, активизации и повышения боевитости организаций студентов-коммунистов, действующих в университетах. Откровенное, по-коммунистически принципиальное отношение компартий к этому важному участку работы было высказано во время Московского Совещания представителей коммунистических и рабочих партий в 1969 г. На совещании отмечалось, что «самым опасным последствием отрыва коммунистиче-

ских партий от революционного движения молодежи и студентов является то, что его возглавляют всевозможные «левые» оппортунисты, маоисты и троцкисты»¹³.

В некоторых случаях лидеры левацких организаций пытались отдельными отчаянными провокациями, стоившими порой жизни некоторым из их членов, гальванизировать угасавшее движение, привлечь внимание разочаровавшейся в нем молодежи. Так, во Франции один из «триумвиров» парижского мая 1968 г., А. Жейсмар, стал руководителем военизированной группы «новое народное сопротивление», перешедшей к организации политических покушений и захвату заложников. Разделилась на несколько фракций и ультралевая французская организация «прямое действие». Некоторые ее активисты склонны были продолжать политическую революционную борьбу, избирая «символические» цели и не прибегая к вооруженной борьбе. Другая часть организации решила перейти к насильственным действиям. Немалую роль в этом сыграло подражание действиям западногерманских и итальянских экстремистов.

В ФРГ после роспуска в 1969 г. леворадикального студенческого союза СДС ряд экстремистски настроенных активистов этого союза основал «фракцию красной армии» (РАФ), целью которой, как ее сформулировали лидеры РАФ А. Баадер и У. Майнхоф, стало использование террора, для того чтобы «взорвать изнутри» западногерманское государство. Листовки, которые выпускала эта организация, содержали призыв начинать «вооруженное сопротивление». Параллельно с РАФ в феврале 1970 г. бывшими членами СДС была создана промаоистская, так называемая коммунистическая партия Германии, провозгласившая своей целью «вооруженный переворот».

Появились на свет и другие, более малочисленные экстремистские организации типа «лиги против империализма» и «движения 2 июня». Наиболее красноречиво их платформа сформулирована в листовке одной из подобных организаций, в которой говорилось, что революционная борьба только тогда будет иметь смысл, когда «всюду будут гореть автомобили, виллы, самолеты, картинные галереи». Следуя этой «программе», члены различных террористических груп-

пировок ФРГ участвовали начиная с 1970 г. в целом ряде убийств, многочисленных похищениях заложников, ограблениях банков и т. д.

В Италии по мере угасания движения леворадикального студенческого протеста 1967—1969 гг. набирало силу экстремистское течение участвовавших в нем активистов. Одной из первых появившихся в результате этого процесса групп стал возникший в Милане в сентябре 1969 г. «политический коллектив метрополий», взявший курс на вооруженную насильственную борьбу. В 1970 г. на миланских заводах Пирелли и Сит-Сименс были совершены первые насильственные акты членами только что возникшей организации «красные бригады». В программном заявлении этой организации, опубликованном в 1971 г., подчеркивалось, что политическую борьбу нельзя больше вести, «не прибегая к вооруженным ее формам». Первоначально эта организация, как и «группа партизанских действий», основанная придерживавшимся леворадикальных взглядов издателем Дж. Фельтринелли, вдохновлялась примером Сопротивления, а также опытом вооруженной национально-освободительной борьбы стран Азии, Африки и Латинской Америки. Ее основная цель, как она была сформулирована «бригадистами», состояла в «подготовке военного отпора возможному фашистскому государственному перевороту». До 1972 г. «красные бригады» совершали террористические акты, причинявшие лишь материальный ущерб (взрывы, поджоги автомашин и пр.).

Выдвигая лозунги борьбы за «новое революционное движение масс», «бригадисты» уделяли основное внимание политической агитации, их действия, носившие все более провокационный, «эксцитативный» характер, тем не менее не сопровождались кровопролитием. Затем наступила стадия «вооруженной пропаганды», которая должна была непосредственно предшествовать гражданской войне и подготавливать ее. «Взрыв в Сеграте 14 марта 1972 г., во время которого погиб издатель Фельтринелли, ознаменовал радикальное изменение в истории итальянского «левого» терроризма, — писал «Монд дипломатик». — За несколько дней до этого, 3 марта, «красные бригады» осуществили свое первое похищение, имев-

шее политические мотивы (в последующие годы они несколько раз организовывали похищения, всякий раз требуя значительного выкупа)»¹⁴.

С 1974 г. в Италии поднимается новая волна эскалации террористических действий, и политические убийства становятся распространенным явлением. «Красные бригады» поначалу придерживались изуверского метода «гамбизационе» — стрельбы по ногам своей жертвы в знак предупреждения и запугивания. Они нанесли ранения десяткам людей — журналистам, промышленникам, тюремным надзирателям. Затем наступил черед убийств.

Реакцией на подъем новой волны терроризма стал интерес к нему со стороны «классических» течений политического экстремизма — анархизма и троцкизма, чьи идеологи в прошлом нередко публично отмежевывались от одиночных террористических актов. С явной надеждой возглавить отряды «новых экстремистов» руководители западноевропейских анархистских и троцкистских движений начали открыто подыгрывать «террористическим увлечениям» определенных кругов молодежи. Так, международный Исполнительный комитет «IV (троцкистского) интернационала» занялся поиском теоретических обоснований для «ведения партизанской войны и развертывания городского терроризма». Французская секция «IV интернационала» осуществила в 1972 г. несколько вооруженных нападений в Париже — на аргентинское посольство и местное отделение американской компании «Ханиуэлл — Булл»¹⁵.

В целом можно констатировать, что в 70-х годах в эволюции основных течений мелкобуржуазного левацкого экстремизма произошел важный качественный перелом. Члены многочисленных, перерождавшихся и нарождавшихся вновь, экстремистских организаций, все дальше отходя от породившего их, пусть не всегда последовательного, однако бесспорно антикапиталистического протеста и вызванного им массового общественного движения, начали переходить на положение строго законспирированных террористических групп, образовавших настоящее подполье.

2. Смена вех

Появившись на арене политической жизни, большинство участников леворадикальных течений в свое время, безусловно, относили себя к левой части политических сил и в качестве основного противника рассматривали господствующий монополистический капитал и обслуживающий его государственный механизм буржуазного общества. «...Тогдашние участники непролетарского протеста считали себя марксистами или «неомарксистами», — пишет известный западногерманский социолог, член Правления ГКП Р. Штайгервальд. — Они хотели быть революционерами и полагали, что призваны действовать вместо рабочего класса, утратившего-де свою революционность»¹⁶.

В качестве основных объектов своих «акций» они избирали организации неофашистов, предпринимателей, лиц правых взглядов с фашистским прошлым и т. д. Выражая несогласие с политикой компартий, лидеры левозэкстремистских организаций признавали, однако, что коммунисты являются крупной демократической силой.

В последние годы в деятельности экстремистских организаций произошла резкая смена вех. Ныне многие представители непролетарского протеста не выступают, во всяком случае сознательно, против капитализма как системы. Они уже не хотят быть марксистами или «неомарксистами». Изменяя прежней антикапиталистической, пусть хотя бы на словах, направленности своих выступлений, они все чаще сводят их к откровенному антикоммунизму и антисоветизму, заимствуя при этом значительную часть буржуазных антикоммунистических тезисов и аргументов.

А. В. Луначарский в свое время писал о террористе Савинкове и ему подобных «артистах авантюры»: «Эти люди настолько шатки в своих принципах, что переход для них в самую черную контрреволюцию совершенно нечувствителен»¹⁷. Этот же феномен в свое время подметили К. Маркс и Ф. Энгельс, которые писали, что мелкобуржуазный революционер направляет «удары не против существующих правительств, а против тех революционеров, которые не приемлют

его догм...»¹⁸. Именно против коммунистов, против реального социализма, всех левых и демократических сил обращают «левые» экстремисты острие своих нападков, а в последнее время и террористических акций, откровенно смыкаясь с крайне правыми, фашистскими элементами. Перечень мишеней террористов также все более растет с постоянно усиливающимся креном в сторону тех, кто выступает не с реакционных, правых, а с левых позиций.

Именно правые, реакционные, профашистские силы объективно становятся союзниками террористов, ибо своими действиями они оправдывают ответный «левый» террор со стороны последних, в то время как передовые и демократические силы оказываются крайне опасными соперниками и, следовательно, врагами. Поэтому самым большим препятствием при реализации политических проектов террористов выступают демократические элементы. Это объясняет, почему в Италии в начале 80-х годов «левыми» террористами был убит ряд демократически настроенных судей, адвокатов и журналистов. Группкам экстремистских провокаторов удалось также натравить часть студенческих активистов на профсоюзные демонстрации в Милане и вызвать между ними кровавые столкновения.

Начав в свое время с «полемики» с ИКП, часть группировок скатилась сегодня на позиции откровенного антикоммунизма, требуя физической расправы с компартией — «врагом номер один». Террористы не ограничиваются призывами и угрозами. В январе 1979 г. в Генуе «бригадистами» был убит рабочий-коммунист Гуидо Росса, выступавший на суде свидетелем против террористов.

Во Франции экстремисты из групп так называемой автономии основную энергию направляют против профсоюзов, на организацию провокаций во время массовых выступлений французских трудящихся, как это было во время первомайской демонстрации в Париже в 1978 г. Объектами провокаций и вооруженных нападений со стороны экстремистов становятся уже не только политические фигуры, но и самые различные символы — сооружения и объекты, учреждения и коммерческие фирмы (такие, например, как часовая компания «Слава», осуществляющая

продажу советских часов во Франции. В один из магазинов этой фирмы в ноябре 1982 г. от имени «левой» террористической группы с опереточным названием «Бакунин — Гданьск — Париж» была подложена бомба), а также работающие в них служащие и специалисты. Например, в Испании, в феврале 1981 г. террористическая группировка ЭТА похитила главного инженера на строительстве атомной электростанции в баскском местечке Лемонис, а после того как выдвинутые ею требования были отклонены, он был убит.

Угрожающе растет в списке жертв «левого» терроризма и число рядовых граждан, а также представителей трудящихся и рабочего класса — тех самых, во имя «освобождения» которых якобы творят свои преступления «красные» террористы. Аморальность, абсурдность и политическая извращенность подобных выходов становятся подчас очевидными и для самих организаторов этих провокаций. Так, после взрыва, произведенного в здании концерна Шпрингера в Гамбурге 19 мая 1972 г., когда были ранены 17 рабочих, в РАФ возникли разногласия, связанные не только с моральными, но и со стратегическими соображениями. Впоследствии Х. Малер писал об этой акции как о поворотном пункте в развитии РАФ: «Тогда стало совершенно ясно, что эта практика не имеет ничего общего с тем, что мы все раньше представляли себе как революционную деятельность, ибо теперь эти вооруженные акции обращались против части народа, во имя которого, как считалось, ведется борьба»¹⁹. Даже «красные бригады» после «успешного» проведения «операции Моро» оказались расколотыми на две фракции: «милитаристов», выступавших за продолжение линии на физическое устранение тех, кого «бригадисты» объявляли своими противниками, и «пропагандистов», считавших, что террористические действия должны быть подчинены политической цели — подрыву государственной структуры²⁰.

Нынешняя ситуация означает очередной градус падения приверженцев политического экстремизма — утрату даже видимости идеологического обоснования и политического «прикрытия» их действий. Открыв эру «вооруженной революционной борьбы», основные экстремистские организации на Западе

опустились еще ниже по спирали политической деградации. Начав с символических «актов возмездия», обращенных против «символов» империалистического террора и капиталистического угнетения, они дошли до бессмысленных акций шантажа и запугивания населения, превратив индивидуальный террор из средства достижения политических целей в единственную цель своего существования. «Уже в конце 70-х годов наметилась тенденция к росту нигилистического крыла террористского движения,— пишут американские исследователи В. Миллер и Ч. Расин в статье «Эволюция революционной войны: от Мао к Маригелле и Майнхоф».— Это крыло больше не апеллирует к политике и идеологии. Для него терроризм является скорее стратегией, чем тактикой, становится буквально образом жизни»²¹.

Акции экстремистов уже нельзя представить или принять за действия, пусть даже заблуждающихся революционеров. По существу, да и по форме, их выходы все больше напоминают образ действий заурядных уголовных банд. «Да, наши действия преступны,— заявлял А. Баадер,— но разве преступление не есть одна из форм истинно революционного разрыва с обществом»²².

Порвав связи с демократической борьбой трудящихся, террористы по существу порывают и с самой политикой. Политическая и демократическая борьба масс объявляется ненужной. Фактически террористы добиваются того, чтобы «криминализировать», перевести на нелегальное или полунелегальное положение все прогрессивные массовые движения современного общества.

Не случайно из их программных установок и тех требований, которые они обращают к властям, совершая очередные террористические акции, все чаще исчезают политические требования. По мере того как все большая часть террористов оказывается за решеткой, главный смысл деятельности остающихся на свободе сводится к тому, чтобы добиться освобождения своих товарищей или улучшения условий их заключения. По оценкам проходившей в США конференции по проблемам терроризма, примерно одна треть всех террористических акций связана с попытками террористов освободить своих сообщников.

Единственной целью серии акций, предпринятых в 1977 г. террористами из западногерманской РАФ (угон пассажирского самолета компании «Люфтганза», похищение крупного предпринимателя Г.-М. Шлейера), было освобождение из тюрьмы лидеров этой организации. «То, что началось как антиимпериалистическая освободительная борьба, превратилось в борьбу за освобождение Баадера и ядра РАФ»²³, — пишет Х. Мюнклер. Еще один пример того, как политический терроризм замыкается на самого себя, создавая собственными действиями повод для новых террористических акций и выступлений: в январе 1974 г. японская «объединенная красная армия» (ОКА) атаковала нефтеперегонный завод компании «Шелл» в Сингапуре; нападавшие были захвачены полицией. Десять дней спустя, стремясь освободить арестованных в Сингапуре, ОКА напала на японское посольство в Кувейте. В сентябре 1974 г. она же предприняла атаку на посольство Франции в Гааге, требуя освобождения одного из своих сообщников, который был арестован во Франции²⁴.

Верные псевдореволюционному догматизму, террористы пытаются подвести теоретическое основание и под изменение своих политических целей. По их утверждениям, именно «пролетарии-заключенные» становятся ныне столь давно искомой ими главной «движущей силой» революционного процесса. В среде заключенных возникают и новые террористические организации. Так, в конце 1973 — начале 1974 г. в Италии появилась новая группа — «ядро вооруженного пролетариата», состоящая главным образом из заключенных и бывших заключенных. В 1980 г. в итальянской тюрьме Трани вспыхнуло восстание заключенных, требовавших улучшения условий своего содержания. Это восстание, в ходе которого 19 тюремных зрителей были захвачены в качестве заложников, было объявлено «красными бригадами» главным «революционным выступлением итальянского пролетариата»²⁵.

Новым «революционным субъектом» объявила преступников, находящихся в заключении, западногерманская РАФ. По мнению ее лидеров, всякая революционная политика неизбежно должна быть

«уголовной». По оценке У. Майнхоф, растущая преступность в западногерманском обществе сигнализирует о растущей революционной готовности населения. «Революция уже началась! — утверждала она. — Массы уже сознательно эмансипировались от господствующего при капитализме вопроса собственности: они воруют!»²⁶

Этот отчаянный поиск новых «революционных сил», вызванный катастрофическим сужением потенциального резерва террористов, привел теоретиков из «красных бригад» к новым «открытиям». В выпущенной в октябре 1980 г. очередной «стратегической резолюции» их руководители провозгласили курс на отказ от конспиративной подпольной деятельности и на «возвращение к работе с социальным окружением». Поскольку рабочий класс оказался невосприимчив к их призывам о развертывании «вооруженной революционной борьбы», лидеры «красных бригад» призывают обратиться к «нелегальному пролетариату», т. е. к уголовным преступникам. Целью этой политики должен стать расширенный набор новых членов в организацию из числа рядовых воров и бандитов. «Таким образом, — пишет французская «Монд», — естественная для любой подпольной структуры линия на установление «рабочих связей» с преступным миром в целях получения оружия, изготовления поддельных документов, подготовки диверсий и ограблений получила теоретическое обоснование»²⁷.

Подобные «теоретические» изыскания отражают политическое банкротство террористов. «Террористы пытаются вербовать «пролетариев» в тюрьмах Италии, — пишет итальянский журналист А. Боффи. — Власти нередко арестовывают в числе членов подрывных групп и уголовников. Похоже, что, не находя массовой базы, террористы стремятся искать сторонников среди подобных элементов, как это, впрочем, делали в прошлом и другие политические силы, в частности фашисты... Часто нити... (терроризма. — А. Г.) теряются в недрах преступных организаций, которые в Италии представляют собой «государство в государстве»»²⁸.

В последние годы с изменением состава организаций и характера действий террористов заметно изме-

нились и методы их деятельности. Ничто в ней даже отдаленно не напоминает акции индивидуального политического террора прошлого века, которые зачастую были актами отчаяния, а также личного мужества и самопожертвования. «С того времени, когда бомбы стали подкладывать в общественных местах и посылать по почте, борьба приобрела анонимный характер и в значительной степени лишилась героизма и жертвенности. Только два поколения отделяют Софью Перовскую и Эмму Голдман от Ульрики Майнхоф и Патриции Херст, тогда как моральная и интеллектуальная дистанция между ними измеряется световыми годами»²⁹, — признает В. Лакёр. Напомним, что русские народовольцы в отличие от руководителей террористических сект типа РАФ или «симбионистской армии освобождения» в поисках поддержки своих действий апеллировали к трудовому народу, а не к подпольному миру преступников и бандитов.

Все чаще в последнее время западные исследователи и печать отмечают тесную связь между политическими террористами и организованной преступностью. Объединение усилий террористов с преступным миром происходит вполне осознанно: уголовным бандам удобно сбивать с толку полицию, прикрываясь политическими мотивами, а политическим группам — пользоваться услугами профессиональных уголовников. Террористы прибегают к их помощи, для того чтобы пустить в оборот «грязные» деньги, поступающие к ним в виде выкупов; широко используют контрабандистов, помогающих им переправлять через границу оружие и документы. Террористы активно заимствуют и методы уголовного мира, лишь заменяя их названия. Так, ограбление банка становится «революционной экспроприацией», а рядовой «рэкет» (вымогательство. — А. Г.) превращается в «пролетарский налог» на коммерсантов. Не отстают от них и представители уголовного мира. В последнее время многие рядовые преступники, пытаясь набить себе цену, начали щеголять революционной терминологией, выдавая себя за «левых» террористов и «коммунистов». В ноябре 1983 г. в пригороде Рима были похищены мать и сын из состоятельной семьи ювелиров Булгари. Похитители, потребовавшие за их осво-

бождение выкуп в 4,2 млн. долл., назвали себя «коммунистами атаки»³⁰.

Нередки случаи, когда, заключая между собой соответствующие «контракты», преступники и террористы «по подряду» выполняют друг за друга различные покушения и диверсии. Так, руководитель итальянской службы по борьбе с политическим терроризмом Делла Кьеза был убит в Палермо в 1983 г. сицилийской мафией.

Использование террористическими организациями уголовных приемов, так же как и расходование награбленных средств главным образом на личные цели,— обычное явление. Так, действовавшая во Франции в начале века анархистская «банда Бонно», активно занимавшаяся ограблениями, выделяла на «революционное дело» лишь 10 % своей «выручки». Рост заинтересованности террористов в получении личной выгоды от совершаемых «революционных акций» происходит подчас незаметно для них самих. «Поначалу,— пишет журнал «Пуэн»,— террористы действуют не ради самих денег, а для финансирования своей деятельности, однако постепенно они приобретают к ним вкус»³¹.

Вот что рассказал на судебном процессе итальянский террорист Марко Барбоне: «Вы спрашиваете, как достают террористы оружие, необходимое им для тренировок и совершаемых операций? Очень просто. Либо путем его хищения, либо покупая у контрабандистов или обычных торговцев оружием»³². Единственная возникающая при этом проблема — это то, что оружие стоит очень дорого. Это значит, что для его приобретения требуется много денег, что в свою очередь влечет за собой ограбления и похищения людей. В июне 1980 г. нам были нужны деньги. Было ясно, что ограбление необходимо совершить до наступления осени. Мы разделились на две группы, которые занялись поиском объекта. Одни считали, что нужно напасть на банк, другие предлагали «взять» ювелирный магазин. Остановились на банке. Наша выручка составила шестнадцать миллионов лир. Из них,— признался Барбоне,— я оставил себе полтора миллиона»³³.

Члены террористических организаций, как правило, присваивают немалую часть денег, взятых при

налете, или позволяют себе развлечься на деньги, принадлежащие организации. Так поступил, например, Марко Донат Каттен — активист экстремистской организации «прима линеа», который, по словам его соучастника Сандало, отправился в июле 1979 г. в путешествие на яхте, стоившее 1,5 млн. лир. Так же ведут себя и французские террористы: из 160 тыс. франков, похищенных группой «аксион директ» в августе 1979 г. в банке департамента Нор, половину участники ограбления разделили между собой³⁴.

В последние годы «коммерческая» деятельность террористов приняла масштабы большого бизнеса. При этом среди террористических групп произошла своего рода «классовая дифференциация»: появилась «аристократия» с богатыми и всемогущими покровителями, с одной стороны, и «голытьба» — с другой. Состоятельные группы могут участвовать в дорогостоящих операциях, намного превышающих возможности «бедных» террористов; они могут использовать дорогое оборудование, нанимать помощников, приобретать информацию, не заботясь о затратах.

Члены таких групп получают значительно больше, чем они могут заработать, занимаясь любой законной деятельностью. Некоторые из них открывают счета в швейцарских банках, производят вклады в недвижимое имущество и заключают другие сделки, напоминающие операции большого бизнеса. Привычка к длительному пребыванию в роскошных отелях породила новый тип террориста. Член западноберлинской группы городских террористов рассказывает: «Когда денег слишком много, приобретаются ненужные вещи: сначала магнитофон, затем телевизор, потом дорогие костюмы и машины, и в конце концов ты выглядишь в точности как тип из «Плейбоя»...»³⁵

Новое поколение террористов нередко состоит из молодежи, не задумывающейся об идейных мотивах своего поведения и примкнувшей к террористической деятельности из любопытства, по случайному увлечению, как иногда присоединяются к идущему по улице шествию. «Посвящение в террористы, — пишет французский журналист М. Падовани, — отныне происходит не на основе идейных мотивов, а в соответствии с системой личных связей, подобно тому как это про-

исходит у мафии. Это означает, что к вооруженной борьбе присоединяются не из-за политических убеждений или желания ускорить революцию, а из-за того, что чей-то брат, друг или школьный товарищ участвует в ней или арестован полицией»³⁶.

Нередко новый рекрут присоединяется к организации из чувства солидарности или из желания кому-либо отомстить. Вследствие этого процесса происходит дальнейшее размывание социального состава террористических организаций. В них все чаще встречаются мелкие служащие, преподаватели, чиновники, а то и деклассированные элементы, которые мало напоминают фанатичных буржуа-католиков или разочаровавшихся «леваков», составлявших первые батальоны «красных бригад». «Идеализм Р. Курчо (одного из «исторических», пользуясь терминологией самих террористов, основателей «красных бригад». — А. Г.) остался далеко позади, а вместе с ним и сложные тексты политических деклараций. В итоге терроризм утрачивает свое политическое лицо и лишается той и без того ограниченной общественной поддержки, на которую он мог рассчитывать в определенных слоях общества»³⁷, — считает М. Падовани. С ним по существу соглашается и Г. Таннер — обозреватель «Интернэшнл геральд трибюн», по оценке которого «политический терроризм умер, по крайней мере в настоящее время»³⁸.

В этих условиях многие западные исследователи ведут споры о том, что представляют собой нынешние выступления политических экстремистов: или это «хвост» исчезающего терроризма 70-х годов, или просыпающийся «неотерроризм», который характеризуется новыми целями, новыми методами и новой идеологией. По мнению Ф. Понса, автора серии статей, посвященных крушению «красных бригад», речь идет о переходе организованного терроризма к «терроризму спонтанному, слепому и непредсказуемому в его действиях»³⁹.

Независимо от наименований, которые может получить новый этап эволюции «левого» экстремизма на Западе, очевидно, что акции нынешних террористов, лишенные даже отдаленной связи с политическими идеалами, вдохновлявшими их предшественников и сводящиеся к выполнению неизвестно кем

принятых решений и вынесенных «приговоров», все чаще напоминают действия наемных гангстеров, становятся удобным орудием политических провокаций. Кроме того, превращаясь в профессию, ремесло, а иногда и в доходный бизнес, политический терроризм, подобно организованной преступности, становится органическим элементом капиталистического общества и все нагляднее трансформируется из орудия «ниспровержения» буржуазного строя в средство его стабилизации.

3. «Левые» контрреволюционеры

Известно, что политический экстремизм в качестве распространенного «заболевания» бывает свойствен различным общественным, в том числе и революционным, движениям, особенно на их начальной, незрелой стадии. С эпидемией анархизма и родственных ему экстремистских течений, с «детской болезнью левизны» пришлось в свое время столкнуться и рабочему движению. Через увлечение политическим экстремизмом, большей частью левацкого толка, проходили и другие отряды революционных и демократических сил и различных союзников пролетариата, присоединявшихся к его борьбе либо открывавших собственные фронты социальных сражений. Это, в частности, относится к национально-освободительному движению в некоторых в недавнем прошлом колониальных и зависимых странах, в частности в Латинской Америке, к борьбе американских негров, расовых и национальных меньшинств в других капиталистических странах за свои национальные, гражданские и демократические права. Не миновали соблазна экстремизма и некоторые движения антиимпериалистической солидарности и антимонополистические выступления учащейся и рабочей молодежи в странах капитала.

В то же время нельзя не отметить, что опыт политических боев, накопленный за последние годы крупнейшими прогрессивными общественными движениями современности (рабочим, национально-освободительным, антивоенным, молодежным и др.), позволил значительной массе их участников сделать выводы из

одержанных побед и понесенных поражений. В результате этого многие представители новых поколений борцов за национальное освобождение и социальный прогресс, пройдя через увлечение политическим экстремизмом, начали избавляться от него, подниматься на новую ступень политической зрелости, с большим пониманием относиться к борьбе рабочего класса и позициям коммунистических и рабочих партий. Подобный процесс можно было наблюдать, в частности, в ходе освободительной антиимпериалистической борьбы народов многих стран Латинской Америки, Азии и Африки, а также в эволюции форм политической активности учащейся молодежи в капиталистических странах.

Этим не в последнюю очередь объясняется тот факт, что ныне в лагере политического экстремизма остались преимущественно не «заблуждающиеся товарищи», как их еще недавно сочувственно называли некоторые сердобольные наблюдатели, а порвавшие связи с подлинно массовыми движениями политические авантюристы и провокаторы, чьи действия не имеют ничего общего ни с защитой интересов трудящихся, ни с целями и идеалами их борьбы. Вот почему можно сказать, что в современных условиях левацкий политический экстремизм, не являясь более формой социального протеста, все явственнее выступает в качестве совокупного политического провокатора и прямого противника рабочего класса, всех трудящихся.

С точки зрения интересов рабочего класса, всех подлинно революционных и освободительных сил, именно псевдореволюционный, левацкий экстремизм представляет собой особую опасность. Связано это с тем, что конкретный, «физический» ущерб от акций «левых» экстремистов (убийств, ограблений, похищений и пр.) обычно дополняется, а чаще всего и многократно перекрывается его политическими последствиями, наносящими серьезные удары по авторитету и престижу подлинно левых сил.

Едва ли не главный смысл политической угрозы, исходящей от «левого» экстремизма, из-за которой он представляет возросшую ценность для буржуазии, состоит в том, что, извращая, доводя до абсурда концепции революционной и освободительной борьбы, он

создает почву для смешения понятий «правого» и «левого», революционного и реакционного, помогает буржуазии превращать социалистический идеал, а заодно и облик реального социализма в карикатуру, а точнее сказать, в пугало, используемое для устрашения широких слоев населения. Именно таких авантюристов усердно выдает за подлинных «революционеров» буржуазная антикоммунистическая пропаганда. «Мы должны считать террористов ортодоксальными коммунистами, а отнюдь не анархистами или даже фашистами», — писала шпрингеровская «Ди Вельт». Ей вторили официальные представители ХСС, заявлявшие после очередной преступной акции западногерманской РАФ, что «корни терроризма надо искать среди тех, кого обозначают словом «левые», — интеллектуалов и политиков левого направления»⁴⁰.

Левацкий экстремизм, сливающийся по формам, характеру и последствиям своих действий с ультраправым экстремизмом фашистского толка, заимствующий приемы и методы преступного мира, позволяет реакции смешивать на политической палитре «красный» и «черный» цвета, уравнивать «противоположные экстремизмы». При этом сторонников революционной идеологии представляют фанатичными носителями маниакальных идей радикального меньшинства, чуждых здравому смыслу и, главное, интересам большинства населения. «Мы живем в эпоху, когда смешались основные понятия, с помощью которых ранее происходила ориентация в мире: социалистический лагерь и свободный мир, угнетенные и эксплуататоры, левые и правые — все это утратило тот обычный смысл, который оно имело в системе оппозиций, унаследованных от 1789 г.»⁴¹, — притворно сокрушается А. Жейсмар, немало способствовавший компрометации выступлений левонастроенных французских студентов в 1968 г.

Буржуазные идеологи охотно ставят знак тождества между «левыми» и правыми террористами, спекулируя на реально существующих сходных «родовых» чертах и особенностях, характеризующих тех и других. «Если пренебречь лозунгами, — пишет В. Лакёр, — «левый» и правый терроризм имеют между собой гораздо больше общего, чем принято считать». И далее: «Идеология многих террористических

групп включает элементы ультралевой доктрины, равно как и элементы крайне правой идеологии». К этим элементам, одинаково присущим как «левым», так и правым террористам, он относит: «убежденность в том, что действия важнее слов; уверенность, что любое изменение означало бы перемену к лучшему; презрение к либерализму и буржуазной демократии; чувство исторической миссии немногих избранных»⁴².

Аналогичную шкалу параллельных и совпадающих ценностей «левых» и правых террористов выстраивает и Дж. Биккер в книге «Дети Гитлера». Он усматривает сходство между нацистами и «левыми» террористами 70-х годов по 13 пунктам: навязывание другим своей воли путем насилия и террора; враждебность парламенту, политическим партиям, профсоюзу; элитарные притязания на революционный вождизм; обвинение западных государств в «декаденте» и разложении; обвинение предшествующего поколения в том, что оно предало нынешнее; отрицание полномочий правительств на том основании, что они «не выражают подлинные интересы народа», и т. п.⁴³ Подобное формальное сопоставление «левого» и правого терроризма по чисто внешним признакам имеет основной целью отождествление противоположных политических полюсов — левых и правых сил, различия между которыми якобы устарели, и они как равные математические величины отличаются только знаком или в данном случае цветом.

В то же время нельзя не признать, что деятельность «левых» экстремистов не только из-за используемых методов и приемов, но часто и с точки зрения направленности, а главное, реальных политических целей и результатов их акций дает немало оснований для идентификации ее с выходками правых экстремистов. По существу практические цели, которые ставят перед собой как «левые», так и правые экстремисты, совпадают. Это дестабилизация общественной жизни, подрыв деятельности государственных институтов и политических партий, раскол фронта демократических сил. Причем если «левые» террористы рассчитывают подобным образом «свергнуть империалистическое государство многонациональных монополий», то правые не скрывают, что рассматривают эскалацию

социального насилия как прямой путь к установлению режима «сильной власти», т. е. по существу фашистской диктатуры. «Неонацисты ставят своей целью дезинтеграцию существующей системы и создание нового авторитарно-иерархического общества, управляемого элитой,— пишет итальянская «Уни-та».— Левые в свою очередь рассуждают на тему о разрушении общества во имя коллективных потребностей ими самими изобретенных молодежного пролетариата и неопролетариата»⁴⁴.

Принципиальные расхождения между теми и другими начали размываться тем быстрее, чем больше отдалялись «левые» экстремисты от революционного массового, демократического движения, скатывались на путь авантюр и преступлений. Если отвлечься от риторики и иступленной словесной перепалки, которую ведут между собой представители того и другого экстремизма, и сосредоточить внимание на конкретных политических последствиях их действий, легко обнаружить, что они часто переплетаются и взаимно дополняют друг друга. В известном смысле они необходимы друг другу, ибо каждый находит в действиях другого объяснение и оправдание собственным преступлениям.

Эта общность отражает не случайное совпадение внешних признаков различных явлений, а их принципиальное, органическое родство. Как «левый», так и правый терроризм вырастают на одной и той же почве, которой является глубокий общественный кризис; их социальную опору составляют по преимуществу «взбесившиеся» от ужасов этого кризиса слои мелкой буржуазии, интеллигенции, расовых и национальных меньшинств; их мировоззрение искажено сходными ложными представлениями, комплексами и предрассудками. «Несмотря на все различие применяемых методов и тех категорий населения, на которые они ориентируют свои действия,— справедливо отмечает бельгийская газета «Суар»,— как крайне левые, так и крайне правые террористы рекрутируют своих сторонников в одних и тех же слоях — среди «отверженных», маргинальных и забытых обществом слоев»⁴⁵.

Близки и методы, используемые как «черными», так и «красными» террористами: политические поку-

шения, грабежи, похищения, шантаж и запугивание — весь арсенал приемов, стирающих грань между провокацией и уголовной преступностью. Организуя разного рода провокации (взрывы зданий, железнодорожных поездов, поджоги, убийства, вооруженные нападения и т. п.), и те и другие стремятся создать атмосферу напряженности и страха. Различие между ними напоминает согласованное разделение труда.

«Правые экстремисты тоскуют по «твердому порядку». Левые экстремисты борются за «пролетарскую власть». И хотя их идеалы непримиримы, они избрали один и тот же революционный путь — насилие, чтобы утвердить их»⁴⁶, — пишет французский социолог Ж. Дюкен. Авантюристические действия левацких элементов помогают идеологам буржуазии, оставляя в тени принципиальную противоположность идеологии правых и левых сил, отождествлять подлинно революционную борьбу с экстремистским насилием.

Буржуазия издавна пугает обывателя жупелом «марксистского экстремизма». Она отдает себе отчет в том, что деятельность левацких террористических организаций психологически и политически способна принести ей бóльшие дивиденды, чем действия правых, во многом скомпрометировавших себя своими профашистскими симпатиями. Двурушнически соединяя несоединимое — марксизм и терроризм, буржуазные идеологи пытаются представить коммунистическое, а заодно и любое другое революционное движение в виде заговорщической, террористической и исключительно насильственной деятельности, скомпрометировать само понятие революции.

Однако если о чем и свидетельствуют сходные черты и общие приметы «левого» и правого экстремизма, так о псевдореволюционности левацкого экстремизма, его предательской по отношению к истинно левым силам роли. В свое время Г. В. Плеханов писал: «Анархическое действие, как бы насильственно оно ни было, является не чем иным, как *антиреволюционным* средством»⁴⁷. Это еще раз подтверждается той контрреволюционной функцией, которую выполняют в острой политической и классовой борьбе, развертывающейся в капиталистических странах

и на мировой арене, современные экстремисты независимо от их политической окраски. Как «левые», так и правые террористы все усерднее, часто заменяя и дополняя друг друга, исполняют роль политических провокаторов, стоящих на службе сил реакции и империализма.

Особенно наглядно это видно на примере Италии, где часто почти невозможно отличить правых террористов от левых. Убийство А. Моро было выгодно внутренней правой реакции, в международном плане — США, убили же его «левые» элементы из «красных бригад». Когда в той же Италии был убит прокурор Рима Оккорсио, его убийство готовы были принять на себя левацкие террористы, но на месте его убийства в автомашине была найдена листовка неонацистской организации «новый порядок». Газета «Унита» писала о том, что неонацистские газеты перепечатывают пропагандистские материалы ультралевых, считая их полностью для себя приемлемыми.

Идейно-политическое родство этих врагов демократии, врагов подлинно революционных сил дополняется переплетением их повседневных действий, которые все чаще разворачиваются параллельно, а иногда и в прямой связи друг с другом. О контактах лидеров ультралевых с неонацистами не раз сообщалось в печати. Так, в частности, итальянские неонацисты хвастались тем, что им удалось внедрить своих людей в террористические «красные» организации, принимавшие участие в студенческих выступлениях 1977 г. Итальянский социолог Д. Статера, характеризуя левоэкстремистские течения в студенческом движении Италии, отмечал их «разительное сходство с эмоциональными предпосылками раннего фашизма, понимаемого как антикоммунистическое и антибольшевистское движение, близкое к доктрине анархосиндикализма, с характерным для него экзальтированным культом действия — не как средства, а как самоцели»⁴⁸.

В последнее время в выступлениях некоторых ультралевых и неонацистских главарей стала проскальзывать мысль о том, что между их организациями больше общего, чем различного. Кое-кто откровенно ставит вопрос об объединении их усилий. Как

утверждает пресса, в Италии уже существуют смешанные группы «красных» и «черных» террористов. «Между левыми и правыми экстремистами в Европе,— писала «Нью-Йорк таймс»,— возникло что-то вроде сговора. Они содействуют интересам друг друга... независимо от того, является ли их сотрудничество продуманным или случайным. В целом ряде случаев оно кажется продуманным»⁴⁹.

К качественно новым особенностям современного терроризма относят и растущее сотрудничество, а также финансовую и техническую взаимоподдержку террористических организаций различной политической направленности. В этой связи ряд западных исследователей считает возможным говорить о появлении «евротерроризма». Судебные чиновники, расследовавшие «дело Моро» в Италии, высказывали уверенность в том, что террористы из западногерманской «фракции красной армии» принимали непосредственное участие в этом преступлении, которое к тому же было самым добросовестным образом скопировано с похищения Шлейера. Подчас наибольшую известность террористы приобретают, действуя за пределами собственных стран, выполняя «по подряду» поручения своих иностранных «коллег». Так, «нихон сэкигун» («японская красная армия») активно действует на территории других государств. География деятельности ее членов весьма обширна: от Индии, Бангладеш, Малайзии и Сингапура до Швеции, Франции, Западной Германии, Израиля и Кувейта. Это дает основание, как считают многие «террологи», причислять «японскую красную армию» наряду с итальянскими «красными бригадами» и западногерманской РАФ к разряду так называемых транснациональных террористических организаций.

Анализируя эволюцию политического экстремизма за последние годы, член руководства ИКП, сенатор У. Пеккиоли заявил, выступая в 1981 г. на пленуме ЦК и ЦКК ИКП: «Было бы нелепо не понять разницу социального и исторического происхождения, не отметить решающий вес идеологической подоплеки, которая лежит в основе политического терроризма — как черного, так и красного. Но есть нечто такое, что сближает различные явления организованной преступности — тот факт, что они объективно становятся

вооруженной организацией самых реакционных сил итальянского общества...»⁵⁰ Эту оценку терроризма разделяют коммунисты и других стран Западной Европы.

Таким образом, можно констатировать, что к началу 80-х годов левозэкстремистские группировки террористического толка по существу достигли низшей точки своего политического падения. Разорвав связи с массовыми демократическими движениями, с антимонополистической и антиимпериалистической борьбой трудящихся, они выродились в открытых противников рабочего класса, в резерв сил крайней реакции и антикоммунизма.

Именно против коммунистов, против реального социализма, левых и демократических сил обращают «левые» экстремисты острие своих нападок, а в последнее время и террористических акций, откровенно смыкаясь с крайне правыми, неофашистскими элементами. Тем самым они становятся частью той структуры капиталистического угнетения, которую так неистово ниспровергают на словах. Это означает новую стадию идейно-политического кризиса и деградации левозэкстремистской идеологии и практики — превращение «левых» экстремистов в послушное оружие империализма и международной реакции.

VI. В ЛАГЕРЕ РЕАКЦИИ

1. Провокация как профессия

Реакция всегда стремилась извлечь максимальную политическую пользу из выходов и преступлений экстремистов. В наши дни провокационная деятельность экстремистов и террористов активно используется империалистическими кругами для того, чтобы отвлечь внимание населения от острых внутривнутриполитических проблем буржуазных государств, чтобы дискредитировать в глазах широких масс трудящихся капиталистических стран идеалы социализма, его реальное воплощение в социалистических странах. Экстремисты и террористы всех цветов играют роль послушных подручных монополистического капитала, помогающих ему укреплять свое господство, дополняющих арсенал используемых им приемов угнетения и принуждения трудящихся методами террористического насилия, шантажа и запугивания.

Правящие круги буржуазных государств не только благосклонно относятся к тому, что отдельные группы молодежи вступают на путь экстремизма, но и сами активно внедряют в экстремистские движения свою агентуру, задача которой активизировать их безрассудную деятельность. Авантюристические, спонтанные действия молодежи они пытаются использовать сперва в качестве пугала для обывателя, а затем как повод для репрессий.

Существование и деятельность экстремистских и террористических организаций различной политической окраски оказываются не только вполне допустимыми, но даже желательными с точки зрения заправил империалистической политики, в арсенале которой все более заметное место отводится различного рода диверсиям и провокациям. Более того, империалистическая реакция все чаще и все откровеннее берет на себя опеку над различными экстремистскими группировками, превращая их в послушное орудие

своей агрессивной и антинародной политики. Не удивительно, что значительная часть этих организаций и группировок буквально перенасыщена полицейскими агентами, осведомителями и просто платными провокаторами.

Это широко известное и подтвержденное печальным опытом многих экстремистских и террористических движений явление объясняется рядом факторов. Во-первых, самой природой политического терроризма, главный смысл которого сводится к провоцированию действиями незначительных групп или актами индивидуального террора крупномасштабных политических событий, процессов или перемен. В качестве «детонаторов» социальных потрясений экстремисты используют самые различные акции, которые могут не иметь ничего общего с теми политическими целями, ради которых они совершаются. Это открывает широчайшие возможности для политического манипулирования экстремистами извне, для превращения их в заурядных, часто этого и не сознающих агентов и провокаторов.

Во-вторых, сектантский образ существования экстремистских и террористических организаций, замкнутость их внутреннего политического мира и заговорщический характер деятельности облегчают проникновение в эти организации внешней агентуры. Чем конспиративнее та или иная группировка, чем более она изолирована от внешней политической жизни, чем меньше имеет связей с широкими общественными движениями, тем, как это ни парадоксально, она уязвимее для проникновения в нее специально внедряемых агентов и провокаторов, тем больше шансов, что она станет орудием чьей-то политической воли. Вот почему с самого своего зарождения политический экстремизм не мог избавиться от постоянно сопровождавшей его тени полицейского осведомителя, шпика или двойного агента-провокатора. «Главной характерной чертой в жизни заговорщиков,— писали К. Маркс и Ф. Энгельс,— является их борьба с полицией, по отношению к которой они находятся в таком же положении, как воры и проститутки. Полиция терпит заговорщические общества и вовсе не только как неизбежное зло. Она терпит их как легко поддающиеся надзору центры, в которых сосредото-

ченые самые отчаянные революционные элементы общества, как мастерские по производству мятежей, ставших... столь же необходимым средством управления, как и сама полиция, и, наконец, как место вербовки своих собственных политических шпииков»¹.

Методы полицейского надзора над политическими экстремистами и искусного манипулирования ими совершенствовались в течение десятилетий и даже веков. «Провокационные приемы, — писали Ж. Лонге и Г. Зильбер в книге «Террористы и охранка» (эта книга, написанная внуком К. Маркса Жаном Лонге в соавторстве с Г. Зильбером, была опубликована в Париже в 1909 г. с предисловием Ж. Жореса), — применялись еще полицией Реставрации к массовым движениям, к уличным демонстрациям, ко всякого рода оппозиционным выступлениям, которые перодемые шпионы старались превратить своим подстрекательством в резко бунтарские беспорядки, чтобы оправдать и узаконить беспощадную расправу над толпой»².

Анархистские организации в Европе прошлого века были буквально наводнены полицейскими провокаторами и осведомителями. Известно, например, что префект парижской полиции П. Андриё имел своих агентов среди французских анархистов и даже субсидировал анархистские газеты. В 1880 г. французская анархистская газета «Ла революсьон социаль» начала печатать инструкции по изготовлению бомб. Впоследствии выяснилось, что эта газета издавалась полицейским шпионом Серро на деньги, предоставлявшиеся префектом парижской полиции. Впоследствии он писал, что, хотя и боролся с анархистами, все-таки предпочитал, чтобы они распространяли свои доктрины через финансируемую им прессу. Анархистские движения Германии и Австрии кишели полицейскими шпионами, среди которых были самые близкие сподвижники Иоганна Моста — представителя левосектантского анархического течения в Германии в XIX в.

Анархисты прошлого века помогали полиции создавать такой общественный климат, при котором левая оппозиция могла бы быть заклеямена как «террористическая». Западноевропейская полиция активно распространяла в ту эпоху с помощью прессы

сенсационные сообщения о наличии «великого международного заговора анархистов», существовавшего лишь в воображении шефов полиции.

Однако, пожалуй, ни в одном европейском государстве ядовитый цветок полицейской провокации не распустился с такой пышностью, как в царской России. Своеобразным зловещим символом агента-провокатора стал состоявший на службе царской охраны Е. Азеф — глава террористической организации боевиков-эсеров. Выступая в Государственной думе в 1909 г., депутат-трудовик Булат говорил: «Система провокации является венцом, завершающим пирамиду деятельности русского правительства. В борьбе с народом поставили квартального. Но показалось мало: над квартальным поставили жандармов. Над жандармами — охранное отделение. Но и этого оказалось мало, и во главе всего поставили агента-провокатора»³.

Рассказывая об атмосфере, в которой действовали под руководством Азефа террористы, один из членов этой эсеровской организации писал: «Казалось, что мы все сидим на гигантской полицейской ладони под внимательным взором нашего врага — и все-таки ладонь почему-то не сжимается, враг почему-то предоставляет нам заниматься самыми рискованными для него делами»⁴.

Вот как описывают авторы книги «Террористы и охранка» действия провокаторов, наводнявших различные анархистские и эсеровские организации начала нашего века в России: «Роль провокатора двойная. С одной стороны, он является обыкновенным шпиком, на котором лежит обязанность присутствовать на всех собраниях революционеров, проникать на конспиративные квартиры, за всем следить, ко всему прислушиваться, обо всем докладывать; он должен, вкравшись в доверие товарищей, осторожно выпытывать обо всех готовящихся предприятиях и затем давать своим начальникам подробные отчеты о собранных им сведениях. Но это только часть, и, если можно выразиться, наиболее почетная часть его темной работы. Власти требуют от него не только всестороннего внешнего осведомления о деятельности революционеров. Они советуют ему вступать в партийные организации, где он для того, чтобы зарекомендовать себя, всегда

является сторонником самых крайних мнений, самых опасных планов, самых рискованных действий. Он не ограничивается одним «освещением». Он искусно добивается преждевременной развязки (провокации) событий в условиях, благоприятных или предусмотренных правительством, которому эти внезапные выступления или покушения нужны для того, чтобы навести ужас на население и тем оправдать худшие репрессивные меры торжествующей реакции»⁵.

В наши дни правящие круги империалистических держав активно используют в качестве подобных агентов-провокаторов целые группировки современных политических экстремистов. Делается это с помощью старых «проверенных» способов засылки в экстремистские организации полицейских агентов. Примеры того, как деятельность экстремистских сект широко используется буржуазией и крупным капиталом в борьбе против рабочего класса и левых сил, весьма многочисленны.

«Во время арестов по обвинению в терроризме, — писал американский исследователь-марксист Дж. Грин, — обнаруживалось, что к делу обычно причастен по меньшей мере один полицейский провокатор, которому принадлежат самые дикие идеи и фантастические планы»⁶. В период майских событий 1968 г. в Париже французские власти активно внедряли полицейскую агентуру в ряды активистов лево-экстремистских студенческих организаций. Группа этих провокаторов, среди которых, по свидетельству Л. Гонсалеса-Маты, были и агенты ЦРУ, образовала отряд «катангцев» (некоторые из них выдавали себя за членов французского иностранного легиона, прибывших из заирской провинции Катанга), которые своими авантурными выходками пытались скомпрометировать массовые выступления французского студенчества и рабочего класса⁷. Более десяти лет спустя, в июне 1979 г., шумная хулиганская провокация так называемых автономистов против многотысячной профсоюзной демонстрации парижского пролетариата, по свидетельству газеты «Юманите», была полностью спланирована и организована государственными службами безопасности⁸.

Примечательно, что в последние годы организация различных провокаций как правыми, так и «левыми»

экстремистами стала привычным штрихом политической жизни капиталистических стран. Подобные провокации, призванные скомпрометировать левые силы, направленные на то, чтобы склонить общественное мнение в сторону партий «порядка», с поразительной пунктуальностью обычно сопровождают очередные парламентские выборы либо организуются всякий раз, когда реакция бывает напугана новыми успехами рабочего движения и коммунистических партий.

Синхронизация провокаций крайне «левых» с политическими, пропагандистскими и предвыборными кампаниями правых партий позволяет, как писала буржуазная итальянская газета «Каррьера делла сера», предполагать наличие «снисходительного покровительства», которым они пользуются⁹. Да и сами правые все меньше скрывают одобрение действий «ультрареволюционеров», активно льющих воду на их мельницу.

Лидерам уже упоминавшейся террористической «группы Баадера — Майнхоф», действовавшей в ФРГ с 1970 г., было предъявлено обвинение в 54 убийствах, многочисленных ограблениях банков, взломах и т. п., приведших, по общей оценке западноевропейской печати, к значительному увеличению числа голосов, поданных на выборах за представителей правых сил. Как писал журнал «Ньюсуик», каждый диверсионный акт подталкивал западногерманское общество все дальше вправо¹⁰.

Аналогичный политический эффект дают в наши дни выступления «левых» экстремистов в других странах Западной Европы, да и на других континентах. Именно экстремистов бросает реакция против левых и революционных сил, когда те добиваются крупных политических успехов в своих странах. Генеральный секретарь Португальской коммунистической партии А. Куньял отмечал, что «реакционеры извлекают пользу из авантюризма и провокаций псевдоревolutionеров»¹¹. Вскоре после свержения в Португалии фашизма газета Португальской компартии «Аванте!» писала, что в период борьбы за упрочение позиций демократических сил псевдоревolutionонные организации действовали в интересах не трудящихся, а реакции. «Действуя на руку реакционным хозяевам, поощряя обстановку анархии на улице, начав откры-

тую борьбу против временного правительства, организуя провокации с явной целью разрушить союз народных масс с вооруженными силами, отдельные левацкие группировки продемонстрировали свою неприглядную роль прислужников реакции»¹². «Левые» экстремисты, отмечал член Политкомиссии ЦК компартии Чили В. Тейтельбойм, нанесли огромный вред революции в Чили, «они во многом определили исход борьбы в пользу контрреволюции»¹³.

Роль прислужников реакции играли экстремистские группы и в других странах, такие, как группа «Красный флаг-74», устраивавшая взрывы в Бирмингеме с целью «подтолкнуть Англию влево», различного рода «вооруженные пролетарские ячейки» и «красные бригады» в Италии, похищавшие промышленников и политических деятелей. Их действия использовали правые силы для раздувания шумихи о необходимости борьбы с «красной опасностью».

Выходки экстремистов, давая основание реакции говорить о наличии обстановки «неконтролируемого насилия», позволяют ей в целях якобы наведения порядка применять широкое и действительно неконтролируемое насилие против демократических сил в целом, в первую очередь против коммунистов. Испробованное в ходе борьбы против левых сил оружие — экстремистские провокации — правящие классы обращают в последнее время и против других демократических массовых движений, в частности антивоенного. Не случайно в условиях, когда это движение, объединив в своих рядах миллионы людей, протестующих против агрессивной политики США и их союзников по НАТО, начало всерьез беспокоить правящие круги в странах Запада, участились попытки навязать антивоенным выступлениям авантюристские формы борьбы, направить его на путь сектантства. Имеется немало оснований предполагать, что такие выходки, как серия взрывов бомб у различных военных объектов НАТО в 1984—1985 гг. в Западной Европе, похищение в Италии натовского генерала Дж. Доузера (чудесным образом «спасенного» затем полицией), направляются опытной рукой профессиональных манипуляторов из натовских служб безопасности и американского ЦРУ.

Не отказываются правящие круги капиталистиче-

ского общества и от попыток получить не только политическую, но и весомую финансовую прибыль от акций политических экстремистов. На различного рода «страховках» от нападений террористов, на «консультациях» о том, как избежать нападений, на обеспечении капиталистических магнатов услугами телохранителей-«горилл» делают немалый бизнес многочисленные компании и фирмы, вошедшие по существу «в долю» с политическими экстремистами, а заодно и с их коллегами из уголовного мира. «В среднем за 68 000 долларов компания «Экзекьютив Арморинг корпорейшн» из Сан-Антонио производит специальное оснащение автомашин. Каждый автомобиль снабжается гранатометами со слезоточивым газом, устройством по рассеиванию масляной жидкости или дымовой завесы и дистанционным прибором по обнаружению и обезвреживанию взрывчатки. Корпус автомашин укрепляется дополнительными стальными листами, вставляются пуленепробиваемые стекла, чтобы им были не страшны пули или даже бомба. Бронированные автомобили являются одной из статей процветающего бизнеса противодействия терроризму»¹⁴, — писал журнал «Ньюсуик». «Шесть или семь лет назад терроризм был внове, — говорит Майн Акерман, бывший офицер ЦРУ, а сейчас совладелец фирмы «Акерман и Пэламбо» в Майами. — Теперь борьба с ним — это обычная область деятельности многонациональных корпораций».

Так политический экстремизм, провозглашающий своей целью полное и немедленное «уничтожение» капиталистического строя, становится на деле одним из существенных элементов социальной крепости этого общества.

2. Рекламный терроризм

Еще в прошлые века политические экстремисты тщетно пытались решить проблему своеобразной квадратуры круга: искали способы обеспечить максимально широкую популяризацию и распространение своих взглядов в условиях крайне ограниченной общественной поддержки их позиций. Будучи верными адептами экстремизма, они и в этой области делали ставку не на кропотливую политическую работу в массах,

а на акции и шаги, которые позволили бы им силой навязать их концепции общественному мнению. Достичь этого, с точки зрения экстремистов, можно в первую очередь с помощью «вооруженной пропаганды» — таких террористических акций и политических провокаций, которые должны приковать к себе внимание общественных и политических кругов и оповестить весь мир о требованиях, платформе, а заодно и о существовании групп экстремистов.

Авторы книги «Насилие как средство общения» швейцарский историк А. П. Шмид и голландский социолог Дж. де Грааф приводят откровенные высказывания одного из террористов, члена японской «сбъединенной красной армии», который заявил: «У нас нет другого пути. Насильственные действия, которые мы постоянно используем в борьбе с противником, вызывают ужас. Мы хотим ужасать людей повсюду... Это единственный для нас способ общаться с людьми»¹⁵.

Вот как разъяснял еще в XIX в. «логику» подобного способа «общения с окружающим миром» один из руководителей экстремистского крыла Французской рабочей партии, Поль Брусс: «Удачное покушение на короля или министра, известие о котором будет распространено как национальной печатью, так и международными агентствами новостей, с помощью телеграфа достигнет самых отдаленных уголков планеты, обеспечит бесплатное и надежное средство общения между террористами и массами»¹⁶.

Террористам, совершающим насилие, нацеленное обычно не на прямой результат от предпринимаемых действий, а на эффект от них, необходимы наибольшее число свидетелей, максимальный отзвук, широкий политический резонанс. Они всегда предполагают и учитывают реакцию в обществе, которая для них важнее, чем уничтожение намеченной жертвы, пишет в книге «Терроризм как мода» американский публицист М. Зельцер¹⁷.

В прошлом, для того чтобы обеспечить подобный резонанс в буквальном смысле этого слова, террористы намеренно выбирали наиболее «эффективные» формы своих действий и «шумные» виды оружия. Поэтому на какое-то время излюбленным инструментом их провокаций стал динамит, к основным достоинствам

которого относили главным образом его оглушающее и устрашающее воздействие на окружающих. Динамит в отличие от «тихих» оружий покушения — яда и кинжала — был объявлен идеальным средством «борьбы за свободу»; целые поколения террористов поклонялись ему как чудодейственному и всесильному снадобью от всех социальных заболеваний. Грохот взрыва на время превращал террориста из отчаянного и слабого одиночки в громовержца, в «творца истории». В 70-х годах прошлого века в США даже издавалась газета под названием «Ежемесячник динамита и освобождения»¹⁸.

С развитием средств массовой информации в XX в. начали изменяться и методы, с помощью которых экстремисты пытались привлечь к себе внимание общественности в своих странах и за рубежом. Не имея надежды склонить на свою сторону народные массы, «террористы стремятся завоевать внимание средств массовой информации»¹⁹, — пишут А. П. Шмид и де Граф. На смену динамиту пришли современные средства массовой информации, и прежде всего телевидение, способное в считанные мгновения разнести по всему миру эхо одиночного выстрела или фото похищенного заложника. Как считают некоторые исследователи, именно с развитием средств информации связаны изменение объектов нападений политических террористов (на первое место все чаще начали выдвигаться радиостанции и телевизионные студии) и перенос сферы их действий из сельской местности в город.

«Успех террористической операции почти полностью зависит от степени огласки, которую она получает, — пишет В. Лакёр. — В этом заключалась одна из причин переключения в 60-х годах терроризма с партизанских действий в сельской местности на террористические акции в городе: в городах террористы всегда могли рассчитывать на присутствие журналистов и телекамер и соответственно на широкую аудиторию. Вот как объяснял это один латиноамериканский террорист: «Если мы подложим даже маленькую бомбу в какое-нибудь городское здание, мы можем быть уверены в том, что попадем на первые полосы газет. Если же «сельские» партизаны ликвидируют три десятка солдат, этому будет посвящена

маленькая заметка на последней странице. Город значительно важнее и для политической борьбы, и для пропаганды»²⁰.

Действия современных террористов, таким образом, получают свое законченное выражение и обретают подлинные масштабы лишь в сочетании с их освещением средствами массовой информации, которые все чаще играют роль активного резонатора, многократно усиливающего отзвук и соответственно политический эффект от выходов экстремистов. Широкое освещение террористических актов западной печатью в ряде случаев по существу активизирует преступные действия террористов, ибо многие их акции вообще не были бы совершены, если бы их участники не надеялись на большую гласность. «Если бы можно было ликвидировать шумиху вокруг террористов, — считают американские социологи Р. Купперман и Д. Трент, — то тем самым можно было бы снизить на 75 % число террористических актов»²¹.

Активное вовлечение западной печати и телевидения в широкое распространение информации об акциях террористов и по существу в пропаганду их взглядов и требований приводит к появлению своеобразного рекламного терроризма. Все современные террористические группы нуждаются в рекламе; чем они меньше, тем больше они зависят от нее, и это в значительной степени влияет на выбор их целей, а также методов действий, приводит к возникновению своеобразной «режиссуры» терроризма.

«Насилие всегда тяготеет к зрелищности, идет ли речь о террористическом или активистском насилии. Оно нуждается в публичности и рекламе. Чем более оно бесплодно, конспиративно и чуждо массовым движениям, тем более оно испытывает потребность заставить говорить о себе»²², — пишут авторы коллективного исследования «Насилие и политика», опубликованного в Италии в 1979 г.

«Терроризм стал формой массового развлечения. Сам террорист, как и любой актер, — пишет М. Зельцер, — удовлетворяет запросы аудитории. Терроризм исчезнет, если никто не станет обращать на него внимания, точно так же, как бродвейский спектакль сойдет со сцены, если на него не будут покупать билеты»²³.

Существует множество примеров фактического сотрудничества между средствами информации и террористами. В ФРГ, например, репортеры «Шпигеля» сопровождали членов «группы Баадера — Майнхоф» во время закончившегося поджогом налета на дом в Гамбурге. Американские телевизионщики снимали акцию одной из групп ирландских экстремистов с момента погрузки взрывчатки в автомобиль до момента взрыва. Газеты и журналы охотно печатают заявления и ультиматумы террористических лидеров. Пресса стремится придать любой террористической акции масштабы крупного общественного события. Ведя прямые репортажи с места событий, она тем самым информирует террористов о действиях органов безопасности.

Неприглядную роль не только в пропаганде, но и во все более широком распространении политического насилия на Западе играют те многочисленные издания, которые служат по существу учебными пособиями для начинающих террористов. Вот перечень некоторых названий книг, которые широко рекламируются в западных странах и доступны всем желающим: «Руководство по ведению химической и газовой войны», «Военные взрывчатые вещества», «Гранаты и пиротехника», «Снайперы и наемные убийцы», «Как надо убивать», «Секретная история оружия американского шпиона» (включает полные данные о видах оружия, оригинальные фото и спецификации) и т. д.²⁴

В капиталистических государствах ценность информации определяется не нуждами общества, а коммерческими интересами владельцев средств массовой информации. «Извращенная функция средств массовой информации, подчиняющая их поискам прибыли, — пишет «Монд», — приводит к чудовищному раздуванию масштабов террористических акций и тем самым подстегивает насилие»²⁵. Кривое зеркало буржуазной информации до неузнаваемости искажает подлинные масштабы политического экстремизма, взвинчивает вокруг него эмоции и страсти, представляя карликовые группировки политических авантюристов в устрашающем облике всемогущих колоссов.

Западная пресса с ее постоянной погоней за сенсационными событиями всегда преувеличивала мас-

штаб и размеры террористических организаций. Группы, насчитывающие десяток террористов, представляются как «могущественные подпольные структуры». Официальные «коммюнике», издаваемые горсткой политических авантюристов, обсуждаются в бесчисленных телевизионных репортажах, радиопередачах и статьях. В ряде случаев рекламная шумиха поднимается даже вокруг несуществующих групп.

Косвенный сговор террористов с буржуазной печатью основывается на их взаимной заинтересованности друг в друге. Нередко пресса фактически становится орудием экстремистов. «Средства массовой информации, подобные марионеткам, управляемым за сценой, послушно исполняют роль, предписанную им террористами»²⁶, — пишут А. П. Шмид и Дж. де Граф. Бывали случаи, когда террористы диктовали средствам массовой информации содержание сообщений, время телевизионных передач, указывали каналы, по которым они должны были передаваться, и страны, в которых их надлежало показать. Падкая на сенсации, западная печать услужливо подхватывает любые «крохи со стола» политических экстремистов и даже в угоду им пропагандистски обрабатывает часто маловразумительные тексты их манифестов и деклараций.

Весьма недостойную роль сыграла итальянская буржуазная печать в известной трагической эпопее похищения и убийства «красными бригадами» лидера христианско-демократической партии Италии Альдо Моро. Крупнейшие итальянские газеты буквально состязались за «честь» первыми опубликовать очередное коммюнике «красных бригад» или подбрасывавшиеся ими в прессу «письма Моро», написанные им явно под диктовку террористов в «народной тюрьме». Напыщенные схоластические «стратегические резолюции» «красных бригад» переводились на общедоступный язык журналистами, работниками радио и телевидения. Иначе они не только не получили бы широкого распространения, но просто были бы недоступны для понимания обычного читателя.

Итальянский еженедельник «Экспресс» на двадцати пяти страницах опубликовал ответы одного из анонимных руководителей «красных бригад» на вопросы сотрудника редакции. «Природа современных

средств массовой информации, их способность мгновенно превращать опыт одного в опыт миллионов сделали из убийства Моро 15 млн. убийств по числу телевизионных экранов и 56 млн. убийств по числу потенциальных телезрителей Италии. Эта способность средств массовой информации размножать и драматизировать террористический акт является самым существенным, что сообщает современному терроризму большую часть его силы, да и во многом является самой причиной его существования»²⁷, — пишут авторы книги «Насилие как средство общенция».

Однако по сравнению со своими предшественниками политические экстремисты и в этом, казалось бы, чисто современном аспекте своей деятельности — использовании средств массовой информации — не изобретают «пороха», повторяя во многом старые приемы, применявшиеся, например, нацистами. Так, в 20—30-х годах ни одна политическая партия в Германии не прибегала так широко, как нацисты, к использованию средств массовой пропаганды для рекламирования политического насилия. Любое спровоцированное ими столкновение освещалось на первых страницах газет. Таковой была, в частности, «стратегия» Геббельса, ставившего целью «завоевание Берлина».

Спор о том, кто кого больше использует в своих целях — террористы прессу или наоборот, на наш взгляд, является схоластическим, особенно если учесть, что как те, так и другие играют роль послушных инструментов, повинующихся палочке одного дирижера — правящей буржуазии.

3. Полицейская «демократия»

Действия кучки политических провокаторов, часто манипулируемых полицейскими службами буржуазного государства, служат удобным поводом для проведения реакционными кругами политики «закручивания гаек», свертывания демократии.

Английский исследователь Филип Серни в книге «Терроризм: вызов государству» отмечает, что «терроризм превращается в миф, который может быть использован в целях социального контроля. Он вво-

дится в крылатые фразы средств массовой пропаганды и в риторику политиканов... Этот миф не только представляет образ защиты нации, но и возрождает целый ряд «угроз» западной цивилизации, которые не появлялись с тех пор, как поблекла угроза со стороны «международного коммунизма»²⁸.

Стремление монополистического капитала к подавлению демократии в современных условиях проявляется в попытках урезать и выхолостить права и свободы трудящихся, в том числе под предлогом борьбы с терроризмом и «подрывной деятельностью». Во многих западных странах под видом борьбы с терроризмом полиция уже ведет против демократических сил подлинную войну, подобную той, которую хотели бы развязать террористы. «На западном горизонте,— писала газета «Монд»,— явно обозначились контуры «полицейской Европы», которую пытаются учредить министры внутренних дел, используя в качестве предлога угрозу, которую терроризм представляет для этих государств. Во имя борьбы с терроризмом основные западноевропейские государства увеличили число запретительных и репрессивных постановлений, которые часто искажают их либеральный облик. Став полицейскими государствами, не передадут ли наши общества социальный контроль в руки полиции?»²⁹

Насаждаемая террористами атмосфера страха и насилия прямо противоречит интересам рабочего класса. Террор, подчеркивал В. И. Ленин, прежде всего дезорганизует «не правительственные, а революционные силы»³⁰. Зато терроризм, в каком бы обличье он ни выступал, дает повод крайне правым, реакционным силам требовать введения «твердых» мер, создания «сильных» правительств. «Логика терроризма,— признает Жейсмар,— приводит к тому, что он усваивает самые порочные стороны системы, против которой начал вооруженную борьбу. Логика контртеррора государства приводит к тому, что оно в свою очередь добровольно принимает методы тех, против кого борется»³¹.

Под прикрытием чрезвычайных законов о борьбе с терроризмом буржуазное государство развертывает подлинное наступление против демократии: грубо нарушается неприкосновенность личности и жилища,

осуществляются погромы общественных, прогрессивных организаций. Вмешательство таких вездесущих «щупалец» государства, как ФБР и ЦРУ в США, и подобных им спецслужб в других странах Запада в личную и общественную жизнь граждан стало широким и весьма опасным. Угроза усиления тоталитарных тенденций в общественной жизни стран Запада приобретает вполне реальные очертания. Западно-германский журнал «Шпигель» писал о том, что вылазки террористов помогли правым организовать травлю прогрессивных сил, зачислив всех противников так называемых чрезвычайных законов в разряд лиц, «симпатизирующих» терроризму.

Для борьбы с терроризмом в ФРГ создан гигантский полицейский аппарат, поставивший под неусыпный контроль общественную, личную и интимную жизнь миллионов граждан. Организована специальная компьютеризированная криминальная полиция, введено в практику подслушивание телефонных разговоров, проверка частной корреспонденции, широко применяются различные формы полицейского досмотра на заводах и проникновения в студенческие организации. По мнению криминальной полиции, каждый житель ФРГ должен быть занесен в картотеку, он должен быть «прозрачным», т. е. о нем должно быть известно все.

Полицейские приступили к созданию в Висбадене гигантской картотеки. «В этой полицейской крепости,— пишет французский «Экспресс»,— 3000 специалистов начиная с 1975 г. ревностно заносят в картотеки (10 млн., как утверждают) и в компьютеры (2000 экранов) все, что каким-либо образом касается лиц, высказывающих симпатии к левым. Привычки, знакомства, «особенности речи», отпечатки пальцев, группа крови...— все учтено в карточках. Занесение в картотеку 3,5 млн. граждан только на том основании, что они взяли в библиотеке книгу «мятежного» содержания, участвовали в демонстрации, либо — как было замечено — ехали в одном поезде с каким-то террористом, очень быстро ведет от охоты за «подозреваемым» к преследованию «потенциально подозреваемого». Более того, фотографии разыскиваемых лиц, выставленные в банках и на вокзалах, обещанное вознаграждение в 1 млн. марок за любое

сообщение не могут не создать опасную атмосферу охоты на людей. Например, один ничего не подозревавший студент из Кёльна был поражен, увидев свое фото с пометкой о розыске на экране телевизора: его машина оказалась похожей на автомобиль «террориста»»³².

Примеру ФРГ начали следовать другие западные «демократии». В августе 1982 г. было объявлено о создании аналогичной полицейской картотеки во Франции. На Кэ д'Орлож в Париже (где размещается префектура полиции) заведено 3 млн. поименных карточек и 400 тыс. карточек с отпечатками пальцев, где числятся подозрительные лица еще прошлого века. В соответствии с законом о борьбе с терроризмом, принятым в Испании, власти получили право вскрывать почту и арестовывать лиц, подозреваемых в связях с террористами, без решения суда. Под предлогом борьбы с терроризмом были резко ограничены те демократические свободы, завоевание которых стоило испанцам стольких усилий. В 1982 г. положения этого закона были ужесточены, и ныне они предусматривают возможность введения запрета на деятельность средств массовой информации и политических ассоциаций.

Драматическая ситуация, сложившаяся по вине английских властей в Северной Ирландии, послужила поводом для разработки и осуществления британским правительством беспрецедентных по масштабу полицейских мероприятий и репрессивных мер, попирающих элементарные гражданские права населения. В соответствии с «чрезвычайным законодательством», введенным под предлогом борьбы с терроризмом, в Северной Ирландии созданы и действуют судебные учреждения без суда присяжных. Армия получила полномочия для розыска и ареста подозрительных лиц, которых она может задерживать до передачи их полиции. Производятся аресты без ордеров, подозреваемых держат без суда в течение 28 дней, запрещено множество общественных организаций.

Как далеко ушли времена, когда британцы могли кичиться актом «*habeas corpus*» (актом о личной свободе), закреплявшим положение о неприкосновенности личности и личной жизни. 27 ноября

1974 г. британский парламент без обсуждения одобрил другой акт — «акт о защите от терроризма». Начиная с этого времени не только в Северной Ирландии, но и во всем Соединенном Королевстве действует чрезвычайное законодательство. За время действия этого закона было арестовано свыше 5,5 тыс. человек, причем 4900 из них так и не были предъявлены обвинения. Описывая обстановку в Северной Ирландии, авторы исследования, проведенного общественной организацией «Айриш информейшн партнершип», констатируют, что при допросах арестованных широко применяются насилие и пытки. Согласно действующим «законам», указывается в их докладе, «в случае ареста не существует правил, определяющих практику допроса и его продолжительность». В 1978 г. Европейский суд признал Великобританию виновной в нарушении прав человека, «однако до сих пор ни один полицейский или солдат, виновный в жестоком обращении с людьми в Северной Ирландии, не был привлечен к ответственности», — говорится в докладе.

«Мы дрейфует в направлении худшего общества, — с тревогой и озабоченностью пишут американские социологи, авторы сборника «За рамками левых и правых», — и меры, путем которых предлагается приостановить этот дрейф, следует рассматривать как шаг в направлении авторитарного общества»³³. Претворение в жизнь программы правоэкстремистских кругов США оборачивается для миллионов американцев наступлением на их демократические права и социальные завоевания, погромной политикой по отношению к профсоюзам, резким сокращением программ социальной помощи, усилением притеснения расовых и национальных меньшинств.

Полную свободу рук для проведения противозаконной деятельности получают в США различные органы сыскного и репрессивного аппарата администрации, снимаются какие бы то ни было ограничения на деятельность ФБР и ЦРУ, в стране разжигается психоз шпиономании и «охоты за ведьмами». Решением президента США ФБР предоставлены широчайшие полномочия по шпионажу за организациями, деятельность которых не одобряется властями. Засылка в их ряды осведомителей отныне позволена и в том случае, если даже нет достаточных оснований

для проведения расследования. Руководители спецслужб освобождаются от необходимости докладывать о преступлениях, совершаемых их подчиненными.

Как отмечают многочисленные американские исследователи, никогда еще с мрачной поры маккартизма в США не получали такого размаха антикоммунизм и антисоветизм, деятельность различного рода правоэкстремистских и полуфашистских организаций, никогда еще за послевоенные годы не поднималась так высоко волна милитаристских и шовинистических настроений. Как бы спеша реализовать мрачное пророчество английского писателя Джорджа Оруэлла, предрекавшего разгул тоталитарного произвола в 1984 г., американская администрация вводит систему тотальных проверок на лояльность служащих правительственных учреждений Вашингтона. Так называемый полиграф — «детектор лжи», проверке на котором должны подвергнуться 112 тыс. государственных служащих, — «это позорище, не совместимое с гражданскими правами»³⁴, — писала газета «Нью-Йорк таймс».

Внутриполитическая цель этих акций состоит в том, чтобы, создав в стране атмосферу осажденного лагеря и предвоенной истерии, попытаться искусственно, на шовинистической основе восстановить политическую стабильность американского общества, вызвать из прошлого дух маккартизма и тем самым сделать невозможными или чрезвычайно затруднить любые проявления социального протеста. ФБР, к примеру, держит «под колпаком» практически все взрослое население Соединенных Штатов, хранит досье на 34 млн. американцев, «представляющих потенциальную угрозу для безопасности страны». Если к этому добавить 78 млн. карточек с отпечатками пальцев, всевозможные «банки информации», то вырисовываются подлинные масштабы репрессивного аппарата полицейского государства, жестко контролирующего весь уклад жизни рядовых американцев.

Умышленно раздуваемая администрацией США «антитеррористическая истерия» (ее подогревают периодически подбрасываемые в печать выдумки о нападениях на Белый дом, планируемых «иранскими», «ливийскими» и прочими «террористами») призвана подготовить американское население к дальнейшему

ущемлению его демократических и гражданских прав. По мнению Р. Ч. Кларка, «перед лицом угрозы «массового терроризма» американцы должны будут расстаться со своими конституционными свободами в обмен на безопасность, которую способна дать полицейская и военная сила. Станут необходимыми массовые обыски и аресты всех подозрительных, тотальная полицейская слежка, превентивное заключение и, может быть, даже применение пыток»³⁵.

В этой обстановке администрация США ведет активную подготовку к превращению Соединенных Штатов в полицейское государство. «Под маской борьбы с терроризмом президент Рейган сделал важный шаг на пути к узаконению терроризма как официальной правительственной доктрины, — писала газета американских коммунистов «Дейли уорлд». — Он направил конгрессу ряд законодательных мер, которые дадут ФБР далеко идущие следственные полномочия: право сажать людей в тюрьму сроком до 10 лет, если они обвиняются в содействии «терроризму», и поощрять осведомителей вознаграждениями на сумму до 500 тыс. долл. Кроме того, появились сообщения о том, что правительство уже проводит в жизнь план создания концентрационных лагерей на несколько сот тысяч человек. Эти законодательные меры составлены на основе директивы по национальной безопасности, подписанной президентом Рейганом»³⁶.

В американской печати сообщалось, что в этой строго засекреченной директиве под кодовым названием «Рекс-84» изложены срочные инструкции по «сдаче в эксплуатацию» десяти огромных концентрационных лагерей на важных военных объектах по всей стране. По сообщениям газет, ведется подготовка к «неслыханной облаве от побережья до побережья на иностранцев и подозрительных с точки зрения национальной безопасности лиц». Первоначальный массовый арест «незаконных иммигрантов» послужит прикрытием для еще более тщательно скрываемой и детально скоординированной цели: арестовать и взять под стражу участников пассивного сопротивления, а также всех несогласных с политикой администрации. Всего, по этим сообщениям, планируются места заключения для 200 тыс. человек³⁷.

Повышенная активность экстремистских организаций в Италии привела к появлению здесь целой серии «антитеррористических» законов. Эти законы позволяют судебным органам держать «подозреваемых» в заключении практически в течение неограниченного времени, что открывает возможности для грубейшего произвола, как, в частности, показывает широко известное «дело» С. Антонова. Полиции разрешено допрашивать обвиняемых без присутствия адвоката, сняты ограничения на применение огнестрельного оружия, облегчена процедура обысков, разрешена перлюстрация писем.

Все более широкое распространение получает также практика подслушивания телефонных разговоров под тем же предлогом борьбы с терроризмом. Газета «Коррьере делла сера» привела конкретные примеры, когда велось подслушивание телефонных разговоров политических деятелей из высших эшелонов государственной власти, директоров газет, журналистов. Прослушиваются и частные разговоры, «признания» арестованных террористов получают путем применения самых жестоких пыток³⁸. Методы борьбы с терроризмом, применяемые итальянской полицией, свидетельствуют о явном намерении властей решить эту сложную политическую проблему «военным» путем. В этой связи итальянская газета «Стампа» писала о том, что борьба против терроризма может привести к реализации той самой цели, которую ставят перед собой террористы, — к «установлению диктатуры»³⁹.

Именно в этом направлении подталкивают буржуазное государство и акции политического террора, совершаемые экстремистами, и плохо скрываемые устремления представителей крайней реакции, постепенно захватывающих ключевые позиции в государственном аппарате. Подобные замыслы правых сил находят отражение и в рассуждениях многочисленных буржуазных «террологов», утверждающих, что «нерешительная и вялая» западная демократия не способна вести эффективную борьбу против терроризма и что активное сопротивление ему могут оказать лишь «твердые» авторитарные режимы.

Подобная логика приводит, в частности, одного из правых западных политологов, Э. Саблие, к выводу о том, что свержение законно избранного демократи-

ческого правительства С. Альенде и установление в Чили кровавого фашистского режима Пиночета явились якобы закономерным следствием борьбы против той «угрозы», которую представлял для всего Латиноамериканского континента «кубинский терроризм». В этом циничном утверждении в наиболее обнаженной форме проявляется стремление мировой реакции использовать политический экстремизм в качестве орудия провокации против демократических сил, а также как метод жесточайшего подавления прав и свобод трудящихся, попрания жизненных интересов целых народов.

VII. ШТУРМОВЫЕ ОТРЯДЫ ИМПЕРИАЛИЗМА

1. «Черный оркестр»

Сосредоточивая внимание на проблеме «левого» терроризма, умышленно преувеличивая его масштабы, реакция намеренно оставляет в тени терроризм правых экстремистов. Их активизация — одно из проявлений угрожающего сдвига политической жизни многих капиталистических стран вправо, отчетливо обозначившегося в последнее время. Кровавая волна терроризма правых экстремистов буквально захлестнула в наши дни многие капиталистические страны в разных концах мира. При прямом попустительстве властей, в обстановке усиливающихся гонений на левые силы поднимают голову крайне правые элементы, активизируются правоэкстремистские группировки, подпольные террористические неонацистские организации.

Правящие круги западных стран и буржуазная пропаганда намеренно преуменьшают значение и угрожающий размах, который приобрела деятельность правоэкстремистских организаций, чьи выступления не только уносят десятки и сотни человеческих жизней, но и свидетельствуют о намерениях сторонников «коричневого порядка» скоординировать свои действия и распространить их на весь мир.

К факторам, оказывающим непосредственное воздействие на те слои, представители которых пополняют ряды правых экстремистов, следует отнести в значительной степени те же явления, которые порождают и вскармливают их кажущихся антиподов, а на деле молочных братьев — «левых» экстремистов. Это прежде всего продолжающееся ухудшение положения средних слоев, разорение мелкой буржуазии, рост массовой безработицы, кризис идеологии, культуры и морали современного капиталистического общества. Спекулируя на растущих трудностях, с которыми сталкиваются значительные слои населения, идеоло-

ги правого радикализма подбрасывают общественному мнению различные рецепты наведения социального «порядка» авторитарными средствами.

В своей деятельности правые экстремисты идут по следам, оставленным фашистами в 20—30-х годах, используют те же приемы и методы. Это террор, провокации, нагнетание страха, призванные вызывать настроения отчаяния и бессилия. Известно, что фашизм, определенный в свое время VII Всемирным конгрессом Коминтерна в 1935 г. как *«открытая террористическая диктатура наиболее реакционных, наиболее шовинистических, наиболее империалистических элементов финансового капитала»*¹, активно прибегал к методам прямого насилия, с тем чтобы сломить рабочее движение и демократические силы и таким образом обеспечить себе захват власти.

После первой мировой войны в Германии терроризм ультраправых сил, жертвами которого в 1919 г. стали Роза Люксембург и Карл Либкнехт, был превращен нарождавшимся фашизмом в едва ли не основной метод борьбы за установление своей диктатуры на политической арене. Стратегия нацистов заключалась в завоевании «улицы», в срыве митингов других партий, в вооруженных атаках на демонстрации их политических противников. Прибегая к террору, нацисты для оправдания своих действий ссылались на высказывания Муссолини, который заявлял: «Террор? Ничего подобного! Это просто социальная гигиена, изъятие вредных индивидуумов из обращения». «Социалисты спрашивают нас, какова наша программа? — писал Муссолини в газете «Пополо д'Италия». — Наша программа — снести головы социалистам»². Нынешние наследники фашистов не скрывают, что стремятся к достижению тех же целей.

После разгрома фашизма во второй мировой войне его наиболее откровенным сторонникам пришлось на какой-то период существенно свернуть и приглушить свою деятельность. Широкое распространение антифашистских, демократических настроений среди населения капиталистических стран в послевоенный период, рост популярности левых сил и авторитета социализма существенно ограничили возможности неофашистских групп, вынудили их прибегать к различным формам мимикрии. Так, в 60-х годах органи-

заторы некоторых фашистских вылазок и провокаций, чтобы отвести от себя подозрения, делали попытки приписать их крайне «левым».

Общий подъем борьбы демократических сил и рабочего движения в странах Запада в 60—70-х годах, ликвидация последних «черных» режимов Европы в Греции, Испании и Португалии, успехи международной разрядки вынудили правых экстремистов перейти к обороне, затаиться в ожидании «лучших времен». Однако в последние годы правые экстремисты, все более откровенно подталкиваемые наиболее реакционными кругами империалистической буржуазии, вновь вышли на авансцену политической жизни ведущих капиталистических стран с «открытым забралом».

Основные «заболевания» капиталистического общества, такие, как экономический кризис и растущее социальное недовольство, правые экстремисты рассчитывают «излечить» путем возвращения к авторитарным формам правления. Они паразитируют на растущих настроениях социальной неустроенности и страха, неуверенности в будущем, поражающих сегодня все более обширные слои населения, стремятся объяснить эти настроения отсутствием «порядка» и господством «анархии», якобы вызванной действиями левых сил. При этом они активно используют как классовый страх буржуазных и мелкобуржуазных элементов, связанный с успехами левых сил и размахом борьбы рабочего класса, так и панику, которую сеют среди обывателей безответственные выходы «красных» экстремистов, причисляющих себя к левым силам.

В последние годы западные социологи заговорили о сравнительно новом явлении — активизации антилевых настроений среди определенной части трудящихся, появлении в их среде сторонников крайне правых и профашистских движений. Некоторую их часть составляют отчаявшиеся представители рабочей или, точнее сказать, безработной, а то и никогда не работавшей молодежи. Согласно данным Франкфуртского института социологических исследований, «новые нацисты», в большинстве своем молодые, нередко выходят из слоев трудящихся в отличие от активистов левацких организаций, в которых пре-

обладают представители мелкой буржуазии и студенчества ³.

Рост числа выходцев из различных категорий трудящихся в составе правоэкстремистских организаций представляет собой весьма тревожное явление и одновременно дает почву для развертывания лидерами этих движений демагогической пропаганды относительно их якобы пролетарского характера. Так, лидеры французских неофашистов называют себя «правыми пролетариями». Английские неонацисты из «национального фронта», деятельность которого носит ярко выраженный расистский характер, заявляют, что представляют «белый рабочий класс».

По мнению французского журнала «Нувель обсерватор», нынешний подъем правоэкстремистской волны в Великобритании отражает страх молодых англичан, вызванный депрессией, безработицей, кризисом и общим упадком позиций Великобритании на мировой арене. «Подобные настроения, — считает Б. Джордан, преподаватель социологии в Университете Экстера, — могут привести к образованию мощной неофашистской партии, которая привлечет на свою сторону часть средних слоев, а также маргинальные элементы рабочего класса, разочарованные сложившимся положением» ⁴. Этот прогноз начинает сбываться, причем не только в отношении Великобритании, что, в частности, подтверждается заметным усилением позиций крайне правых группировок и партий, которое продемонстрировали состоявшиеся в июне 1984 г. выборы в Европейский парламент.

Империалистическая реакция до поры до времени «придерживает» неофашистов и других правых экстремистов, ставя им определенные, ограниченные политические рамки, хотя и не думает отказываться от них как от одного из своих излюбленных орудий в борьбе против сил демократии и прогресса. Этим и объясняется нынешняя тактическая линия правящего класса капиталистических стран в отношении правых экстремистов. Не считая на данном этапе целесообразной передачу им командных позиций в управлении государственной политикой, монополистический капитал использует правоэкстремистские группировки, включая неофашистов, для запугивания трудящихся масс и террористических атак на

демократические силы и рабочее движение. Бациллу фашистской «чумы» держат в резерве, сохраняют как бы в колбе на тот случай, когда она может понадобиться махровой реакции для заражения всего общественного организма. Тем временем, ощущая поддержку со стороны правящих кругов капиталистического мира, правые экстремисты наращивают свои «мускулы», усиливая атаки на демократические силы и разжигая очаги террористического насилия.

Лагерь «черного» терроризма составляют весьма разношерстные на первый взгляд течения — от расистского «национального фронта» в Англии до «серых волков» в Турции, от объединения солдат бывших войск СС в ФРГ до американского ку-клукс-клана, от легальной профашистской партии Итальянское социальное движение до недавно запрещенной во Франции неонацистской Федерации национального и европейского действия. По данным, опубликованным газетой «Интернэшнл геральд трибюн», ныне неофашисты действуют в 60 странах всех континентов, т. е. более чем в одной трети государств земного шара. Существует даже «черный интернационал» профашистских ультрареакционных группок, включивший в свою программу установление в капиталистических странах Запада «закона и порядка» по образцу гитлеровского рейха.

Нарастает активность нацистской партии, ку-клукс-клана и других правозэкстремистских организаций в США. По данным американской печати, за время пребывания у власти республиканской администрации численность расистского клана выросла в несколько раз и составляет 40—50 тыс. человек, а «симпатизирующих» ему насчитывается более 100 тыс. В целом ряде южных штатов и в Калифорнии действуют специальные военизированные лагеря ККК. Инструктаж в них ведут профессионалы из числа бывших наемников, тесно связанных с ЦРУ, ФБР и Пентагоном. Оружие поставляется зачастую прямо из арсеналов армии.

Активно вооружаются и члены других правозэкстремистских организаций США. По свидетельству газеты «Интернэшнл геральд трибюн», сеть экстремистов охватывает всю страну, но сконцентрирована в небольших анклавах на Среднем и Дальнем Западе

и в Арканзасе. Помимо ку-клукс-клана и нацистской партии она включает общенациональную коалицию местных групп, известную под названием «поссе комитатус», «лигу защиты христиан», «арийские нации», «лигу защиты христиан-патриотов».

Их сторонники вооружены взрывчаткой, гранато-метами, автоматическим и полуавтоматическим оружием, регулярно проходят подготовку по ведению «партизанской войны», которая включает обучение методам рукопашного боя, применению ядов, ночному боевому патрулированию и убийствам из засады. Члены «поссе», часть которых постоянно носит маскировочную военную форму и создает запасы оружия и продовольствия, проводили «совместные военные маневры» в Сьерра-Неваде (Калифорния) с членами ку-клукс-клана и «минитменами». Как считают сотрудники федеральных органов юстиции, «есть данные, свидетельствующие о том, что они вооружены ракетными гранато-метами, мино-метами, взрывчаткой и защитным снаряжением, тяжелыми бронемашинами и тому подобным оружием»⁵.

Новая вспышка бесчинств расистов и неонацистов не случайна. Она является характерным симптомом системы угнетения, милитаризма и войны, считает видный американский историк Г. Аптекер. Гангстеры из ку-клукс-клана и нацистской партии осуществляют в более открытой форме политику, которую проводят через своих ставленников в органах власти американские корпорации.

Активизируется деятельность неонацистских группировок в ФРГ. В этой стране их насчитывается около 80. По данным Федерального министерства внутренних дел, в ФРГ официально зарегистрировано около 1400 неонацистов. Демократическая печать считает эти данные явно заниженными. По ее сведениям, в настоящее время в стране насчитывается более 120 правоэкстремистских группировок⁶. При этом надо учесть, что речь идет отнюдь не о доживающих свой век приверженцах третьего рейха, а о молодежи, составляющей подавляющее большинство (свыше 80 %) неонацистских организаций. (По имеющимся данным, около половины их членов составляет молодежь в возрасте от 14 до 20 лет, а 34 % — от 21 года до 30 лет.) Как заявил председатель комиссии

бундестага по вопросам внутренней политики А. Верниц, в одном только 1981 г. число преступных акций, совершенных неонацистами в ФРГ, составило около 2 тыс. Он подчеркнул, что особенно опасный характер носят неонацистские вылазки, направленные против иностранных рабочих.

До самого недавнего времени в ФРГ практически беспрепятственно орудовал «национал-социалистский фронт действий», официально провозглашенная цель которого состояла в восстановлении НСДАП и отрядов штурмовиков (СА). В этот фронт перекочевали члены таких ранее запрещенных правозэкстремистских организаций, как «народно-социалистическое движение Германии — партия труда» и «военно-спортивная группа Гофмана», организовавшая осенью 1980 г. взрыв на Мюнхенской ярмарке, в результате которого погибло 12, было ранено и изувечено 215 человек. Западногерманский журнал «Шпигель» констатирует наличие в стране «тенденции к кровавому террору и насилию на правом краю политического спектра». Более чем в 40 городах ФРГ Гитлер по-прежнему числится почетным гражданином. По неполным данным министерства внутренних дел ФРГ, за 1979—1980 гг. у неонацистов было изъято 500 единиц огнестрельного оружия⁷.

Речь идет лишь о видимой части «айсберга» правого экстремизма в ФРГ. Эксперт по вопросам внутренней безопасности от фракции СДПГ в бундестаге Х. Пенски говорил, что «неонацисты наполняют свои арсеналы оружием в масштабах, о которых вряд ли кто догадывается. Это имеет неоспоримые доказательства. Полиция и государственная служба безопасности раскрыли и конфисковали у правых радикалов столько оружия, что им вполне можно вооружить целое войско для ведения гражданской войны... Угрозы, к которым нацисты прибегают сегодня, в любое время могут перерасти в открытый террор. Тот, кто изготавливает бомбы, намерен когда-нибудь взорвать их»⁸.

Справедливость этих предостережений подтвердил обнаруженный в октябре 1981 г. еще один крупнейший подпольный склад оружия неонацистов. В лесу под Люнесбургом было найдено 400 кг взрывчатки, 258 гранат и значительное количество винтовок, ка-

рабинов и револьверов с боеприпасами⁹. В последние годы участились нападения правых экстремистов на военные склады с целью завладеть еще более современным оружием.

Во многом из-за попустительства властей в ФРГ существуют многочисленные реваншистские землячества и союзы бывших военнослужащих, в том числе СС. Эти «коричневые группировки» контролируют свыше 100 издательств и содержат около двух десятков лагерей для молодежи, в которых готовятся современные штурмовики. При правительстве, возглавляемом ХДС, реабилитация нацизма была поставлена в ФРГ по существу на официальную основу. Подтверждением этого является принятое в конце августа 1983 г. решение западногерманского правительства не считать более правоэкстремистским федеральное объединение солдат бывших войск СС (ХИАГ)¹⁰.

В Италии последние годы стали периодом наибольших потрясений для Итальянской республики за всю ее историю. «Пробуждение» итальянских правых принято относить к концу 60-х годов — времени первых террористических провокаций в Римском университете, организованных активистами «нового порядка» и «национального авангарда», члены которых использовали оружие и взрывчатку. Эти организации составили подпольное крыло итальянского правого экстремизма, ставшее дополнением и одновременно резервом, питавшим его легальную, официальную верхушку — Итальянское социальное движение (ИСД).

Главная цель акций правоэкстремистских группировок, носивших самые различные наименования — «ордине нуово», «аньо зеро», «лотта ди пополо», «группа действия Геббельса», «команда действия Муссолини», «черный порядок» и т. д., состояла в том, чтобы массовыми убийствами, взрывами бомб, подложенных в местах скопления людей, дестабилизировать общественную жизнь, спровоцировать фашистский переворот, навязать стране авторитарный режим. В 70-х годах ультраправые предприняли три попытки государственного переворота¹¹. «Мы должны использовать любую ситуацию бессилия государственных властей для того, чтобы спровоцировать

взрывы негодования среди населения... Наше место там, где кризис глубже вонзает свои зубы...»¹² — заявлял главарь неонацистских террористов в Италии Раути.

Взрыв бомбы, подложенной неонацистами в миланском банке на площади Фонтана в декабре 1969 г., жертвами которого стали 16 человек, возвестил о начале осуществления правыми силами «стратегии напряженности», которая в последующие годы все глубже затягивала Италию в пучину насилий и террора. В 1970 г. правые силы предприняли попытку государственного переворота, во главе которого стоял «черный» князь Боргезе. В следующем году руководством спецслужб были спровоцированы события в Реджия Калабрии, итогом которых явились сотни жертв. Вскоре последовали другие провокации. Бомба, брошенная неонацистами в ряды участников демонстрации левых партий в Брешии в 1974 г., унесла девять жизней. В результате другого взрыва, вызвавшего крушение железнодорожного экспресса «Италикус» в августе 1974 г., было убито 12 человек. Итогом организованного ими ровно 6 лет спустя в августе 1980 г. взрыва бомбы на вокзале в Болонье стали гибель 80 и ранение более 200 человек¹³.

В последние годы неонацисты в Италии становятся все бесцеремоннее, они расширяют масштабы насилия, внедряют своих ставленников в государственный аппарат, в особенности в полицию, различные службы безопасности и даже в судебные органы. «Черный терроризм,— писал итальянский журналист Дж. Бокка,— всегда был в некотором роде государственным терроризмом, подчиняющимся закулисной власти»¹⁴.

Характерной чертой политической жизни Франции стала значительная активизация пронацистских организаций. Наиболее известные из них — правозащитная партия «национальный фронт» и отделившаяся от нее в 1973 г. «партия новых сил». Кроме них за последние годы возникли и другие правозащитные организации националистического и неонацистского характера: «группа Пайпера», «порядок и новая справедливость», «клуб Карла Мартелла», «честь полиции», «националистическая революционная группа», группа «Дельта» и др.¹⁵ Руководи-

тели этих организаций заявляют о своем несогласии с осуждением фашистских режимов, требуют пересмотра истории и реабилитации французского коллаборационизма 1940—1944 гг.

В настоящее время французские крайне правые группировки, взяв на вооружение фашистскую идеологию, проповедующую идею создания общества элиты по крови, расе и интеллекту, развернули широкую пропаганду реабилитации фашистского режима в Германии и правительства Виши во Франции, усиления дискриминации в отношении евреев и арабов, оголтелого шовинизма. Платформа крайне правых — это махровый антисоветизм, расизм, разжигание ненависти к трудящимся-иммигрантам, которых во Франции насчитывается несколько миллионов. «Западная цивилизация в опасности, — утверждает заместитель председателя «национального фронта» Ж. Бюргаз. — Белую расу захлестывают волны иммиграции!»

В последние годы «национальный фронт» вместе с поддерживающими его группами вышел из прежней политической изоляции и на выборах в Европейский парламент летом 1984 г. получил 11 % голосов. Следует напомнить, что на президентских выборах 1974 г. «фронт» получил лишь 0,75 % голосов, а на парламентских выборах 1981 г. — 4 %. Ныне же влияние и численность этой профашистской группировки заметно выросли: за 4 месяца 1983 г. число членов организации увеличилось в 3 раза и достигло 30 тыс. человек¹⁶.

О причинах «взлета» «национального фронта» французская печать говорит следующее: группировку поддерживает часть избирателей, которые на президентских выборах 1981 г. голосовали за Франсуа Миттерана, но затем разочаровались в политике правительства социалистов; в условиях углубляющегося кризиса и роста безработицы многих французов привлекают выдвигаемые лидерами «национального фронта» лозунги и призывы изгнать из страны трудящихся-иммигрантов. В интервью газете «Котидьен де Пари» национальный секретарь Французской социалистической партии Жан Попрэн подчеркнул, что активизация «национального фронта» подтверждает известную истину: в период обострения экономиче-

ских и социальных трудностей ультраправые группировки имеют реальную возможность заручиться поддержкой определенной части населения.

Шовинистические и откровенно расистские лозунги неонацистов в отношении иностранных рабочих (их в стране около 4 млн., это выходцы главным образом из Испании, Португалии и стран Северной Африки) находят определенный отклик и у отсталой части рабочих. «Национальный фронт», 40 % которого составляет молодежь в возрасте до 25 лет, создал свою молодежную организацию, методы которой ничем не отличаются от методов отрядов профашистских боевиков¹⁷. Другая неонацистская организация — «партия новых сил» (ПНС) объявляет своей целью «осовременить» неонацистское движение и выйти на широкую политическую арену, заняв место справа от традиционных буржуазных партий. Для этого неонацисты из ПНС стремятся заручиться благосклонностью правой оппозиции, громогласно объявляя подлинную войну находящимся у власти левым силам.

Вынашивая далеко идущие планы, французские ультраправые рассчитывают на поддержку и помощь определенных кругов монополистической буржуазии, готовых использовать их в своих интересах. В последнее время им все чаще удается пропагандировать свои взгляды через прессу и даже национальное телевидение. Как указывает в книге «Заговор против демократии» Мари-Жозе Шомбар де Лов, во Франции насчитывается свыше ста крайне правых периодических изданий, точное же их число не поддается подсчету¹⁸. Активизация неонацистских группировок выражается не только в усилении их пропаганды, но и в росте террористических акций. Начиная с 1973 г. во Франции произошло несколько сот террористических актов, объектами которых стали жилища иностранных рабочих, местные комитеты политических партий и профсоюзов, библиотеки, редакции газет «Монд» и «Матэн», отделения связи, организации участников Сопrotивления, еврейские кладбища и синагоги.

Свой «национальный фронт» образовали в 1967 г. и английские неонацисты. Их главное амплуа — разжигание расовой ненависти, осуществле-

ние террористических актов и провоцирование погромов многочисленных общин иммигрантов — киприотов, пакистанцев, индийцев, выходцев из ряда стран Азии, а также Вест-Индии. Фашисты рассматривают их как главных виновников безработицы и ухудшения социального обеспечения белых рабочих. К этому надо добавить и ставший более злобным антисемитизм. «Национальный фронт» стремится рекрутировать, и небезуспешно, прежде всего молодых людей, чему способствует массовая безработица среди английской молодежи. В последнее время, как сообщает английский журнал «Серчлайт», английские «коричневые» начали регулярную полувоенную подготовку в специальных лагерях¹⁹.

Не смирились с крушением последних европейских фашистских режимов и диктатур правые силы Греции, Испании и Португалии. В мае 1981 г. в Греции был раскрыт заговор реакционных офицеров, планировавших организовать государственный переворот и восстановить режим «черных полковников». Незадолго до этого, 23 февраля 1981 г., группа испанских гражданских гвардейцев под командованием подполковника Антонио Техеро Молино, захватив здание парламента страны и задержав в качестве заложников более трехсот депутатов и членов правительства, пыталась спровоцировать военный путч.

Как подчеркнул лидер испанских социалистов Р. Гонсалес, организаторы этого путча хотели воспользоваться международной напряженностью, вызванной жесткой политикой «с позиции силы», которую проводит американское правительство. По его словам, некоторые представители администрации США поддерживали контакты с ультраправыми кругами Испании и дали понять, что не выступят против военного переворота в том случае, если попытка мятежа увенчается успехом. Несмотря на поражение заговорщиков и широкое возмущение, которое вызвали их действия в стране, полтора года спустя, в октябре 1982 г., властями был раскрыт еще один готовившийся путч — «переворот полковников», организаторы которого (военные) были связаны с ультраправыми организациями. Переворот планировалось совершить за день до назначенных парламентских выборов. В целом ряде испанских городов — Мадри-

де, Барселоне и Вальядолиде — были созданы специальные команды из фашистских молодчиков, на которые возлагалась задача «нейтрализации» лидеров левых партий и профсоюзов.

Попытку путча в Мадриде предполагали использовать в своих целях и португальские ультраправые террористические группы. В случае успешного для путчистов исхода событий в Испании португальские фашисты, как сообщала газета «Диариу ди Лижбоа», намеревались поднять вооруженное восстание против властей страны. Португальские правые открыто афишируют свои намерения приступить к «физическому истреблению» руководителей Португальской компартии, других прогрессивных политических деятелей и военных.

Серьезным фактором в политической жизни Японии является деятельность существующих в стране около 800 ультраправых организаций и групп общей численностью 120 тыс. человек. По данным главного полицейского управления Японии, только в 1980 г. в стране появилось 107 неонацистских группировок. Для ультраправых организаций этой страны характерны почти непрерывные расколы и возрождения под новыми названиями. Наиболее крупные объединения японских ультра — «международная лига победы над коммунизмом» (5 тыс. человек), «общество мира Великой Японии» (1,5 тыс. человек). В их составе немало бывших уголовников, деклассированных элементов и отставных военнослужащих, проникнутых духом японского милитаризма и реваншистскими настроениями.

Немалое число правозэкстремистских организаций действует в развивающихся странах Азии, Африки и Латинской Америки. Значительная часть подобных движений либо активно используется империалистическими державами в выгодных для них политических целях, либо прямо насаждается и финансируется спецслужбами США и ряда других западных держав. Это относится к правым антикоммунистическим группировкам и террористическим бандам в Латинской Америке, к отрядам контрреволюционных наемников, засылаемых ЦРУ в Никарагуа, Анголу, Мозамбик и Афганистан для борьбы с прогрессивными режимами этих стран, к подогреваемым извне

вооруженным выступлениям сепаратистов в Индии и Эфиопии.

В течение нескольких последних лет политический терроризм, в особенности правого толка, лихорадил политическую жизнь Турции. Ответственность за наиболее тяжелые и кровавые преступления, совершенные в этой стране, лежит на неонацистской «партии националистического движения» (ПНД), возглавляемой А. Тюркешем. По свидетельству турецкой газеты «Миллиет», за период с 1971 по 1980 г. жертвами банд фашиствующих молодчиков из ультраправых организаций стало около 700 человек. Правые экстремисты совершали налеты на помещения левых партий, демократических профсоюзов, учебных заведений. В 1977 г. в Стамбуле неонацисты расстреляли первомайскую демонстрацию: 40 человек было убито и около 150 ранено. В результате спровоцированных реакцией кровопролитных столкновений в г. Кахраманмараш в конце 1978 г. погибло 11 человек²⁰.

Известно, что и ультраправый террорист М. А. Агджа, совершивший 13 мая 1981 г. покушение на жизнь папы Иоанна Павла II и убивший до этого главного редактора газеты «Миллиет», также пользовался поддержкой неонацистов из ПНД и состоял в профашистской организации правых турецких экстремистов «серые волки». В обвинительном заключении, сформулированном турецким судом против этой организации, говорится, что ПНД получала денежную помощь от нацистских организаций, отдельных лиц из США и других западных стран.

2. «Крестные отцы» правого экстремизма

Крайне правые группировки стремятся не только к привлечению на свою сторону избирателей и закреплению своих позиций на политической арене, но и к созданию в масштабах всего западного мира единой политической силы. В Западной Европе ее опорой должны стать западногерманская НДП, итальянская ИСД, испанская «новая сила», британский «национальный фронт», бельгийские крайне правые националистические партии.

Пытаются завязать и расширить свои международные связи и ультраправые организации США. В мае 1984 г. представители этих организаций на пресс-конференции, проведенной в здании конгресса, объявили о планах создания единого антисоветского «фронта политических действий», который «объединил бы все антисоветские силы в мире». Выступая на пресс-конференции, один из ведущих лидеров движения «новых правых» США, Р. Вигери, приветствовал рождение родственной организации (израильских «новых правых»), которая, по его словам, вместе со своими собратьями в Соединенных Штатах участвует в борьбе против коммунизма и национально-освободительных движений в Центральной Америке, Африке, Азии и на Ближнем Востоке.

Правые террористические организации в капиталистических странах орудуют практически безнаказанно. В этом основная особенность правого терроризма, активно использующего слепоту на правый глаз, которой явно страдают западные политики и органы буржуазного государства. Несмотря на вызывающие заявления и многочисленные акты насилия, шантажа и провокации правых экстремистов, их деятельность по существу не пресекается властями. «Власти знали, но игнорировали тот факт, — писала «Интернэшнл геральд трибюн», — что 30 парижских полицейских были членами фашистских группировок. В некоторых «лучших» парижских школах фашизм является модным увлечением молодежи, на которое снисходительно смотрят обеспеченные родители, принадлежащие к среднему классу»²¹.

В целом ряде случаев полиция и соответствующие службы безопасности капиталистических государств не только смотрят сквозь пальцы на преступления, совершаемые правыми экстремистами, но и существенно помогают им. «Фашизм проник в государственный аппарат, — писала бельгийская газета «Суар», — старые нацисты являются служащими, работниками судебных органов, руководителями экономики в ФРГ. Пособники французской ОАС²² пребывают в безнаказанности. В Италии подтасовываются расследования, имеющие целью свалить на левых преступления, совершенные ультраправыми, как это было в случае взрыва, организованного в Сельскохо-

зайственной банке в Милане. А что сказать о странном потворстве правым карабинеров, которые заявили, что не нашли виновных в покушении в Болонье, поскольку не существует досье на ультраправых»²³.

Проведенное в Италии расследование показало прямую причастность к взрыву в экспрессе «Италикус» итальянских служб безопасности. Об этом пишет в книге «Подлинные властители мира» бывший агент ЦРУ Л. Гонзалес-Мата²⁴. Итальянский суд оправдал «за недостатком улик» правых террористов, причастных к организации взрыва этого пассажирского поезда. Судя по всему, так же безрезультатно завершится и расследование взрыва на вокзале в Болонье. «Создается впечатление, — писала газета «Монд», — что правосудие (итальянское. — А. Г.) не собирается наказывать «черных» террористов. Нет никакого сомнения в том, что расследование их преступлений не ведется так же эффективно, как в тех случаях, когда расследуются акции «красных» террористов»²⁵. Именно поэтому организаторы наиболее крупных террористических актов до сих пор не найдены. В этом, бесспорно, проявляется общее отношение правящих кругов буржуазного общества к «черному» — полуфашистскому или открыто фашистскому — экстремизму.

Однако террористы всех окрасок пользуются покровительством не только внутренней реакции из судебного аппарата и секретных служб. Наиболее могущественным покровителем терроризма на Апеннинском полуострове является американское ЦРУ. Об этом заявил член комиссии по вопросам обороны палаты депутатов парламента коммунист Э. Черкуэтти. В интервью газете «Паэзе Сера» он указал, что зависимость итальянских секретных служб «обусловлена особыми протоколами, заключенными в рамках Североатлантического блока». Депутат-социалист Р. Формика также объясняет «неэффективность» секретных служб Италии их подчиненностью ЦРУ.

Не давая правозэкстремистским организациям исчезнуть с политической сцены, монополистический капитал явно намерен использовать их как штурмовой отряд в борьбе против левых сил в случае резкого обострения классовых противоречий и социальной

борьбы. В последнее время в странах Западной Европы и США правых экстремистов привлекают для разгона антивоенных движений, вызывающих все большее беспокойство у руководителей этих стран. В условиях углубляющегося кризиса капитализма и ослабления позиций империализма на мировой арене для влиятельных кругов буржуазных государств, магнатов крупного капитала и военно-промышленного комплекса все более заманчивой становится перспектива установления авторитарных режимов «сильной власти», путь к которым должны проложить правые экстремисты.

Параллельно с активизацией террористических выходов правых экстремистов оживились их идейные наставники — представители различных ультраправых идеологических течений, увидевшие в новой ситуации шанс вернуться на политическую арену и «дать бой засилью левых» в сфере духовной жизни. Некоторые из них заявляют в этой связи, что завоевание правыми «культурной власти» на данном этапе важнее, чем борьба за власть политическую. Возрождение французских правых в 70—80-х годах предстает как реванш реакции за 1968 г., пишет в книге «Черный оркестр» Ф. Лоран. «Большой страх, который вызвал май 1968 г., помог ликвидировать разрыв между правыми, стоящими у власти, и ультраправыми»²⁶.

В погоне за симпатиями общественности крайне правые готовы представить себя «революционерами», совершающими «консервативную революцию», выдать свои махровые, расистские теории за «новое слово» политической мысли. «Учитывая, что основанная на зависти классовая борьба умерла в наших странах и в современной Европе, — возвестили представители правых партий 14 стран Западной Европы, собравшиеся в Лондоне в июле 1979 г., — в настоящее время мы и те идеи, которые мы представляем, являются собой новую народную силу»²⁷.

Пытаясь представить себя силами будущего, различные правые группировки примеряют новые одежды и навешивают яркие этикетки. Так, в последние годы в ряде стран Западной Европы, прежде всего во Франции, а также в США, возникли движения, присвоившие себе с явно рекламно-коммерческими целя-

ми название «новые правые». Это название выбрано не случайно. Оно содержит прозрачный намек на движение «новых левых» и отражает явную надежду на то, что в 80-х годах правым удастся возглавить такое же массовое движение, как движение «новых левых» в конце 60-х годов.

Замысел идеологов крайне правых сил состоит в том, чтобы завоевать место в центре политической жизни буржуазного общества, на периферию которой они были оттеснены еще с послевоенного времени, и начать с этого плацдарма развернутое наступление на позиции левых сил. При этом правые как в Западной Европе, так и в США явно рассчитывают заполнить политический вакуум, вызванный разложением и расслоением «новых левых».

Теоретиков французских «новых правых» представляют люди, объединившиеся вокруг журналов «Фигаро-магазин» и «Нувель эколь» и входящие в «группу по изучению европейской цивилизации» (ГРЕСЕ) и в так называемый «клуб башенных часов» («клуб Орлож»). Их лидерами и идеологами выступают директор «Фигаро-магазин» Л. Повель, философы А. де Бенуа, И. Бло и некоторые другие. «Новые правые» выступают главным образом против принципа равенства людей, «эгалитарной утопии». Борьбу за социальную справедливость, равенство людей, рас, народов они объявляют источником всех бед общества. «Все люди различны,— заявляют «новые правые»,— и, следовательно, неравны». Общественный строй, по их мнению, должен основываться на признании и закреплении всех форм неравенства — социального, культурного, расового. Логика этих концепций приводит к выводу, что «существуют аристократы, призванные править, и рабы, приговоренные повиноваться». Подкрепление своим расистским тезисам «новые правые» в соответствии с нацистской традицией пытаются найти в ссылках на якобы существующие «научные данные». Так, Л. Повель писал: «Естественные науки подтверждают необходимость иерархии особей как в сообществах развитых животных, так и в человеческом обществе»²⁸. Повторяя эти и подобные им псевдонаучные тезисы фашизма, «новые правые» воспевают культ героев, элиты, аристократизма, античное прошлое Европы, «кельт-

ские леса», «германскую родину», «зов крови»²⁹. Кликушествуя на все лады, «новые правые» предрекают гибель европейской цивилизации в силу того, что она якобы нивелирует естественный социальный порядок, основанный на неравенстве.

Несмотря на то что идеологи «новых правых» активно отрешиваются от каких-либо связей с правоэкстремистскими организациями, утверждая, что их интересуют лишь философские аспекты борьбы против засилья левой идеологии, наличие такой связи нетрудно установить. Заимствуя тезисы «новых правых», лидер французского «национального фронта» Ж.-М. Ле Пен призывает развертывать «антимарксистское и антибюрократическое движение, которое должно объединить экономические, социальные и политические силы свободы». Главной силой этого движения он провозглашает «средние классы», «жизнеспособность которых составляет основу национально-го процветания и ведет к созданию ответственных элит»³⁰. Не удивительно, что этот защитник «свободы», основанной на существовании «элит», и одновременно лидер открыто фашистского движения ополчается на представителей левых сил, и прежде всего на коммунистов.

Поразительное сходство между американскими и французскими «новыми правыми» отмечает в «Монд дипломатик» французский социолог Пьер Доммерг: «Одинаковые анализы, одинаковые цели, одинаковая тактика, одинаковый стиль. По мнению тех и других, уравнительная утопия — вот общий враг. Это продукт сбившегося с толку либерализма, корни которого уходят в век Просвещения»³¹.

Оживление правозэкстремистских течений в США отражает опасную внутреннюю эволюцию американского общества за последние годы. «Новые успехи ультраправых и растущая угроза, которую они собой представляют, — отмечал Генеральный секретарь Коммунистической партии Соединенных Штатов Америки Гэс Холл, — объясняются применением ими новых, более тонких методов, равно как и поддержкой, оказываемой им более широкими кругами большого бизнеса. В результате применения такой тактики кое-кто из либерально настроенных людей свободных профессий и представителей среднего

класса часто оказывается на стороне правых экстремистов»³².

«Академические» рассуждения ультраконсервативных американских идеологов трансформируются в конкретные действия правых экстремистов и акции государственного терроризма, предпринимаемые правящей администрацией, ведут к усилению авторитарных тенденций в политической структуре, к дальнейшему ущемлению демократии внутри страны, а также к проведению экспансионистского, «силового» курса во внешней политике. Так происходит закономерная смычка внутривнутриполитического насилия с терроризмом, возводимым на уровень государственной политики и применяемым в отношении других государств и народов.

VIII. ТЕРРОРИЗМ КАК ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПОЛИТИКА

1. «Международная гражданская война»

Одной из особенностей современного политического экстремизма является его активное воздействие на внешнюю политику капиталистических государств. Известно, что и в прошлом экстремистские и террористические акции нередко использовались в качестве поводов и предлогов для провоцирования международных конфликтов. Достаточно напомнить о той зловещей роли, которую сыграли в истории XX в. совершенные террористами убийства австрийского эрцгерцога Франца-Фердинанда в 1914 г. и французского министра иностранных дел Луи Барту в 1934 г. Но о связи современного политического экстремизма с международной политикой можно говорить как о качественно новом явлении. Тому есть свои причины.

Одной из причин является растущая интернационализация процессов, происходящих в отдельных странах, выход многих, в прошлом чисто внутриполитических, проблем на международный уровень, за рамки национальных границ в результате беспрецедентного развития экономических, политических, культурных, информационных и иных связей между народами и государствами, чему способствовала НТР, резко ускорившая развитие средств транспорта и коммуникации. В этой ситуации многие проблемы внутренней жизни отдельных капиталистических стран, особенно такие острые, как активизация политического экстремизма, быстро приобретают широкий международный отзвук, влияют на международную обстановку. Как утверждает американский исследователь проблем политического экстремизма Л. Бонанте, если верно, что «элементы терроризма всегда присутствовали в международных отношениях, то в настоящее время терроризм стал постоянным элементом существующего международного политического порядка»¹.

Не удивительно, что эта новая ситуация, приведшая к расширению до международных масштабов «сцены» для «театрализованных представлений», на которые так падки политические экстремисты, оказалась и на формах их деятельности, и в целом на облике современного экстремизма. Едва ли не преобладающее место в арсенале действий экстремистов и террористов начали занимать акции, рассчитанные на максимальный международный отклик, на широкое освещение средствами информации во всех странах: угоны самолетов с международных линий, похищение иностранных дипломатов и военных, захват посольств, покушения на лиц, имеющих всемирную известность. «Тот факт, что людям, которые захватывают заложников, практически всегда удается привлечь внимание всего мира, создать кризисную ситуацию и поставить в затруднительное положение правительства ряда стран, является для них, возможно, достаточным вознаграждением»², — говорится в докладе «Рэнд корпорейшн», подготовленном под руководством известного американского специалиста в этой области Б. Дженкинса.

Другой особенностью современной обстановки, тесно связавшей политический экстремизм с международной политикой, стало обострение в последние годы противоборства противоположных общественных систем, вызванное прежде всего усилением агрессивности внешней политики крупных империалистических держав, и связанное с этим все более открытое использование ими практики государственного терроризма в борьбе против мирового социализма.

В результате дальнейших успехов социализма, рабочего и национально-освободительного движения, а также общего ослабления позиций империализма реакционные правящие круги капиталистических государств начинают вести себя на мировой арене подобно мелкому хозяйчику, «взбесившемуся», по выражению В. И. Ленина, от ужасов неотвратимо надвигающегося кризиса и впадающему, как известно, в самый неистовый и яростный экстремизм. В данном случае речь идет не о страхах разоряющегося мелкого буржуа, а о панике в рядах заправил мирового капитализма — воротил крупнейших западных монополий и транснациональных корпора-

ций, а также хозяев военно-промышленного комплекса, которые подталкивают своих ставленников в буржуазном государственном аппарате к переходу на крайне агрессивные, ультрареакционные позиции.

Таким образом, воздействие политического экстремизма на современные международные отношения осуществляется как бы на двух, казалось бы, весьма удаленных друг от друга уровнях. С одной стороны, это малочисленные, полуполигальные или просто подпольные экстремистские и террористические организации и группы наемных провокаторов, с другой — государственная политика крупнейших империалистических держав, возводящих методы терроризма в ранг официальной политики. При внешнем различии и несопоставимости этих двух ипостасей современного политического экстремизма их объединяют некоторые глубинные связи, обнажающие их внутреннее родство. Перенесение в сферу внешней политики и международных отношений основных постулатов политического экстремизма приводит к весьма серьезным последствиям, чреватым резким обострением международной обстановки и опасными мировыми конфликтами.

Среди этих постулатов — отрицание как «левыми», так и правыми экстремистами самого важного в международном праве понятия — национального и государственного суверенитета. Пренебрежение этим понятием приводит «левых» экстремистов к обоснованию концепции «мировой революции», которая должна распространиться на весь мир из какого-либо одного очага. Способы ее распространения, по их мнению, могут быть самыми различными — от террористических актов, провоцирующих на «революционный взрыв» народы различных стран и континентов, до мировой «революционной войны», объявляемой империализму с целью его уничтожения.

Авантюристические концепции «экспорта революции» пытаются проповедовать малочисленные последователи маоистов в ряде капиталистических и развивающихся стран, а также троцкисты, исходящие из провокационного тезиса Троцкого: война есть «мать революции». Современные экстремисты объявляют насилие и вооруженные провокации единственным способом борьбы за социальный прогресс и интересы

народов на международной арене, выступают с яростными нападками на политику мирного сосуществования и миролюбивый внешнеполитический курс стран социализма.

Зеркальным отражением этих не только безрассудных, но и попросту безумных в ядерный век идей являются исповедуемые правыми экстремистами и реализуемые во внешнеполитической практике крупнейших империалистических государств концепции «экспорта контрреволюции», попрания суверенитета свободолюбивых народов, избирающих путь независимого развития, демократии и социального прогресса.

Осуществление жандармской политики на мировой арене приобретает различные формы — от шантажа, запугивания и попыток удушения прогрессивных режимов с помощью экономических санкций и блокад до организации заговоров секретными службами, провоцирования государственных переворотов (как это было в Иране и Чили), покушений на государственных и общественных деятелей или организации военных карательных экспедиций (как в Гватемале и Доминиканской Республике, в Чаде и Гренаде). Концентрированным выражением этих концепций, предполагающих по существу отмену суверенности государств и народов в определении путей своего развития, является объявленный американской администрацией «крестовый поход» против коммунизма во всемирном масштабе.

Свойственные большинству экстремистов неприятие идеологической борьбы и намерение заменить ее «прямым противоборством», будучи перенесенными в сферу международной политики, оборачиваются яростной оппозицией концепции мирного сосуществования государств с различным общественным строем и активными попытками спровоцировать две противоположные мировые общественные системы на «выяснение отношений» между собой военным путем. Авантюризм подобных призывов в ядерный век независимо от того, обосновываются ли они стремлением «одним разом» покончить с империализмом или, напротив, обещаниями «оставить коммунизм на пепелище истории», очевиден, ибо их реализация ввергнет мир в глобальную ядерную катастрофу. Но даже

апокалипсическая перспектива мировой войны не смущает идеологов экстремизма.

Объявляя курс на мировую революционную войну, «левые» террористы исходят из категорического отказа от мирного сосуществования. Например, «мировая революционная война» рассматривается японскими террористами как катализатор мировой революции и ее неизбежная предпосылка. Непосредственно из этого постулата вытекает и практическая деятельность террористических групп, которая, как они считают, должна спровоцировать международный конфликт и превратиться в ту искру, из которой «возгорится пламя пожара мировой революции». В заявлении, распространенном итальянскими «красными бригадами» в январе 1982 г. после похищения американского генерала Джеймса Доузера, говорилось: «Кризис капитализма вызывает империалистическую войну. Только антиимпериалистическая гражданская война может положить ей конец». В этом же заявлении говорилось, что «третья мировая война неизбежна и что ее эпицентром станет Европа»³.

По существу разглагольствования «левых» экстремистов относительно «мировой революционной войны» представляют собой закономерное развитие одного из основополагающих тезисов политического экстремизма, пытающегося свести все многообразие форм классовой борьбы исключительно к вооруженному конфликту. Тезис о «мировой революционной гражданской войне», будто бы развертывающейся в мире, якобы по вине социалистических стран, и прежде всего Советского Союза, охотно подхватывают правые экстремисты, а также западные средства массовой информации для оправдания внешней политики империалистических держав. Как утверждает профессор Техасского университета Метин Тамког, «терроризм, как особая форма насилия, является частью широкого всемирного конфликта между Западом и Советским Союзом, к которому примыкают революционные силы из «третьего мира». Этот глобальный конфликт можно рассматривать как «всемирную гражданскую войну», в которой в основном используются замаскированные формы принуждения и насилия»⁴.

Еще одной причиной, которая объясняет настойчивые обращения «левых» экстремистов к внешнеполитическим проблемам, является то, что именно на международной арене со стороны международной общественности рассчитывают они получить поддержку, столь недостающую им в собственных странах. Поле международных отношений рассматривается многими экстремистами как мощный резонатор, способный многократно усилить их слабые голоса и разнести по всему миру, включая их собственные страны, выдвигаемые ими требования. Не случайно все чаще с изложением своих взглядов и «ультиматумов» экстремисты обращаются к общественному мнению своих стран из-за рубежа. Так, в частности, поступали члены западногерманской террористической «группы Баадера — Майнхоф», распространявшие в Риме свое «коммюнике», посвященное захвату самолета «Люфтганзы».

Рассчитывая на максимальный политический и пропагандистский эффект, совершают террористические акции в английских городах представители экстремистского крыла «ирландской республиканской армии» (ИРА). В заявлении, опубликованном в июле 1982 г., после организованного ими взрыва двух бомб, в результате которого погибло 8 человек и свыше 50 было ранено, представители ИРА оправдывали эту акцию ссылкой на 51-ю статью Устава ООН, предусматривающую право государств на самооборону. (Примечательно, что на эту же статью ссылалась М. Тэтчер, оправдывая посылку британских войск на Фолклендские (Мальвинские) острова для ведения боевых действий против Аргентины.)⁵

Апеллируя к международному мнению, экстремисты не только рассчитывают получить эффективный внешний канал для пропаганды своих взглядов. Не надеясь на поддержку со стороны собственных народов, они уповают на то, что помощь любого рода — от пропагандистской до военной — придет к ним извне. В силу этого различные события на международной арене, и прежде всего борьба народов других стран за национальное и социальное освобождение, рассматриваются «левыми» экстремистами прежде всего как возможный фактор воздействия на внутривнутриполитическую обстановку в их собственных странах и как

способ искусственного ускорения внутренних реальных процессов.

Показательно, например, что в 70-х годах многие леворадикальные идеологи искали в опыте освободительной борьбы народов Азии, Африки и Латинской Америки аргументы в поддержку своих тезисов о необходимости использования тактики «партизанской войны» в крупных городах капиталистического Запада. Преклоняясь на словах перед героизмом борцов за национальное освобождение и независимость, они на деле рассматривали свое участие в движениях антиимпериалистической солидарности не как возможность оказать борющимся народам реальную помощь, а лишь как средство «пробуждения революционного сознания» молодежи Запада, приобщения ее к своим левоэкстремистским взглядам.

С особым пылом ополчаются «леваки» на последовательную миролюбивую политику социалистических стран, провозглашенный ими курс на разрядку международной напряженности. Именно псевдолевые группки, упорно твердившие о том, что революционная борьба трудящихся и борьба за мир и разрядку не совпадают, оказывались в одном лагере со злейшими врагами народов, с силами оголтелой реакции, контрреволюции и антикоммунизма. Газета «Морнинг стар» писала об «ультралевых псевдореволюционерах», которые встречают каждый новый успех дела мира как предательство революции. «Уже не в первый раз, — отмечала газета, — ультралевые независимо от их подлинных намерений попадают в одну компанию с крайне правыми»⁶.

Отсутствие прочной опоры в собственных странах, постоянная зависимость от внешней поддержки приводят многих политических экстремистов к той парадоксальной ситуации, когда они предпочитают действовать не у себя в стране, а за рубежом (японские террористы — в Израиле, венесуэлец «Карлос» — во Франции, западногерманские экстремисты — в Африке).

Довольно часто, совершив то или иное преступление и не имея возможности вернуться на родину, экстремисты оказываются в эмиграции, превращаются в своего рода наемников, услугами которых охотно пользуются не только родственные им экстре-

мистские движения, но и подрывные службы империалистических держав.

Эта провокационная деятельность экстремистских и террористических организаций на международной арене в последнее время выдвигается на первый план. Все чаще и чаще для оправдания своих агрессивных авантур против других народов и развязывания внешнеполитического террора на уровне государственной политики империалистические державы прибегают к услугам провокаторов из числа террористов или выдают за политический терроризм ими самими организованные и инспирированные преступления.

Известно, в частности, что израильская разведка «Моссад» поддерживает тесные связи с террористической палестинской группировкой провокаторов под командованием Абу Нидала. Совершенное от их имени летом 1982 г. покушение на израильского посла в Лондоне было немедленно использовано Израилем в качестве повода для вторжения в Ливан. По такой же схеме вслед за убийством ливанского президента Б. Жмайеля Израилем был осуществлен захват Западного Бейрута и учинена резня в палестинских лагерях Сабра и Шатила. США давно готовили вторжение на Гренаду, не было только конкретного повода. Им стало убийство премьер-министра Гренады М. Бишопа, которое послужило для Вашингтонской администрации сигналом к высадке на Гренаду морской пехоты.

Эти и многие другие примеры показывают, что в наше время активно используемые, а иногда и прямо инспирируемые империалистической реакцией преступления политических экстремистов способны стать орудием опаснейших провокаций против народов, а при определенных условиях могут поставить под угрозу всеобщий мир. В связи с действиями ультрареакционных сил на мировой арене международная обстановка накаляется до такой степени, что достаточно искры провокации, чтобы произошло непоправимое. Таковую искру, как показывает исторический опыт, могут высечь авантюристические акции политических экстремистов.

2. Экспорт террора

В условиях углубляющегося общего кризиса капиталистической системы и продолжающегося ослабления международных позиций империализма правящие круги капиталистических держав испытывают постоянное, неодолимое стремление к социальному реваншу, пытаясь любыми, в том числе самыми крайними, силовыми средствами остановить невыгодные для них исторические перемены. Использование открытого насилия становится тем последним аргументом, к которому прибегает империализм в отчаянной попытке восстановить свои утраченные позиции на международной арене.

Речь идет о глобальной империалистической стратегии, в которой акцент все более делается на применение грубой силы. Мировой империализм, и прежде всего его ударный отряд — империализм США, осуществляет терроризм во внешней политике как непосредственно, так и насаждая либо поддерживая в различных районах земного шара режимы, по своей природе имеющие террористический характер. Эти антинародные, репрессивные, диктаторские режимы широко применяют подавление и террор во внутренней политике и одновременно служат проводниками империалистической политики государственного терроризма на региональном уровне.

Очаги террора, разжигаемые империализмом в разных уголках земного шара, служат единой цели — подрыву процесса международной разрядки, дальнейшему обострению напряженности, подавлению демократических движений, оправданию милитаристского курса наиболее агрессивных кругов мировой реакции. Объектами международного разбоя становятся прежде всего страны и народы, стремящиеся укрепить свою национальную независимость, избавиться от тиранических, проимпериалистических режимов, идти путем социально-экономического прогресса.

Использование американскими правящими кругами методов террора отнюдь не новое явление в истории Соединенных Штатов. Политический террор давно стал для США рядовым инструментом достижения глобальных внешнеполитических целей. «На протя-

жении последних 35 лет, — отмечал сотрудник Центра исследований национальной безопасности США Дж. Маркс, — наше правительство регулярно использовало терроризм в качестве оружия внешней политики»⁷. Превращая терроризм в составную часть официального внешнеполитического курса, правящие круги США непосредственно заимствуют наиболее характерные приемы и методы действий тех самых экстремистов и террористов, против которых, как они утверждают, ведут борьбу в международном масштабе.

Терроризм — это прежде всего насилие. По масштабам его применения во внешней политике Соединенные Штаты не знают себе равных. Заглянем в послевоенную американскую историю. Сразу после окончания второй мировой войны американский империализм приступил к выполнению функций мирового жандарма. В 1946 г. Соединенные Штаты приняли активное участие в разгроме повстанческого движения на Филиппинах. В 1947 г. подавили народное восстание в Парагвае, в 1948 г. организовали интервенцию в Коста-Рику, в 1950 г. жестоко расправились с освободительным выступлением народа Пуэрто-Рико, с 1950 по 1953 г. вели, применяя самые жестокие методы, поработительную войну в Корее. В 1953 г. в Иране в результате организованного ЦРУ США государственного переворота был возвращен на престол шах. После Ирана наступила очередь Гватемалы, Таиланда, Конго, Панамы, Доминиканской Республики и многих других стран, в которых американский империализм военной силой либо руками агентов ЦРУ или его наемников свергал законные правительства, устранял неугодных США лидеров, насаждал террористические, диктаторские режимы. В 1961 г. бесславным поражением в заливе Кочинос обернулась для США попытка организации военной интервенции против Кубы, а в 1964 г. провокация в Тонкинском заливе ознаменовала начало погружения Вашингтона в гибельную пучину агрессивной войны в Индокитае.

Всего, по весьма приблизительным подсчетам, проведенным в Институте Брукингса (США), в период с 1945 по 1975 г. Соединенные Штаты 215 раз применяли военную силу и угрозу силой для достижения

своих внешнеполитических целей. Что же это такое, как не государственный терроризм в международном масштабе, тем более преступный, что проводится крупнейшей капиталистической державой, обладающей гигантской военной мощью и разветвленным подрывным аппаратом.

За последние годы кривая жертв американского внешнеполитического терроризма резко пошла вверх. В их перечень следует внести тысячи ливанцев и палестинцев, погибших от американского оружия, вложенного в руки израильских террористов либо примененного самими американцами против мирного населения Ливана. К ним следует отнести и многочисленные жертвы преступной интервенции США против Гренады и необъявленных войн, развязанных США и их подручными против Афганистана, Никарагуа, Анголы и других стран мира.

Республиканская администрация открыто провозгласила своим кредо во внешней политике интервенционизм. Как отметил Генеральный секретарь Компартии США Г. Холл, «Рейган — глава правительства, превратившего необъявленные контрреволюционные войны в официальную политику; глава правительства, содержащего огромные армады военно-морских сил в поддержку своей дипломатии канонеров. Рейган — тот президент США, который сделал контрреволюционный терроризм важной чертой американской внешней политики»⁸.

Органической частью внешнеполитической практики США стало использование таких типичных для террористов приемов, как шантаж. Характерным примером может служить интервенция против Гренады, целью которой была не только оккупация этого беззащитного острова, но и запугивание других стран Центральной Америки, и прежде всего Никарагуа и Кубы. Своеобразным способом захвата заложников стала широко применяемая Вашингтоном практика провозглашения отдельных стран и районов земного шара «зоной жизненных интересов» США, для «защиты», т. е. оккупации, которых планируется использовать специально созданные «силы быстрого развертывания» и различные «антитеррористические» подразделения вооруженных сил США. «Мы должны возродить, активизировать и укрепить войска специ-

ального назначения, — декларирует разработанный в 1982 г. документ Пентагона «Директивы в области обороны на 1984—1988 финансовые годы», — чтобы продемонстрировать мощь Соединенных Штатов там, где применение обычных вооруженных сил было бы преждевременным, неуместным или невозможным».

Обширная программа создания и интенсивной подготовки этих жандармских отрядов, предназначенных для нанесения «упреждающих ударов» по источникам «террористической опасности» в любой точке земного шара, была объявлена президентом США, подписавшим в апреле 1984 г. директиву № 138, которая санкционирует проведение Вашингтоном политики своего рода «превентивного терроризма». Эта директива «узаконивает» под предлогом борьбы против «международного терроризма» курс США на ведение тайной войны против национально-освободительных и прогрессивных движений в различных частях света. Она представляет собой прямое продолжение и эскалацию американской политики международного насилия.

Еще в 1982 г. Пентагон объявил о создании специального военного командования для реагирования США на «повстанческие движения» в Азии, Африке и Латинской Америке. Как сообщила «Нью-Йорк таймс», цель его создания — «установление контактов с диссидентами за линией фронта, обучение их партизанским действиям, саботажу, террору. В ведении этого командования находится секретное «анти-террористическое» подразделение в Форт-Брагге, а также другие контингенты специальных войск, расквартированные в штатах Массачусетс, Джорджия, Вашингтон, в Панаме и Западной Германии». Речь идет, таким образом, о создании под фальшивой вывеской борьбы с «международным терроризмом» управляемой из Вашингтона всемирной полицейской службы, предназначенной для сохранения и наведения угодных Соединенным Штатам порядков на большей части земного шара.

Основным органом американского правительства, профессионально специализирующимся на осуществлении различных акций внешнеполитического терроризма (подготовка и выполнение подрывных и диверсионных актов против других стран, покуше-

ния на иностранных государственных деятелей и т. д.), является Центральное разведывательное управление. «Этот орган американского правительства, — отмечалось в редакционной статье «Нью-Йорк таймс» от 22 ноября 1975 г., — был причастен к действиям, непростительным по любым нормам международной дипломатии и морали»⁹.

В списке преступных дел ЦРУ можно найти самые разнообразные образцы террористических действий — от политических убийств и секретных войн с целью дестабилизации общественной жизни демократических государств до организации заговоров, похищений, ведения психологических войн, сотрудничества с мафией. Соединенные Штаты «были причастны к нескольким заговорам с целью убийства», говорилось в докладе сенатской комиссии США (ее возглавлял сенатор Ф. Черч), которая свела свое расследование к изучению пяти наиболее шумевших случаев террористического разбоя ЦРУ в Конго, Доминиканской Республике, Чили, Южном Вьетнаме и на Кубе¹⁰. На самом деле следы преступного вмешательства в чужие дела оставлены ЦРУ по существу на всей политической карте мира.

Американский журнал «Ю. С. ньюс энд уорлд рипорт» писал в ноябре 1977 г., что только с 1961 по 1975 г. ЦРУ провело около 900 крупных тайных операций против отдельных «нежелательных» деятелей и правительств. Как отмечается в книге французского автора А. Герена «Люди ЦРУ», американские секретные агенты подвергали травле или убивали большинство из тех, кто представлял потенциальную угрозу политической линии правительства США независимо от того, были они коммунистами, социалистами или националистами¹¹. В начале 60-х годов ЦРУ создало специальное подразделение, предназначенное для осуществления убийств иностранных деятелей. Его задачи состояли в «поиске» потенциальных агентов-исполнителей и «исследовании» методов убийств, которые могут быть применены. Главными объектами покушений являлись фигуры, мешавшие осуществлению американских политических целей.

Длинен список жертв ЦРУ: в Латинской Америке — Че Гевара, президент Чили Сальвадор Альенде, верховный главнокомандующий чилийских воору-

женных сил Рене Шнейдер, чилийский посол в США Орландо Летельер, чилийский генерал Карлос Пратс, президент Боливии генерал Хуан Торрес; в Африке — премьер-министр Конго Патрис Лумумба, Генеральный секретарь Африканской партии независимости Гвинеи и Островов Зеленого Мыса Амилкар Кабрал, лидер освободительной борьбы народов Мозамбика Эдуардо Мондлане; в Азии — премьер-министр Шри-Ланки С. Бандаранаике и др. ЦРУ приложило руку к заговорам против президента Египта Гамаль Абдель Насера, президента Индонезии Сукарно, президента Кипра архиепископа Макариоса. 24 раза агенты ЦРУ устраивали покушения на Фиделя Кастро.

Выступая на VI конференции глав государств и правительств неприсоединившихся стран в 1979 г., Ф. Кастро заявил: «Прекрасно известно, официально признано и опубликовано в Соединенных Штатах, что власти этой страны годами не прекращали методических попыток организовать убийство руководителей кубинской революции, пуская в ход наиболее изощренные средства из арсенала заговоров и преступлений». Связанные с этим факты расследовались и были преданы гласности американским сенатом, однако правительство Соединенных Штатов до сих пор не снизошло до того, чтобы попросить извинения за эти злонамеренные и варварские акции. И не мудрено, ведь извиняться пришлось бы за решения и конкретные действия высших руководителей Соединенных Штатов. Большинство убийств или попыток совершить убийства руководителей развивающихся стран, осуществленных ЦРУ, было санкционировано президентами США, говорится в книге научного сотрудника Делийского университета С. Кумара, озаглавленной «ЦРУ и третий мир»¹².

Покушения и убийства «нежелательных» иностранцев составляют часть политики государственного терроризма, которую проводит руками ЦРУ правительство США. Эта тщательно скрываемая сторона деятельности ЦРУ в 50-х годах получила туманное наименование «тайные операции». Как писал бывший агент ЦРУ Ф. Эйджи, «в своих действиях ЦРУ тяготело к тайным акциям — финансированию дружественных политических деятелей, убийствам

подозреваемых противников, осуществлению государственных переворотов»¹³.

В настоящее время тайные операции ЦРУ подняты администрацией США до уровня официальной государственной политики. Об этом сообщил президент Рейган в ноябре 1983 г.: «Правительство, которое считает, что его интересы могут быть наилучшим образом защищены с помощью тайных операций, имеет на них право»¹⁴.

Вот как характеризует деятельность Центрального разведывательного управления США видный ирландский государственный и общественный деятель, лауреат Нобелевской и Ленинской премий мира Шон Макбрайд: «ЦРУ действует как секретная мафия, организующая политические убийства, развязывающая войны в других странах, создающая формирования из наемников для свержения законных правительств и дестабилизации неугодных ему обществ, правительств и организаций. В большинстве случаев организованные ЦРУ тайные акции имели целью оказать поддержку в установлении или увековечении жестоких, прогнивших и антидемократических диктатур, примерами могут служить Вьетнам, Кампучия, Лаос, Греция, Чили, Сальвадор, Никарагуа, Бразилия и Аргентина»¹⁵.

Сегодня ЦРУ направляет усилия на активизацию кубинских эмигрантов, бесперебойное снабжение оружием контрреволюционных банд в Афганистане, тайную поддержку антиправительственных сил в Анголе, вооружение остатков полпотовских банд для подрывных действий против законного правительства Кампучии, организацию бандитских вылазок и диверсий на территории революционной Никарагуа. Прямой уликой, подтверждающей ведение Центральным разведывательным управлением террористической деятельности, направленной на свержение законного правительства Никарагуа, явилось обнародование так называемой «Инструкции по ведению психологических операций в партизанской войне», изготовленной экспертами ЦРУ для никарагуанских контрреволюционеров. Данные факты свидетельствуют о том, что это злое ведомство расширяет масштабы «тайных операций» под предлогом «борьбы против терроризма».

Одним из самых распространенных приемов подрывной деятельности ЦРУ против развивающихся государств является использование наемников. Лицемерно выступая против «международного терроризма», США оказывают материальную и политическую поддержку террористическим группам и формированиям профессиональных убийц, используемых против национально-освободительных движений и независимых национальных государств. Активно привлекают наемников для борьбы против прогрессивных независимых государств и другие империалистические державы — члены НАТО. «Солдаты удачи» широко использовались империализмом для поддержки сепаратистских движений в Нигерии и Анголе.

Следует напомнить: в 1974 г. ООН определила, что «засылка вооруженных банд, групп, иррегулярных сил и наемников, которые применяют вооруженную силу против другого государства», считается актом агрессии. Специальный комитет ООН по разработке международной конвенции, запрещающей вербовку, использование, финансирование и обучение наемников, подготовил для XXXVI сессии Генеральной Ассамблеи ООН доклад, в котором был сделан вывод о том, что наемничество представляет собой угрозу международному миру как опасное проявление терроризма.

География террористических происков ЦРУ, разумеется, не ограничивается развивающимися странами. Постоянной мишенью американских подрывных служб остаются социалистические государства. Уместно вспомнить, что начиная с 1947 г. — времени создания ЦРУ — ее руководители считали ведение подрывной работы против стран социализма одной из своих главнейших задач. Бывший начальник контрразведывательного отдела ЦРУ Дж. Эглтон признал, что это ведомство на протяжении многих лет занималось созданием и подготовкой тайных полувоенных формирований с целью их последующей переброски на территорию социалистических стран Европы для провоцирования так называемых национальных восстаний и свержения социалистического строя в этих странах. Еще в октябре 1951 г. президент США подписал закон о взаимном обеспечении безопасности, одна из статей которого предусматривала ассиг-

нование в размере до 100 млн. долл. на финансирование «любых отобранных лиц, проживающих в Советском Союзе, Польше, Чехословакии, Венгрии, Румынии, Болгарии и Албании... или лиц, бежавших из этих стран, либо для объединения в подразделения вооруженных сил, поддерживающих организацию Североатлантического договора, либо для других целей»¹⁶.

Не обойдены вниманием ЦРУ и страны Западной Европы, включая ближайших союзников Соединенных Штатов. США активно экспортируют терроризм в другие капиталистические страны, где ЦРУ поддерживает как ультраправых, так и, когда это выгодно, левацких экстремистов. Одним из излюбленных методов провокаций, к которым прибегают американские тайные службы в этих странах, является проникновение их агентов в экстремистские организации, манипулирование этими органами в целях обострения социально-политической обстановки, компрометации левых сил и смещения вправо оси политической жизни.

В конце 1978 г. испанский журнал «Триумфо» и итальянский «Эуропео» обнаружили и предали гласности секретную инструкцию Пентагона и ЦРУ «М-30-31» о засылке специальных агентов в различные радикальные организации. В начале 1960 г., писал журнал «Эуропео», когда первые левацкие группировки стали уходить в подполье и устанавливать международные связи, американские специальные службы приняли решение о проникновении в эти группы с целью подтолкнуть их на террористические акции.

В книге «Подлинные властители мира» бывший агент ЦРУ Л. Гонсалес-Мата приводит выдержки из «Полевого учебника для секретных служб, участвующих в операциях по стабилизации», составленного под редакцией генерала Уэстморленда. Глава IV этого учебника посвящена методике проникновения в повстанческие движения. «...Секретные службы, — говорится в этой главе, — должны обеспечивать инфильтрацию специальных агентов в подрывные течения с заданием создавать группы действия из наиболее радикальных элементов. Эти группы под контролем секретных служб начнут насильственные или — в за-

висимости от обстоятельств — иные акции... Использование крайне левых организаций может привести к искомой цели»¹⁷. «Чем как не осуществлением этих директив, — пишет Гонсалес-Мата, — явились многочисленные «революционные» террористические акты в Италии, во Франции и в Испании»¹⁸. Комментируя этот документ, выходящий в Мадриде еженедельник «Триумфо» писал, что изложенные в нем инструкции американским агентам исключительно важны для объяснения событий, кризисов и разгула терроризма в последние годы в различных регионах мира.

Неразрывной составной частью мировой системы империалистического принуждения, осуществляемого по отношению к другим народам, являются режимы государственного терроризма, такие, как кровавые антинародные диктатуры в Чили, Парагвае, Гватемале, на Гаити и в целом ряде других стран, насажденные империалистическими державами. Эти щедро оплачиваемые и вооружаемые в первую очередь Соединенными Штатами тиранические режимы играют роль тюремщиков и палачей для своих народов, переводя внешнеполитическое насилие империализма в повседневную внутреннюю политику, возводя террор в систему государственного правления.

Наиболее варварский облик эта политика приняла в некоторых странах Центральной и Латинской Америки. В качестве предлога для насаждения здесь жесточайшего террора используется, разумеется, борьба с «советским» или «кубинским терроризмом», который, как утверждают вашингтонские руководители, является единственной причиной подъема национально-освободительной борьбы народов в этих странах. Под этим предлогом, писал в газете «Вашингтон пост» бывший посол Соединенных Штатов в Доминиканской Республике Дж. Мартин, за последнее столетие США осуществили 199 необъявленных военных агрессий за границей, причем 81 из них — в Латинской Америке.

Правые силы, стоящие у власти в странах Центральной и Латинской Америки, рассматривали приход ультраконсервативной республиканской администрации к власти в США как благоприятную возможность для усиления репрессий против демократических сил и народов своих стран, как это сделал

чилийский диктатор Пиночет. Пример Чили весьма характерен. Именно против этой страны американский империализм применил весь арсенал подрывных, террористических методов при организации государственного переворота с целью насильственного свержения законно избранного правительства Сальвадора Альенде и установления в стране кровавой военно-фашистской диктатуры. Признание многих деталей этой грязной операции содержится в «Докладе специальной сенатской комиссии по расследованию деятельности разведывательных органов», опубликованном в 1975 г.¹⁹ Из доклада явствует, что в сентябре 1970 г. в ходе встречи с директором ЦРУ Хелмсом Никсон объявил, что избранный чилийцами «режим Альенде» в Чили будет «неприемлем для Соединенных Штатов», и поручил ЦРУ организовать в этой стране военный переворот, с тем чтобы помешать С. Альенде вступить на пост президента страны.

За три года (1970—1973) пребывания у власти правительства Народного единства ЦРУ израсходовало 8 млн. долл. на ведение подрывной, антиправительственной деятельности в Чили и подготовку фашистского переворота. Разведслужбами США и ультраправыми чилийскими организациями 14 раз готовилось покушение на президента страны С. Альенде. В 15-й раз в ходе фашистского переворота в сентябре 1973 г. он был убит. Та же судьба постигла многих его соратников. Итогом подготовленного и оплаченного США переворота в Чили явились 30 тыс. убитых, более 200 тыс. арестованных и подвергнутых пыткам, десятки тысяч брошенных в тюрьмы и концлагеря, свыше 1 млн. бежавших от зверств хунты в соседние страны. Приведенный к власти усилиями США фашистский режим в Чили превратил страну в плацдарм для подготовки и осуществления террористических акций против демократических движений и прогрессивных деятелей других стран Латинской Америки.

Беспрецедентной акцией международного терроризма, проведение которой целиком лежит на совести американской администрации, явилось вторжение США на Гренаду в октябре 1983 г. Мир был буквально потрясен неспровоцированной агрессией одной из крупнейших военных держав против крошечного го-

сударства с территорией 344 кв. км. Отвергая надуманные тезисы Вашингтонской администрации, пытавшейся представить Гренаду в качестве «опорной базы международного терроризма», от которой якобы исходила угроза соседним странам Центральной Америки, министр иностранных дел Мексики Бернардо Сепульведа заявил в интервью французской газете «Фигаро»: «Не было никаких доказательств того, что на Гренаде находились кубинские или советские военные сооружения»²⁰.

подавляющее большинство стран — членов ООН, в том числе и союзники США по НАТО, решительно осудили террористическую акцию США против Гренады. 11 членов Совета Безопасности ООН проголосовали за резолюцию, в которой эта вооруженная интервенция расценивалась как грубое нарушение международного права, принципов независимости, суверенитета и территориальной целостности этого государства. Чтобы не допустить ее принятия, представителю США при ООН пришлось применить право вето.

По своей сути эта грубая пиратская акция американского империализма далеко выходит за рамки преступного насилия над одним государством. Непосредственно после ее осуществления глава Белого дома изложил доктрину, в которой утверждалось, что США якобы имеют право на вмешательство, включая военное, вплоть до свержения неугодных официальному Вашингтону режимов в любом районе мира, если он является для США «жизненно важным». Последнее определяют сами США. Любой процесс, происходящий в той или иной стране, по усмотрению США может быть оценен как проявление политического, идеологического и военного противоборства между Востоком и Западом. Такая оценка в свою очередь может служить поводом для агрессии и оправданием вмешательства США.

Интервенция против Гренады явилась претворением в жизнь доктрины международного разбоя и государственного терроризма, ставшей официальной политикой Вашингтона. Вторжение на Гренаду можно расценивать как пробный шаг администрации США на пути к широкому использованию своей военной мощи для установления полного американского диктата в западном полушарии и по возможности в дру-

гих районах мира, которые Вашингтон считает стратегически важными, а также для подавления национально-освободительных движений.

На карте мира немало стран, в которых террор превращен в государственную политику, как, например, в ЮАР. В 1981 г. Международная комиссия по расследованию преступлений расизма и апартеида на юге Африки объявила правительство ЮАР режимом государственного терроризма. Пособниками этого террористического режима выступают страны НАТО, и прежде всего США. В марте 1981 г. 50 африканских стран — членов ООН опубликовали заявление, в котором подчеркивалось, что открытая поддержка вашингтонской администрацией южноафриканского режима является поощрением политики «государственного терроризма», осуществляемой властями Претории, и пособничеством расовому угнетению коренного населения Южной Африки. К. Роуэн писал в этой связи в газете «Вашингтон стар»: «Нынешняя администрация, которая заявляет, что она считает борьбу с терроризмом более неотложной задачей, чем борьбу за права человека, заигрывает с бандой фашистов. В ЮАР действует множество террористов старого типа. Белые террористы организуют взрывы бомб в конторах, в театрах и во многих других местах, куда допускаются представители всех рас, и угрожают смертью видным африканским деятелям»²¹.

Поощрение расистского режима Претории тем более опасно, что в ЮАР ведется интенсивная работа над созданием атомного оружия. По сообщениям английской печати, вокруг Йоганнесбурга созданы пусковые шахты для ракет, которые могут быть направлены на столицы независимых африканских государств. Нетрудно предвидеть, что произойдет, если ядерное оружие, в немалой степени благодаря пособничеству западных государств, окажется в руках режима государственного терроризма.

Еще один очаг неприкрытого террора, воплощенного в государственную политику, расположен на Ближнем Востоке. Его источником является агрессивная антиарабская политика правящей верхушки Израиля. Терроризм издавна был инструментом политики сионистских и израильских руководителей: еще в 40-х годах террористическая группа «иргун цвей

леуми», возглавлявшаяся Менахемом Бегинем, осуществила взрыв в иерусалимском отеле «Кинг Дэвид», в результате которого погибло около 100 человек. Затем последовало нападение на палестинскую деревню Дейр-Ясин, где жертвами резни стали 252 человека — преимущественно старики, женщины, дети. Осенью 1948 г. группа израильских террористов застрелила посредника ООН в Палестине — шведского графа Бернадота и его адъютанта — французского полковника. В декабре 1968 г. израильская десантная группа на аэродроме в Бейруте уничтожила 13 пассажирских самолетов, принадлежащих государственной авиакомпании Ливана.

Для совершения террористических акций против палестинского движения сопротивления израильское правительство организовало специальную вооруженную группу. Ее задача — убийство палестинских лидеров и организация террористических актов против сотрудников представительств ООП в странах Западной Европы. Сионистские террористы совершили десятки убийств, взрывов посольств арабских стран и представительств ООП, обстрелов и взрывов дипломатических и коммерческих представительств СССР и других социалистических стран, сбивали гражданские самолеты в воздухе, захватывали заложников.

Практика индивидуального террора израильских экстремистов сочетается с широкомасштабными военными операциями. За время своего существования государство Израиль неоднократно выступало зачинщиком агрессивных грабительских войн. Оккупация им арабских земель сопровождалась актами массового насилия в отношении арабского населения. Не прекращаются эти террористические действия по отношению к населению захваченных земель и соседних арабских стран и в наши дни.

Вопиющим актом агрессии и террора стало осуществленное летом 1982 г. широкомасштабное вторжение Израиля в Ливан, превратившееся по существу в очередную, пятую по счету войну против арабских народов. В этот период израильское правительство возглавлял лидер уже упоминавшейся сионистской террористической организации «иргун цвей леуми» М. Бегин, который писал в 1938 г.: «Мы стоим на пороге третьей фазы сионизма: после «практическо-

го» и «политического» сионизма настало время для «военного» сионизма. Постепенно военные и политические концепции сольются»²².

Вторжение в Ливан явилось кульминацией агрессивной политики сионистских кругов Израиля. Тысячи убитых и раненых женщин, стариков, детей, сожженные города и деревни, школы и больницы, кровавые злодеяния в палестинских лагерях Сабра и Шатила — таков далеко не полный список «итогов» этой израильской «антитеррористической операции». Спасаясь от агрессора, более полумиллиона людей покинули родные места. Ущерб, нанесенный ливанской экономике, оценивается в 12—15 млрд. долл. — цифра астрономическая для страны с трехмиллионным населением.

Несмотря на то что Тель-Авив открыто осуществляет агрессивные террористические акции, Вашингтон снабжает его оружием и обеспечивает ему политическое прикрытие. Так обнажается логика подлинного терроризма. Израиль использует террористов-provokаторов для оправдания давно запланированного вторжения в независимое соседнее арабское государство. США используют государственный терроризм Израиля для того, чтобы перекроить в своих интересах политическую карту Ближнего Востока.

В политике Израиля, пожалуй, с наибольшей наглядностью сливаются воедино оба рукава кровавого потока политического терроризма: государственной политики, возводящей террор в разряд неприкрытого геноцида по отношению к палестинскому и арабскому населению, и террористических акций секретных служб. Оккупация арабских земель рассматривается израильскими экстремистами как недостаточно радикальная мера борьбы против арабов. Своей целью они ставят либо полное изгнание арабов с их собственной земли, либо их уничтожение, как это делали нацисты по отношению к русскому, еврейскому и другим народам.

С благоволения властей в Израиле действуют ультраправые религиозно-террористические секты, такие, как «Гуш Эмумим», «террором за террор» и др. В апреле 1984 г. члены одной из этих организаций планировали взрыв шести автобусов с паломниками, посетившими знаменитую мечеть Эль-Акса.

Жертвами предотвращенного в последнюю минуту взрыва должны были стать сотни палестинских школьников, а также французских и западногерманских туристов²³. Доказано также, что израильские секретные службы снабжали оружием террористов из итальянских «красных бригад». Так замыкается порочный круг терроризма, исчезают различия между террористами «красными» и черными, теми, кто восседает в правительственных кабинетах и президентских дворцах, и теми, кто прячет свои лица под вязаными масками и капюшонами ку-клукс-клана.

3. В поисках алиби

Пытаясь найти выход из многочисленных тупиков, в которые регулярно загоняют себя империалисты, проводя политику «с позиции силы», американская администрация принимается искать «корень зла» и находит его в существовании «империи зла» — Советского Союза. Это спасительное «открытие» позволяет администрации объяснять все американские злоключения в мире «происками Москвы», чья «рука» якобы обнаруживается во всех антиимпериалистических и национально-освободительных движениях, которые будто бы создают прямую угрозу для безопасности Соединенных Штатов. «Мрачный мир международного терроризма,— писала газета «Вашингтон пост»,— неожиданно выдвинулся на первый план в американской внешней политике. Это, по-видимому, один из аспектов попытки расширить представление о «советской угрозе» интересам Соединенных Штатов,— угрозе, которую обычно видели прежде всего в советской военной мощи»²⁴.

Тезис о «международном терроризме», организуемом и вдохновляемом Советским Союзом, не случайно был выдвинут нынешней администрацией США. Он послужил ей для оправдания резкого поворота во внешней политике Соединенных Штатов в сторону экстремистского, авантюристического, антисоветского курса и обеспечения своего рода политического алиби. На деле же именно имперская программа установления американского мирового господства, выдвинутая крайне правыми кругами правящей элиты США, нашла ныне воплощение в агрессивном

внешнеполитическом курсе этого империалистического государства. Очередная антисоветская кампания, которую пытаются развязать США и их приспешники под лозунгом борьбы против «международного терроризма», представляет собой вопиющее лицемерие, ибо исходит от руководителей государства, которое в наибольшей степени повинно в возведении политики насилия и террора в ранг повседневной внешнеполитической практики.

Западные средства массовой информации и буржуазные политики прилагают немало усилий к тому, чтобы представить политический терроризм как следствие «внешнего заговора», как инструмент подрыва социальной стабильности «свободного мира». Инструментом этим якобы манипулируют иностранные державы (прежде всего социалистические страны). В многочисленных публикациях, посвященных разгону терроризма в капиталистических странах, делаются настойчивые попытки изобразить членов самых разнообразных экстремистских и террористических группировок и организаций на Западе — от итальянских «красных бригад» и западногерманских членов РАФ до ирландских экстремистов и различного рода сепаратистских движений (басков, корсиканцев, бретонцев и др.) — членами тайного «террористического интернационала», деятельность которого направляется будто бы из Москвы.

Этой теме посвящена большая литература, малопочтенными образцами которой можно считать написанное под диктовку ЦРУ «исследование» американской журналистки Клэр Стерлинг «Сеть террора», охарактеризованное американским журналом «Каверт экшн» как «библия для дезинформаторов»²⁵, и вышедшую в Париже книгу известного правого французского политолога Эдуарда Саблие «Красная нить»²⁶. Антисоветские измышления, содержащиеся в этих публикациях, активно пускаются в широкий пропагандистский оборот, внедряются в сознание населения западных стран и нередко заимствуются некоторыми политическими и даже государственными деятелями.

Утверждениями об «управляемых извне» террористах начинены и доклады так называемой сенатской «комиссии по безопасности и терроризму», председа-

телем которой является американский сенатор Дж. Дентон. О международном террористическом «заговоре» говорится и в специальной резолюции о «международном терроризме», принятой на лондонском совещании глав государств и правительств семи капиталистических стран в июне 1984 г. Папа Иоанн Павел II в одном из своих посланий также упоминает о «международной сети» терроризма, которая «пользуется поддержкой или поощрением со стороны той или иной державы». Он утверждает при этом, что «террористические акции являются элементом коварной сети международных интриг, преследующих глобальные цели»²⁷.

Настойчивые попытки представить различные проявления политического насилия в капиталистическом мире в виде разновидности подрывных действий «диверсантов», поощряемых из-за рубежа, объясняются рядом причин. Во-первых, стремлением снять с капиталистических стран ответственность за порождение и активное использование этого опасного социального феномена, желанием замаскировать его корни, уходящие в социальные отношения буржуазного общества. Во-вторых, намерением бросить тень на внешнюю политику социалистических стран, прежде всего Советского Союза, и прогрессивных развивающихся государств.

Удобная версия о «внешнем» происхождении терроризма приобретает самые различные, подчас просто карикатурные формы. «Тайное руководство» различными террористическими организациями поочередно, а иногда и одновременно приписывается и ливийским руководителям, и палестинским лидерам, и таинственному венесуэльцу «Карлосу», и, наконец, просто мистическому и зловещему «старцу», обитающему где-то в Западной Европе. Однако настойчивее всего буржуазная печать, а также определенные политические круги в западных странах стремятся доказать, будто все тайные нити сети «международного терроризма» ведут в столицы социалистических стран — Гавану, Софию или Москву. «Там, где процветает терроризм, — заявлял Ионас Александер из Центра стратегических и международных исследований в Вашингтоне, — почти всегда замешаны интересы Москвы»²⁸.

Способ «доказательства» этих абсурдных измышлений весьма прост. Вот как он выглядит в описании американского журнала «Каверт экшн»: «Если террорист является открыто левым, то его контролирует Москва. Если террорист является открыто реакционным (из правого лагеря), то он тайно относится к красным и его контролирует Москва. Если примененное оружие советского производства, то это служит достоверным доказательством контроля над таким террористом Москвы. Если примененное оружие было натовского производства, то это значит, что оно было захвачено «красными бригадами» на какой-то базе НАТО. Сами же бригады контролируются Москвой»²⁹. И так далее.

Практически после каждой крупной политической провокации, имевшей место в последние годы в Италии, в итальянской печати поднималась явно инспирированная крайне правыми кругами, а также иностранными спецслужбами, в первую очередь ЦРУ, клеветническая кампания, призванная доказать наличие «заговора», исходящего из социалистических стран и направленного на дестабилизацию внутривнутриполитической обстановки в Италии и в целом на Западе.

В самой Италии некоторые политические деятели начали с серьезным видом утверждать, что разъедающая страну проказа черно-«красного» терроризма, оказывается, занесена из «сопредельных со странами НАТО» (читай: социалистических) стран. Делались даже попытки приписать Советскому Союзу и руководство деятельностью «красных бригад», и подготовку террористов в специальных лагерях, и даже ответственность за убийство А. Моро. «Никто не может сомневаться в наличии тайных намерений дестабилизировать систему военно-политического союза, связывающего Италию с другими западными демократиями»³⁰, — утверждал в интервью газете «Фигаро» бывший премьер-министр Италии Джованни Спадолини.

Утверждениям некоторых итальянских политиков, уводящим в сторону дискуссию по вопросу о подлинной природе политического экстремизма в Италии и тайных пружинах, приводящих в действие различные террористические организации, противостоит ясная позиция итальянских коммунистов, представите-

лей других демократических сил страны. «Было бы абсурдным,— писала газета «Унита»,— представлять итальянский терроризм как продукт импорта, как какой-то иностранный легион убийц на нашей территории... Базы терроризма, его корни находятся в Италии, его истоки — в итальянском кризисе»³¹. «Для того чтобы покончить с терроризмом и ликвидировать влияние, которое террористические организации, несмотря на жестокие удары, нанесенные им, все еще оказывают на некоторые группы, совершенно необходима борьба за оздоровление страны, потому что самые глубокие корни (терроризма.— А. Г.), которые необходимо вырвать,— это, несомненно, отчаяние и отсутствие веры, порожденные экономическим, социальным и моральным кризисом»³²,— заявляют коммунисты.

Несмотря на абсурдность попыток возложить ответственность за преступления террористов на социалистические страны, спекуляции на эту тему не утихают. Новую волну клеветнических обвинений насчет «причастности» социалистических стран (на этот раз Болгарии) к политическим преступлениям террористов на территории Италии подняло совершенное в мае 1981 г. турецким неофашистом А. Агджой покушение на папу Ионна Павла II.

Некоторые круги в Италии, а также в других странах НАТО попытались приписать ответственность за это покушение, совершенное пойманным на месте преступления турецким террористом, гражданину социалистической Болгарии, служащему авиакомпании «Балкан» С. Антонову. Примечательно, что версия о «болгарском следе» в деле покушения на папу возникла уже после того, как турецкий неофашист был осужден на пожизненное заключение и помещен в итальянскую тюрьму, где он стал объектом совместной обработки итальянских и американских спецслужб, а также главарей мафии, традиционно, еще со времен второй мировой войны, выступающих в роли посредников между американскими разведслужбами и итальянским преступным миром.

Обвинение против С. Антонова основывалось на ложном оговоре его со стороны Агджи, который вскоре после этого был уличен в даче ложных показаний. Тем самым подтвердилось, что обвинение против Ан-

тонова не обосновано ни фактически, ни юридически. Если же учесть, что, несмотря на полную надуманность этого «дела», С. Антонов в течение длительного времени продолжал оставаться в итальянской тюрьме, станет ясно, что подоплека этой грубой диверсии против гражданина социалистического государства сугубо политическая. Не случайно в течение всего периода расследования «новых показаний» Агджи в западной печати велась интенсивная кампания клеветы против политики социалистических стран, цель которой состояла в том, чтобы превратить «дело» о покушении на папу римского в политический процесс против социалистических стран, доказать их «причастность» к терроризму.

Интенсивная пропагандистская кампания против социалистических стран, развертываемая по инструкциям Вашингтона, красноречиво показывает, в чьих интересах на самом деле произвел свои выстрелы Агджа, были проведены многие другие террористические акции и провокации, предпринятые политическими экстремистами в Западной Европе за последние годы. Развитие событий, вызванных террористическим актом Агджи, лишней раз подтверждает уже высказывавшуюся нами оценку терроризма прежде всего как орудия политических провокаций, подлинный смысл и направленность которых могут не иметь ничего общего ни с объявленными мотивами действий самого террориста, ни с личностью его жертвы.

Проникновение в различные экстремистские и террористические организации как правого, так и левого толка давно является одним из распространенных методов действий ЦРУ и других американских разведывательных и специальных служб на Европейском континенте. Речь идет не только о внедрении в эти организации агентов-осведомителей, занятых сбором интересующей Вашингтон информации, но и об активном манипулировании деятельностью этих организаций, о привлечении их к обслуживанию внешней политики США.

«Активные мероприятия» разветвленной агентуры ЦРУ в Западной Европе нередко направлены именно на то, чтобы в политической жизни отдельных западноевропейских стран, особенно там, где сильны левые силы, создавать «чрезвычайные», «кризисные»

ситуации, которые оправдывали бы операции «по наведению порядка» местными правыми силами или создавали повод для прямого вмешательства самих США. Экстремистские и террористические организации различной окраски играют в этом плане роль активного пособника империалистических разведок.

Генерал Уильям Ярборо, руководитель специальных операций ЦРУ, признавал в 1978 г.: «Так называемый «беспорядочный» (слепой) терроризм является тактикой, выработанной ЦРУ совместно с различными атлантическими организациями. Эта тактика используется главным образом как кардинальный элемент для разных программ, имеющих целью дестабилизировать правительства и убедить население согласиться на установление сильного полицейского государства»³³. Подобная диверсионная тактика неоднократно применялась американскими спецслужбами в целом ряде стран Западной Европы.

Так, в мае 1968 г. ЦРУ пыталось использовать экстремизм левацких студенческих лидеров во Франции для того, чтобы нанести удар по позициям президента де Голля. Вот как формулировал представитель американской разведки задачи, поставленные перед агентами ЦРУ, которым поручалось внедриться в экстремистские французские организации: «Речь идет не об облегчении взятия власти левыми, а о том, чтобы, поощряя беспорядки, создавая инциденты между демонстрантами и силами порядка, спровоцировать реакцию «молчаливого большинства» Франции перед лицом опасности, которая побудила бы де Голля изменить политику, отдалиться от восточных стран, вернувшись в рамки союзной с США Европы. С помощью давления правых возможно также заставить де Голля уйти в отставку, освободив место правительству, с которым будет легче найти взаимопонимание...»³⁴

В Испании ЦРУ использовало действия экстремистской организации сепаратистов — басков, чтобы свести политические счета с тогдашним премьер-министром Карреро Бланко, не устраивавшим американцев. О точной дате убийства Бланко был информирован А. Хейг, занимавший тогда пост помощника президента Соединенных Штатов³⁵.

Особенно глубоко щупальца американских под-

рывных служб запущены в политическую почву Италии. Дополнительные возможности для активного воздействия тайных ведомств США на внутривнутриполитическую обстановку в этой стране создает наличие наряду с разветвленной сетью экстремистских организаций системы организованной преступности (сицилийской мафии и неаполитанской каморры), имеющей тесные связи с американскими «коллегами». Связанные с масонской ложей «П-2» неонацисты были замешаны в таких террористических акциях, как взрыв поезда «Италикус» и вокзала в Болонье, убийство в 1976 г. римского судьи В. Оккорсио и др. Они же поддерживали тесные связи с ЦРУ и натовскими спецслужбами, которые используют масонов как один из каналов воздействия на леваков и «красных» террористов³⁶.

В особенно тугой и запутанный клубок слились все эти нити в трагическом «деле Моро». В итальянской демократической печати неоднократно появлялись свидетельства того, что за спиной похитивших и убивших этого видного деятеля ХДП «красных бригад» стояло американское ЦРУ. Об угрозах, которые Моро слышал из-за океана не раз, говорила его вдова. Сын Моро на заседании парламентской комиссии по расследованию дела о похищении и убийстве отца заявил, что во время поездки в США Моро получил от одного высокопоставленного американского деятеля предупреждение о нависшей над ним опасности, а заодно и совет отойти от активной политической деятельности. А вот слова самого Моро. В одном из писем, написанных им из «тюрьмы народа» незадолго до смерти, есть такие строчки: «Возможно, в этой жесткой по отношению ко мне позиции скрывается американское или западногерманское влияние»³⁷.

Судьба А. Моро приковывала к себе внимание всей Италии и мирового общественного мнения в течение всех 55 дней его заточения, хотя его похищение было отнюдь не единственным преступлением итальянских террористов в этот период³⁸. Трагедия Моро и сегодня вызывает многочисленные комментарии в силу конкретных политических последствий, которые она вызвала в 1978 г., и того отзвука от них, который слышен еще сегодня. Нельзя, однако, забывать о том, что убийство А. Моро — это лишь одно из многочислен-

ных проявлений отвратительного и преступного альянса между миром политики и миром преступного насилия, сложившегося на Западе и представляющего подлинный заговор мировой реакции против сил мира и демократии.

4. Миф о «международном терроризме»

Одна из главных целей, ради которой изобретаются утверждения о «внешних подстрекателях», «зарубежных центрах» и пресловутой «руке Москвы», якобы направляющей действия «террористов», состоит в том, чтобы оболгать, скомпрометировать движение социального протеста и освободительную борьбу трудящихся и угнетенных народов, лишить ее национальных корней, представить в виде проявлений «международного заговора». Одновременно этот тезис используется для того, чтобы испортить отношения между Советским Союзом и развивающимися государствами, запугать их угрозой «советского терроризма». «Необходимо убедить наиболее влиятельные группы в развивающихся странах, так же как и мировое общественное мнение, в том, что любые тенденции в социальном развитии стран третьего мира, которые идут вразрез с нашим историческим, политическим и экономическим опытом, являются результатом международного терроризма и несут с собой угрозу установления советского господства», — говорится в опубликованном индийском еженедельнике «Линк» документе, автором которого является бывший постоянный представитель США в ООН Дж. Киркпатрик.

С вымыслами относительно «советского терроризма» наиболее громогласно выступают представители тех политических группировок империализма, которые несут непосредственную ответственность за внедрение террористической практики в современные международные отношения. Один из таких «борцов» против терроризма — «палач Бейрута», бывший министр обороны Израиля А. Шарон. В интервью французскому журналу «Нувель обсерватер» он заявил, что главным источником современного «международ-

ного терроризма» является Советский Союз, ибо он «хорошо понял, что в атомную эпоху терроризм является единственной формой войны, которую можно вести без риска спровоцировать ядерный конфликт»³⁹. В этом заявлении, как и в целом в развернутой по указке администрации США клеветнической кампании о причастности СССР к «международному терроризму», проявляется настойчивое стремление империалистических кругов приписать странам социализма, национально-освободительному движению и развивающимся государствам свою собственную грабительскую и захватническую линию поведения на мировой арене.

Поставив знак равенства между освободительной, антиимпериалистической борьбой народов и «международным терроризмом», идеологи империализма стараются оправдать собственные экспансионистские агрессивные действия на международной арене. Развертывая антисоветскую кампанию по вопросу о «международном терроризме», ее организаторы пытались представить СССР, его союзников, национально-освободительные движения в странах Азии, Африки и Латинской Америки в качестве «нарушителей законности и международного правопорядка». «На языке рейгановской администрации,— заявил, выступая на XXVI съезде КПСС, Генеральный секретарь Компартии США Г. Холл,— любая борьба за национальное освобождение, за социализм, любые народные движения и борьба против империализма и реакционных военно-фашистских диктатур именуется «международным терроризмом»...»⁴⁰

Организация правящими кругами США кампании по борьбе с «международным терроризмом» прямо связана с нарастанием напряженности в международных отношениях, провоцируемой империалистическими державами. Раздувание «антитеррористического» психоза в Соединенных Штатах имеет целью заполучить внутривластическую поддержку курса вашингтонской администрации на обострение положения в мире и развертывание гонки вооружений. По оценке американской печати, «антитерроризм» нынешней администрации Вашингтона — это современный вариант антикоммунизма времен «холодной войны», нацеленный на то, чтобы подготовить амери-

канцев к новому раунду интервенции и дальнейшему росту военных расходов.

Нелишне вспомнить, что со времени победы Великой Октябрьской социалистической революции реакционные круги буржуазии постоянно предпринимали попытки обвинить Советский Союз в организации «международного терроризма». В начале 30-х годов особую активность в этом проявляли представители фашистских режимов в Италии и Германии. 27 февраля 1933 г. Геринг, стоя на ступеньках подожженного по его приказу рейхстага, заявил, что в этом террористическом акте повинны коммунисты. «Этот поджог — самый чудовищный террористический акт большевизма в Германии»⁴¹ — так звучало сделанное лично Герингом сообщение о пожаре. Поджог рейхстага явился поводом для пресловутого Лейпцигского процесса, а впоследствии для развязывания чудовищного по масштабам фашистского террора. Во время второй мировой войны нацисты объявляли «террористами» наиболее решительных антифашистов, борцов Сопротивления и советских партизан. Сегодня, следуя рецептам фашистских пропагандистов, международная реакция пытается оправдать собственные экспансионистские и неокOLONиалистские действия, тот подлинный терроризм, который стал неотъемлемой составной частью империалистической внешней политики.

Отождествление национально-освободительных движений с терроризмом — это злонамеренная идеологическая диверсия. С одной стороны, она отражает стремление империалистов лишить народы права вести борьбу за свою свободу, независимость, национальные интересы и суверенитет. С другой — это способ обеспечить алиби тем, кто вознамерился взять курс на политику грубого произвола, диктата и силы в международных отношениях.

Подтасовывая и искажая факты, западная пропаганда заносит в разряд сторонников «терроризма» представителей левых сил, прогрессивных общественно-политических движений и организаций. Это используется правящими кругами империалистических держав для обоснования антинародной политики социальных репрессий и наступления на демократические завоевания трудящихся.

Расширение функций ЦРУ оборачивается для многих американцев усилением слежки, вмешательством в их частную жизнь, возрождением в стране климата маккартизма. Создание в сенате США подкомиссии «по безопасности и терроризму» живо напомнило миллионам американцев о мрачных временах «охоты за ведьмами» и, как писала газета «Монд», «о совсем недавней эпохе, когда ЦРУ преспокойно вскрывало письма граждан, осуществляло нелегальные аресты и внедряло своих агентов в политические организации»⁴².

Не случайно в последнее время обвинение в «терроризме» все чаще обращается буржуазной пропагандой против антивоенных движений, широкий размах которых вызывает все большее беспокойство у правящих классов в западных странах. «Нас пытаются представить преступниками и террористами»⁴³, — заявлял активист антиракетного движения, видный австрийский ученый-футуролог, профессор Роберт Юнг.

Как известно, право народов вести борьбу за свою свободу, независимость, национальные интересы и суверенитет давно признано международным сообществом и подтверждено Организацией Объединенных Наций. Еще в декабре 1960 г. Генеральная Ассамблея ООН по инициативе СССР приняла Декларацию о предоставлении независимости колониальным странам и народам, а в 1963 г. — Декларацию о ликвидации всех форм расовой дискриминации и Декларацию, осуждающую апартеид. «Любые вооруженные действия или репрессивные меры какого бы то ни было характера, направленные против независимых народов, — говорится в Декларации 1960 г., — должны быть прекращены, с тем чтобы предоставить им возможность осуществить в условиях мира и свободы свое право на полную независимость, а территориальная целостность их национальных территорий должна уважаться».

Право народов с оружием в руках отстаивать свою свободу и независимость — норма современного международного права. Освободительные войны угнетенных народов во все времена являются справедливыми. Тем более они справедливы и законны в настоящее время, когда цели и принципы, во имя которых

они ведутся (ликвидация колониализма, полное самоопределение), санкционируются международным правом.

Ясно, что отнюдь не мифический «международный терроризм» вызывает беспокойство монополистов, а возможность потери ключевых позиций в стратегически важных районах земного шара, утраты рынков сбыта и источников сырья. Именно этому мощно развивающемуся освободительному процессу они пытаются помешать любой ценой, в том числе и с помощью открытого террористического принуждения и насилия. Международный террор — это в действительности попытка империализма подавить национально-освободительную борьбу народов. Делается это различными путями: открытой интервенции, поддержки диктаторских режимов, засылки наемников и банд в чужие страны или свержения неугодных реакционным кругам буржуазии правительств и убийства прогрессивных лидеров. Не народы, ведущие освободительную борьбу, а силы, ей препятствующие, подавляющие борьбу масс за независимость и свободу, совершают недопустимые, преступные с точки зрения международного права действия. Крайне злободневно звучат слова В. И. Ленина, который, как будто предвидя сегодняшние провокации империалистов против Ливана и Кубы, Гренады и Никарагуа, писал: «Разве это не террор, когда всемирный флот блокирует голодную страну? Разве это не террор, когда иностранные представители, опираясь на будто бы дипломатическую неприкосновенность, организовывают белогвардейские восстания?»⁴⁴

Вопрос о мерах по предотвращению международного терроризма обсуждался на XXVII сессии Генеральной Ассамблеи ООН в 1972 г., одоббившей соответствующую резолюцию. В ней подтверждалось неотъемлемое право на самоопределение и независимость всех народов, находящихся под гнетом колониальных и расистских режимов и другими формами иностранного господства, законность национально-освободительной борьбы, которая полностью соответствует целям и принципам Устава и соответствующим резолюциям Организации Объединенных Наций. Наряду с этим Генеральная Ассамблея ООН осудила «репрессивные и террористические акты колониаль-

ных, расистских и иностранных режимов, лишаящих народы их законного права на самоопределение и независимость и других прав человека и основных свобод».

Не имея ни прямых, ни косвенных доказательств, подтверждающих участие Советского Союза в финансировании и планировании акций «международного терроризма», организаторы антисоветской пропагандистской кампании выдают за терроризм ту поддержку, которую СССР оказывает национально-освободительной борьбе народов. Принципиальная линия КПСС и Советского государства на поддержку народов, борющихся за свое национальное освобождение, политическую и экономическую независимость, берет начало со времени Великого Октября. Эта линия лежит в основе крепнущего сотрудничества СССР со многими освободившимися государствами Азии, Африки, Латинской Америки.

Питательной средой для произвола, насилия, террора на международной арене является деятельность и политика тех, кто попирает законные права и интересы суверенных государств и народов, кто насаждает идеологию расовой и национальной ненависти, кто поддерживает реакционные диктаторские режимы, кто ведет линию на рост напряженности и подхлестывание гонки вооружений, кто нагнетает атмосферу военного психоза.

Позиция Советского Союза в вопросах борьбы с международным терроризмом хорошо известна. Советский Союз был и остается принципиальным противником теории и практики терроризма, в том числе в международных отношениях. Терроризм органически чужд политике Советского государства, мировоззрению и интересам советских людей. Первая страна социализма последовательно выступает за принятие эффективных мер по предотвращению актов международного терроризма.

Представители СССР в международных организациях активно участвуют в разработке и принятии мер, направленных на предупреждение и пресечение любых проявлений международного терроризма, а также на наказание лиц, совершивших эти преступные действия. Советские представители внесли и вносят весомый вклад в подготовку и принятие целого

ряда международных соглашений по борьбе с отдельными проявлениями международного терроризма: Конвенции о борьбе с незаконным захватом воздушных судов (1970 г.) (ратифицирована СССР в 1971 г.), Конвенции о борьбе с незаконными актами, направленными против безопасности гражданской авиации (1971 г.) (ратифицирована СССР в 1972 г.), Конвенции о предотвращении и наказании преступлений против лиц, пользующихся международной защитой, в том числе дипломатических агентов (1973 г.) (ратифицирована СССР в 1975 г.). В то же время тот факт, что США не участвуют в Конвенции ООН 1948 г. о предупреждении преступления геноцида и наказании за него, в Международной конвенции о ликвидации всех форм расовой дискриминации (1965 г.) и до сих пор не ратифицировали Международные пакты о правах человека (1966 г.), свидетельствует об откровенном пренебрежении Вашингтона к требованиям мировой общественности.

Практика государственного терроризма все чаще используется рядом империалистических держав, прежде всего США, как метод ведения дел с другими странами. Такая политика исключает саму возможность для установления мирного характера отношений и взаимного доверия между государствами. Вот почему СССР внес на рассмотрение XXXIX сессии Генеральной Ассамблеи ООН вопрос «О недопустимости политики государственного терроризма и любых действий государств, направленных на подрыв общественно-политического строя в других суверенных государствах». Одобрив внесенное Советским Союзом предложение, подавляющее большинство членов мирового сообщества решительно осудило политику и практику государственного терроризма.

Индивидуальный террор и неприкрытый терроризм на государственном уровне используются империалистическими политиками для провоцирования вооруженной агрессии и вмешательства во внутренние дела других государств. Под фальшивой вывеской борьбы с «международным терроризмом» реакция стремится развязать себе руки для расправы с народами, ведущими освободительную борьбу, для экспорта контрреволюции, организации «крестового похода» против сил прогресса.

IX. ПУТЬ, ВЕДУЩИЙ В ТУПИК

1. «Закат» экстремизма?

Если 70-е годы с легкой руки некоторых западных социологов получили наименование десятилетия терроризма, то 80-е годы многие из них поспешили окрестить эпохой его «заката». В самом деле, в последние годы общее число акций политического террора в крупнейших капиталистических странах снизилось по сравнению со «свинцовыми семидесятыми». С улиц и площадей западных городов многие террористы перекочевали в тюрьмы, а также в политические и бульварные романы, сценарии кинофильмов. Опираясь статистическими выкладками и вычерчивая обнадеживающие графики, политологи и журналисты начали убеждать общественное мнение в том, что буржуазное государство «устояло» перед натиском и шантажом террористов и что «ночь террора» миновала.

Бесспорно, в последние годы крупнейшие течения политического экстремизма на Западе столкнулись с определенными трудностями. Основательные удары были нанесены по ряду наиболее известных террористических организаций, в основном левацкого толка. Значительная часть их лидеров и членов была арестована либо просто-напросто уничтожена полицией в ходе облав, при «попытках к бегству», а то и умерщвлена в тюремных камерах.

В ФРГ к осени 1982 г. были выловлены последние из известных руководителей РАФ, остававшиеся на свободе. После ареста и физической ликвидации наиболее активных членов этой организации она в значительной степени свернула свою деятельность. В Италии после нескольких лет безрезультатной охоты за лидерами «красных бригад» полиции удалось арестовать целый ряд руководителей этой организации, включая М. Моретти, которому приписывают организацию похищения и убийство А. Моро и другие

террористические акции. После ареста еще нескольких участников этого преступления и шумного процесса над ними практически все «исторические лидеры» «красных бригад» оказались за решеткой.

Большую помощь полиции и следственным органам оказали «раскаявшиеся» террористы, сообщившие немало ценных данных о структуре и деятельности своих группировок. Этому в немалой степени способствовало принятие в Италии специального закона, который предусматривал значительное смягчение наказания террористам, согласившимся добровольно помогать следственным органам. За 10 месяцев действия этого закона «раскаялись» 355 террористов, а 378 заявили, что прекращают вооруженную борьбу, и публично отказались от своих прежних убеждений. «Мы с полным основанием можем признать, что сам феномен «раскаяния» сотен террористов, среди которых было много их ведущих деятелей, свидетельствует о политическом поражении подрывных сил, — заявил министр внутренних дел Италии В. Роньони. — Теперь главная задача в борьбе с терроризмом — помешать экстремистам привлекать в свое движение новых членов. Если это удастся — а многое позволяет так думать, — мы сможем считать, что терроризм потерпел поражение не только в идеологическом, но и в оперативном плане».

Признают свое поражение и сами террористы. В июне 1984 г. группа активистов экстремистской организации «прима линеа», явившись к архиепископу Милана кардиналу Карлу Мария Мартини, передала ему внушительный арсенал различного оружия и заявила, что отказывается от ведения вооруженной борьбы. Примерно в это же время в Генуе в редакцию одной из газет была подброшена листовка местной организации «красных бригад». В ней говорилось, что в связи с «тяжелыми ударами», которые ей нанесены в последнее время, эта террористическая организация призывает своих членов к «стратегическому отступлению в ожидании лучших времен».

Несмотря на заметные успехи сил порядка в преследовании террористов, очевидно, что основные трудности, переживаемые их организациями, носят политический характер. Разгрому полицией их руководящих центров предшествовало очевидное полити-

ческое поражение. Главной причиной, приведшей экстремистов к глубокому кризису, был решительный отпор, который они получили со стороны рабочего класса и демократических сил в капиталистических странах. Террористы оказались изолированными политически и не смогли получить достаточной поддержки в массах, на которую рассчитывали. «Та среда, к которой обращается левацкий терроризм и которой он пытается навязать свои военно-политические воззрения, не поддержала его замыслы развязать гражданскую войну»¹, — писал журнал «Ринашита».

Междоусобица, фракционная борьба, взаимное сведение счетов, в том числе в самых жестоких насильственных формах, — эти признаки политического вырождения характеризуют ныне мир политического экстремизма. В Италии, например, размежевание между двумя различными течениями в лагере «красных бригад» — «ортодоксами», т. е. сторонниками вооруженной борьбы, и «движенцами», выступающими за присоединение к массовым и спонтанным движениям социального протеста, — приняло форму острого конфликта, приведшего к вооруженным столкновениям.

Сходное явление отмечает и французская печать. Комментируя трудности, переживаемые движением французских «автономистов», газета «Монд» писала, что его участники постепенно приходят к пониманию того, что применение насилия в форме «подкладывания бомб» ведет в тупик².

Все более значительные слои вовлеченной в экстремистские организации молодежи начинают осознавать бесперспективность террористической деятельности и высвобождаются из-под влияния «вождей» терроризма, не желая играть роль пособников буржуазии и реакции. Даже лидеры «красных бригад» вынуждены констатировать провал того авантюристического курса на провоцирование «гражданской войны», которому эта организация следовала в последние годы. Об этом, в частности, свидетельствуют опубликованные журналом «Эспрессо» выдержки из документов «красных бригад», написанных их бывшими руководителями и распространенных миланской группой организации.

В документах, излагаемых «Эспрессо», подвергается серьезной критике деятельность нынешнего руководства «красных бригад» начиная примерно с 1978 г., и особенно их чрезмерное увлечение террористическими акциями и убийствами. «Милитаризм» организации, говорится в них, приведет к разгрому нашей «пролетарской революции». Именно чрезмерная «милитаризация» «бригад» позволила полиции нанести ощутимый удар по организации.

По мнению авторов документов, ныне «красные бригады» должны перенести свою деятельность на заводы. Учитывая ухудшение экономического положения трудового народа Италии, всевозрастающее число безработных, «красные бригады» должны искать поддержку среди определенной части трудящихся, не замыкаясь в чисто террористической деятельности.

В документах миланской группы «красных бригад» указывается на необходимость создания «сети подпольных ячеек сопротивления на предприятиях и в местах жительства рабочих». Организация должна завоевывать позиции среди трудящихся путем агитации на заводах, говорится в них, воспользоваться последствиями экономического спада и широкого недовольства, которое порождает этот спад. Наконец, в этих документах содержится еще одно принципиально важное признание: крушения буржуазного государства не произошло, а существующие трудности приводят лишь к сплочению правящего класса. Отсюда авторами делается вывод: уничтожение существующего строя, что является целью «красных бригад», не будет «естественным итогом военного столкновения»³.

Пространный аналитический документ, написанный группой членов «красных бригад» в тюрьме г. Пальми, перепечатал французский журнал «Ну-вель обсерватер». «Цикл вооруженной революционной борьбы, начатой в начале 70-х годов на волне широкого студенческого и рабочего движения, в основном завершился», — говорится в нем. «Вооруженная борьба потерпела поражение, ее участникам не остается ничего другого, кроме как освободиться от ее труп»⁴.

Около десяти лет, отмеченных многочисленными

кровавыми преступлениями и провокациями террористов, десятками и сотнями жертв, в том числе и членов их собственных организаций, усилением активности правых и ультраправых сил, понадобилось некоторым лидерам и идеологам экстремистских левацких группировок для того, чтобы удостовериться в пагубности избранного ими пути, закономерно приведшего их к политическому, идейному и организационному банкротству. Вот как формулирует плачевные итоги этого периода один из видных идеологов «красных бригад», профессор Э. Фенци, в письме, направленном им в прокуратуру г. Генуи: «За десять долгих кровавых лет вооруженная борьба окончательно доказала, что она не может быть основой какой-либо политической программы. Она не достигла политических и социальных целей, в том числе целей, которые она сама ставила. Дело «красных бригад» практически окончено. И если сейчас не хватит смелости отказаться полностью от вооруженной борьбы (а не только от того или иного ее аспекта), то ее участники обрекут себя на то, что они перестанут понимать смысл происходящего, обрекут себя на безумие. Дело в том — и это главное, — что банкротство «красных бригад» означает банкротство самой идеи вооруженной борьбы в нашей стране». По словам Э. Фенци, «красные бригады» стали «началом и концом своей политики, своей программы». Он упоминает также о «своего рода военной галлюцинации, которая побуждает их отрицать реальную действительность, историю, общество и уничтожает классовые связи, в которые «красные бригады» верят все меньше, обрекает их на разногласия и делает врагами самих себя».

Этот вынужденный поворот к политической и классовой реальности общества, вызванный прежде всего непосредственным и весьма болезненным столкновением с ней, отчетливо ощущается в целой серии запоздалых исповедей «кающихся» экстремистов. Эпидемия «самобичевания», охватившая многих бывших экстремистов, лишней раз подтверждает, насколько поверхностный характер носило для многих из этих мелкобуржуазных «революционеров» «бешеное увлечение» идеей вооруженной борьбы, как многое в их поступках, будь то обращение к террору или

плаксивое раскаяние в нем, зависит от субъективных факторов, от настроения, даже от моды.

На вопрос, испытываете ли вы угрызения совести, А. Жейсмар заявил: «Мы — люди, потратившие многие годы собственной жизни и лишившие жизни других людей для того, чтобы осуществить сценарий войны и смерти, в котором в конце концов сами себя не узнали. И наше раскаяние имеет не личный характер, а скорее политический. Мы сожалеем о том, что направили по ошибочному пути борьбу десятков товарищей. Поэтому мне хотелось сделать небывшими не акты насилия, которые я лично совершил, а политические ошибки, которые мы коллективно допустили»⁵.

Жейсмар говорил о стремлении «трудиться во имя восстановления основных «левых» принципов, хотя бы это и означало стремиться вычерпать море решето». В этом призыве явно сквозит отчаяние, которое ощущают многие «левые» экстремисты, осознавшие, что «терапия бомбы» не только ни в чем не приблизила их к достижению поставленных целей, но даже вынудила сменить политические цвета, приведя их в лагерь реакции. Констатируя эту трагическую для многих молодых людей, искренне причислявших себя к борцам против капиталистического угнетения, реальность, некоторые из активистов и рядовых членов экстремистских организаций начинают подумывать о возвращении назад, к той развилке, где их пути окончательно разошлись с рабочим движением.

На страницах французской газеты «Монд» бывшие члены организации «Прима линеа» так объясняют причины своего «выхода из игры»: «Считая себя наследниками мая 1968 г., мы увлеклись насилием, проповедуемым некоторыми студенческими кругами и часто практиковавшимся теми, кого называют маргинальными слоями: мелкими вооруженными бандами, не имевшими настоящих политических целей. Применение насилия рассматривалось нами как единственный выход для этих слоев, тем более что их пытались интегрировать в общество насильственным путем, а не на основе общественного договора. Однако очень скоро наше движение полностью маргинализировалось и единственной формой его существования и платформой объединения стала вооруженная борьба. Социальные мотивы, породившие его, постепенно

сошли на нет. Единственной логикой было насильственное действие.

Мы заявляем об отказе от террористической борьбы как средства сокрушения капитализма. Мы намерены вернуться к теории Маркса. Необходимо возобновить классические формы борьбы рабочего класса, вновь сблизиться с ним. Это не перемена лагеря. Терроризм является ошибкой. Когда совершают ошибку, нужно признать ее и объяснить ее причины»⁶.

Показательна эволюция и американской террористической группы «уэзерменов». После нескольких лет активной партизанской войны, объявленной обществу, эта группа заявила об отказе от тактики террора как не оправдавшего себя метода борьбы: «Вооруженная борьба не единственная форма действительно революционной борьбы. Настало время, когда наше движение должно выйти из подполья, начать организовываться, оно должно проводить митинги и демонстрации»⁷.

Однако подобные здравые суждения остаются высказываниями одиночек, ибо большая часть руководителей экстремистских организаций оказывается неспособной признать в собственном поражении. Не готовы они и к тому, чтобы сделать единственно правильный вывод из полученных жестоких уроков — отказаться от политического авантюризма и прикнуть к борьбе рабочего класса, ибо это означало бы для них необходимость распротиться с гипертрофированными амбициями мелкобуржуазных революционеров, рассчитывающих возглавить и осуществить собственную «непролетарскую революцию».

Вот почему выход из нынешнего глубочайшего кризиса идеологии и практики политического экстремизма большинство его приверженцев ищут в рамках прежней логики экстремизма. В связи с этим реальная опасность, исходящая от него, не уменьшается. «Терроризм в кризисе — это не терроризм в агонии»⁸, — писала «Унита». Известно, что некоторые террористические организации, стоящие перед угрозой распада, пытаются организовать контрнаступление и ужесточают свои акции.

Попытки террористов вновь подтвердить свое существование принимают особенно отвратительные

и уродливые формы. Поскольку рамки «освободительной войны» свелись к тесному миру тюрем, в которых в настоящее время оказалось большинство активных членов террористических организаций, они устраивают нападения на тюремщиков и надзирателей. Очередным подобным «революционным актом» стало похищение и убийство в январе 1983 г. 67-летней привратницы одной из римских тюрем, совершенные участниками «движения за вооруженную пролетарскую власть».

О том, что террористы не сложили оружия, свидетельствует и арест в Риме группы молодых людей, представляющих, как пишет газета «Коррьере делла сера», «третье поколение» членов «красных бригад». По данным следственных органов, эти террористы образовали «политико-организационную» базу оставшихся в Риме боевых отрядов «красных бригад». Во время ареста у них были изъяты досье на 400 следователей, судей, работников министерства юстиции, в которых были схемы их передвижений на работу, номера и марки автомобилей, домашние адреса, упоминались основные привычки, количество сопровождающих охранников и т. д. Эти сведения должны были стать основой для новых кровавых акций «боевиков» из «красных бригад»⁹.

В опубликованном в начале 1984 г. докладе 36 итальянских судей — специалистов в области терроризма говорилось: ««Вооруженная партия» жива. Она реорганизуется и скоро отметит возвращение на политическую сцену покушениями и убийствами». Обоснованность этих предостережений вскоре подтвердили новые террористические акции правых и «левых» экстремистов.

В декабре 1984 г. взрывом бомбы, подложенной итальянскими неонацистами в вагон железнодорожного экспресса на линии Неаполь — Милан, было убито 15 и ранено более 150 человек¹⁰. В январе 1985 г. взрывами складов с горючим, нефтепроводов и ряда других объектов НАТО в Западной Европе остатки террористических групп «аксьон директ» и РАФ возвестили о начале «нового раунда партизанских действий». В этом же месяце неизвестными террористами в Париже и Мюнхене были убиты высокопоставленный чиновник министерства обороны

Франции Р. Одран и один из управляющих западногерманской фирмы, занятой производством оружия, Э. Циммерман¹¹. Западная печать заговорила о подъеме волны «нового терроризма».

Не разоружились политические экстремисты и идейно, рассчитывая, что после непродолжительного «стратегического кризиса», по выражению Р. Курчо, им удастся обрести «второе дыхание». В документе, написанном им в тюрьме в форме «беседы с самим собой», основатель «красных бригад» пишет: «Герилья 80-х годов должна будет разработать и развить в своей практике новый язык»¹². Как утверждает Курчо, потерпела поражение лишь одна из форм вооруженной борьбы и деятельности террористической организации. В нынешних условиях должны распуститься «сто цветов новой герильи», с тем чтобы появились новые фронты «войны против капитализма и ревизионизма». Вооруженные действия террористов, по мысли Курчо, должны и впредь представлять собой один из этих фронтов.

Таким образом, «самокритику» террористов никоим образом не следует воспринимать как отказ от основных посылок политического экстремизма. Для многих из них речь идет о признании лишь тактических ошибок, но не ложности их стратегии. К такому же выводу приходят и эксперты, наблюдающие за положением, сложившимся в левозкстремистских организациях Западной Германии после того, как были арестованы главные лидеры РАФ и ликвидированы основные опорные пункты этой организации. «На место старой РАФ, — заявляет бывший директор БКА (Федерального криминального управления) Х. Герольд, — приходит новое поколение, более стилизованное, более неуловимое и столь же опасное»¹³.

Особую тревогу у многих политических и государственных деятелей на Западе вызывает потенциальная угроза приобретения и применения «новыми террористами» оружия массового поражения. В связи с ростом в рядах террористов количества лиц с техническим образованием «в будущем именно в сфере применения средств массового разрушения, по-видимому, заключается величайшая опасность»¹⁴, — пишут американские исследователи Д. Трент и Р. Куперман. При этом они указывают на то, что совре-

менное западное общество стало более уязвимым из-за развитых и сложных средств связи, систем коммуникации, центральной вентиляции, водоснабжения и др.

В книге «Технологический терроризм» Р. Ч. Кларк предсказывает, что в недалеком будущем терроризм, основанный на применении современных средств массового уничтожения, может превратиться в серьезнейшую угрозу для Соединенных Штатов и по своему значению затмит все другие проблемы страны. «В связи с тем что побочным результатом развития современной науки стало невиданное расширение возможностей для преступных групп и даже отдельных индивидов, политический терроризм может обрести новые, еще невиданные качества»¹⁵, — пишет он.

Приводя многочисленные высказывания экспертов и правительственные документы, автор доказывает крайнюю уязвимость современного высокоиндустриального хозяйственного механизма, которая возрастает по мере его централизации и автоматизации. Это особенно касается таких секторов, как водоснабжение, энергетика — снабжение электроэнергией, нефтью и особенно крайне взрывоопасным сжиженным газом.

Играющие все большую роль в экономике и в сфере управления компьютеры могут, по оценкам экспертов, относительно легко стать объектами «электронного терроризма» — они могут быть либо выведены из строя, либо начнут выдавать ложную информацию. В связи с этими устрашающими прогнозами известный американский обозреватель Дж. Рестон писал: «Мы находимся, вероятно, не в конце, а в начале тирании воинствующих меньшинств. Чем больше людей скопляется в городах по всему миру, тем более уязвимыми становятся эти города из-за саботажа безответственных политических организаций типа «красных бригад»»¹⁶.

Эти на первый взгляд преувеличенные опасения не так уж лишены оснований. Известно, что в США в 1966 г. получила широкий резонанс угроза «уэзерменов» отравить участников съезда демократической партии в Чикаго. В 1972 г. в том же Чикаго были арестованы члены неонацистского «ордена восходящего солнца», имевшие при себе 80 фунтов тифозных

бацилл, которые предназначались, по-видимому, для отравления водоснабжения в городах Среднего Запада. В США же зарегистрировано несколько случаев применения террористами сильных отравляющих веществ, а также более 30 угроз употребить ядерное оружие¹⁷. Очевидно, что в большинстве случаев это были демагогия и примитивный шантаж, к которым нередко прибегают террористы. Тем не менее западные политики активно раздувают подобные сообщения, приспособляя их для своих внутри- или внешнеполитических целей.

На Западе распускаются слухи о том, что в руки «международных террористов» вот-вот может попасть атомное оружие, излагаются различные «сценарии» того, как «бедные» страны Африки, Азии, Латинской Америки, получив в свое распоряжение оружие массового уничтожения, будут применять «ядерный шантаж» в отношении «богатого Запада». Подобные домыслы относятся к разряду не научной, а чисто политической фантастики. Смысл их в том, чтобы, спекулируя на заволашевающей обывателя тематике терроризма, получить свободу рук для осуществления империалистическими державами в планетарном масштабе политики реального ядерного шантажа и государственного терроризма.

2. Есть ли вакцина от «вируса экстремизма»?

Острота политических и идеологических проблем, создаваемых действиями политических экстремистов как во внутривнутриполитической жизни отдельных капиталистических стран, так и в международных отношениях, порождает обширную гамму ответов на «вызов», брошенный западному обществу экстремистами. Среди них целые наборы «технических» мер, а также по существу заимствованные у экстремистов насильственные и военно-полицейские методы «окончательного решения» этой проблемы. При их выработке и осуществлении властями упорно игнорируется тот очевидный факт, что причина опасности, исходящей от политического экстремизма, заключена в самом капиталистическом обществе, в котором существуют

и непрерывно воспроизводятся социальные и политические факторы, порождающие и усиливающие его угрозу. Предпринимаемые ныне на Западе попытки ликвидировать это явление не затрагивают подлинных, глубинных его причин. Власти обычно отделываются набором полицейских мер, позволяющих им усиливать репрессивный аппарат, который на деле все чаще обращается против трудящихся и демократических сил. Этими мерами нельзя излечить язвы капиталистического общества, социальный организм которого поражен вирусом экстремизма.

В США, например, многочисленные «эксперты» и целые фирмы, привлеченные прибыльностью нового «антитеррористического бизнеса», занимаются разработкой различных мер «профилактики» акций экстремистов и «методики» переговоров с террористами. В большинстве западноевропейских стран дискуссии на эту тему в правительственных и политических кругах сводятся к вопросам совершенствования структуры полицейских органов и усиления мер уголовного наказания террористов.

В то же время очевидно, что как социальный и политический феномен экстремизм не может быть устранен одними военно-полицейскими методами. «Невозможно вести эффективную борьбу против экстремизма,— пишет П. Франки в книге «Терроризм и демократия»,— рассматривая его как явление тайное и подпольное, не задаваясь вопросом, как блокировать его распространение по общественным капиллярам, воздействуя на его социальные и моральные корни, с тем чтобы изолировать экстремистов»¹⁸.

Борьба против политического экстремизма в современном капиталистическом обществе осложняется двойственным, непоследовательным, а подчас откровенно двурушническим поведением правящих кругов, которые стремятся нажить политический капитал на этой проблеме, оттеснить с политической сцены и дискредитировать демократические и левые силы, разжечь массовый антикоммунизм. Поэтому меры, принимаемые властями против террористов, носят половинчатый характер. Репрессии, как правило, обрушиваются лишь на левацкие, а заодно и на подлинно левые организации, в то время как преступления правых экстремистов часто остаются безнака-

занными. Ужесточая репрессии против «неприемлемых» экстремистов, буржуазное государство, его спецслужбы и пропагандистский аппарат параллельно способствуют сохранению «на плаву» и даже насаждению других обслуживающих их глобальные политические цели организаций и групп политических провокаторов.

Однако никакая «военная операция» по разгрому террористических организаций «не означает устранения тех причин, которые толкают к насильственным действиям молодежь, студентов и отдельных рабочих, готовых поверить в то, что революция грянет через ствол автомата»¹⁹.

Очевидно и то, что, несмотря на «военные поражения», понесенные террористами в столкновениях с силами порядка, и на явный идеологический и организационный кризис, который в настоящее время переживают наиболее известные течения политического экстремизма, среди значительной массы молодежи развитых капиталистических стран сохраняются объективные предпосылки распространения псевдореволюционных идей, возникающих, по выражению В. И. Ленина, каждый раз «в немножко новой форме, в невиданном раньше облачении или окружении, в оригинальной — более или менее оригинальной — обстановке»²⁰.

Это вызвано тем, что в современном капиталистическом обществе существует социальная база, на которой постоянно возникают, из которой «вырастают» мелкобуржуазные революционные концепции и настроения. Ожесточение классовой борьбы, усиление социальной напряженности, связанное с обостряющимися противоречиями капитализма, подталкивают традиционных носителей мелкобуржуазного протеста к крайне экстремистским и террористическим формам его выражения.

Нельзя сбрасывать со счетов и то, что в среде рабочего класса в условиях обостряющегося кризиса социальное недовольство может также приобретать форму бурного и стихийного протеста, что активно используют разносчики экстремистских взглядов. В таких случаях и в этой среде могут возникать обращенные против организованного рабочего движения полюсы недовольства. На этой основе экстремисты

строят планы создания групп так называемой рабочей оппозиции политике профсоюзов и коммунистических партий.

Политический экстремизм и терроризм как его крайнее выражение — это не серия выходов отдельных эксцентрически настроенных личностей или политических авантюристов. Его нельзя и упрощенно сводить к очередному «заговору» реакционных сил или проискам диверсионных служб империализма. Речь идет о противоречивом и сложном общественном явлении, возникновение и разрастание которого в последние годы имеют собственные корни и закономерности. Поэтому борьба с политическим экстремизмом не может быть единовременным актом или ограниченной во времени кампанией. Эта проблема, разумеется, не может оставлять безразличными демократические и миролюбивые силы, рабочее и национально-освободительное движение.

На демократических и левых силах лежит особая ответственность за организацию отпора политическому экстремизму, поскольку именно рабочее движение, партии рабочего класса, его организации являются наиболее решительными и последовательными защитниками демократии, гражданских и политических прав и свобод, которые завоеваны трудящимися в упорной борьбе и на которые прежде всего посягают политические экстремисты. «Терроризм предстает как вооруженная рука кризиса против организованного рабочего движения, и, следовательно, это движение должно защищать себя от такого врага»²¹, — пишет журнал итальянских коммунистов «Ринашита». Только левые силы, представляющие многочисленные демократически настроенные слои населения, способны организовать массовое и, следовательно, понастоящему эффективное движение отпора терроризму на основе подлинного обновления и преобразования общества.

Опыт последних лет показывает, что именно демократические силы, рабочее движение и его авангард — революционные партии рабочего класса — дают наиболее решительный бой экстремизму. Коммунисты, возглавляющие борьбу трудящихся за глубокое революционное обновление общества, не могут оставлять под влиянием экстремистов те обществен-

ные группы, которые способны занять свое место в рядах широкого антимонополистического фронта трудящихся и демократических сил.

Марксизм-ленинизм, международное коммунистическое движение имеют давнюю традицию и значительный опыт борьбы с экстремистскими концепциями и практикой политического экстремизма. Продолжая ленинскую традицию «беспощадной борьбы с мелкобуржуазной, полуанархической (или способной заигрывать с анархизмом) революционностью»²², коммунистические и рабочие партии дают твердый отпор идеологии и практическим действиям «левых» экстремистов, решительно осуждают их и ведут борьбу за организацию массового отпора экстремистам.

«Индивидуальный террор и анархистские авантюры несовместимы с принципами коммунистической политики. Они не имеют ничего общего с борьбой за демократию, прогресс и социализм в нашей стране, которую можно вести только на основе единого движения большинства трудящегося народа. Террористические акты... служат лишь интересам реакционных правых кругов»²³, — подчеркивается в заявлении руководства Германской коммунистической партии.

Давая оценку выходкам террористов, Генеральный секретарь ФКП Ж. Марше заявил: «Их единственная цель — сеять страх. Страх тем более безотчетный, что он связан с угрозой, не имеющей конкретной цели и поражающей как бы наугад. Кому выгодно, чтобы эти террористические акты раздувались правой прессой, которая посвящает им целые страницы фотографий и комментариев? Ответ ясен — это служит исключительно интересам правых сил»²⁴. Как отмечает в книге «Наследники анархизма» П. Соареш, «идеологическая борьба против левацких группировок все больше становится частью общего сражения против реакции»²⁵. «Терроризм помогает врагам демократии, а поскольку демократия в Италии по существу является результатом завоевания и борьбы трудящихся масс и их единства, терроризм прежде всего враг трудящихся, коммунистов, социалистов и всех, кто борется за прогресс демократии в нашей стране»²⁶, — заявляют итальянские коммунисты.

Принципиальная противоположность позиций

коммунистов и политических экстремистов особенно наглядно проявляется в подходе к вопросу о демократии. Коммунистические партии выступают ведущей силой в борьбе за демократию в капиталистических странах. Коммунисты ведут борьбу за демократию и как партия, самым неразрывным образом связанная с интересами и чаяниями трудового большинства народа, и как сила, выступающая за революционное преобразование общества.

Выдающаяся революционерка Р. Люксембург, последователями которой нередко провозглашают себя некоторые «левые» экстремисты, писала, что пролетарская революция — «это не отчаянная попытка кучки революционеров силой переделать мир по своему идеалу, а дело многомиллионной армии трудящихся, призванных выполнить свою историческую миссию и превратить историческую необходимость в реальность»²⁷.

«Кто хочет идти к социализму по другой дороге, помимо демократизма политического, тот неминуемо приходит к нелепым и реакционным, как в экономическом, так и в политическом смысле, выводам»²⁸, — предупреждал В. И. Ленин. Именно к таким «нелепым и реакционным» выводам приходят современные экстремисты, избравшие политический демократизм основной мишенью своих яростных и неистовых атак. Экстремизм по своей сущности непримиримый враг подлинной демократии, которая лишает оправдания его насильственные действия и само его существование. Экстремисты особенно яростно нападают на те элементы политического демократизма, которые завоеваны в результате упорной борьбы рабочего класса и других передовых сил, а также на организации и партии, прежде всего коммунистические, которые борются за всемерное расширение демократии. Основные усилия экстремистов сосредоточиваются на том, чтобы «выкорчевать» элементы демократизма из политической структуры современного западного общества, заставить его отказаться от «мешающих» экстремистам демократических атрибутов и черт и перечеркнуть тем самым годы упорной борьбы, которую вели и ведут трудящиеся в капиталистических странах за демократию. Вот почему современные экстремисты предстают сегодня врагами не только комму-

нистов и представителей других левых сил, но и большинства населения, борющегося за свои демократические права и жизненные интересы.

3. Борьба за союзников

Коммунистическое движение всегда самым решительным образом отмежевывалось от политических экстремистов, беспощадно разоблачало безответственность лидеров различных террористических сект. Выступая на Лейпцигском процессе с решительным отпором провокационным попыткам фашистов приписать коммунистам поджог рейхстага, Г. Димитров следующим образом определил «альфу и омегу коммунистической тактики»: «Массовая работа, массовая борьба, массовое сопротивление, единый фронт, никаких авантур!»²⁹ Отвергая политический авантюризм лидеров экстремистских движений, коммунисты с большим вниманием относятся к тем слоям и категориям населения, к той массе, чье недовольство, чей протест и чьи чаяния в извращенной и искаженной форме отражаются в политическом экстремизме.

Беспощадно критикуя идеологию и провокационные действия различного рода анархистских, троцкистских и других экстремистских и террористических группировок, коммунистические партии вскрывают истоки этого течения, а также анализируют глубокие объективные причины, вызывающие к жизни бурный социальный протест обширной части непролетарских слоев современного капиталистического общества. Речь идет о тех мелкобуржуазных по своей социальной природе категориях населения, о которых В. И. Ленин писал, что «их *н е л ь з я* *п р о г н а т ь*, их нельзя подавить, с ними *н а д о* *у ж и т ь с я*, их можно (и должно) переделать, перевоспитать только очень длительной, медленной, осторожной организаторской работой»³⁰.

Объективный, дифференцированный подход коммунистов к участникам различных движений социального протеста воплощается на практике в кропотливую политическую и пропагандистскую деятельность компартий среди широких масс населения, в том числе молодежи, находящейся под влиянием

левоэкстремистских взглядов и во многих случаях зараженной антикоммунизмом и антимарксизмом. Коммунисты считают неправильным ставить знак равенства между атаками на марксизм идеологов империалистической буржуазии и мелкобуржуазной критикой марксизма. Такое отождествление означало бы игнорирование противоречий в исторической перспективе развития мелкобуржуазных слоев и возможности приобщения их при определенных условиях к рабочему движению. «...Маркс,— указывал В. И. Ленин,— признает мелкобуржуазное движение за своеобразную первоначальную форму пролетарского, коммунистического движения»³¹.

Вот почему при всей суровости оценок, которые дают коммунисты антикоммунистическим левацким лидерам, они не ставят на одну доску антикоммунизм буржуазии и неизжитые антикоммунистические настроения и предрассудки, бытующие в непролетарской среде, а порой и тщательно взращиваемые там профессионалами антикоммунистической пропаганды. Коммунисты учитывают объективные особенности процесса отхода непролетарских масс от системы идеалов и ценностей буржуазного общества. Они принимают во внимание возможность того, что на определенном этапе углубляющегося разрыва с этим обществом значительные слои молодежи могут занимать антикапиталистические позиции, находясь в то же время еще под сильным влиянием активной идейной и пропагандистской кампании, которую непрерывно ведут против коммунистов соответствующие службы буржуазного государства.

Терпеливая, внимательная работа с массами, борьба за молодежь, за полное использование ее демократического и революционного потенциала в интересах трудящихся и в ее собственных интересах, за избавление от «всяческих мелкобуржуазных примесей, ограничений, узостей, извращений»³² — такова последовательная и принципиальная позиция коммунистов, которая приносит ощутимые результаты. Эта работа, в которой сочетается принципиальная критика экстремистских концепций с разъяснением истинных первооснов социальной несправедливости и классовых антагонизмов в современном капиталистическом обществе, позволяет привлечь на сторону рабочего

класса новые значительные силы антикапиталистически настроенной молодежи, пополнить за ее счет ряды коммунистических партий и их молодежных организаций.

В острой идеологической и политической борьбе по вопросам, связанным с оценкой современного политического экстремизма, по сути дела наглядно проявляется идейное противоборство между пролетариатом и буржуазией за их потенциальных союзников. Речь в конечном счете идет о том, чью сторону займут в главном общественном конфликте современности новые участники социальных сражений.

В условиях когда капиталистический кризис втягивает в революционную борьбу обширные средние слои, массу интеллигенции и мелкой буржуазии, важной задачей рабочего класса и его революционного авангарда становится определение их места в этой борьбе и в будущем обновленном обществе, за утверждение которого борется пролетариат. Без этого данные общественные группы, подверженные всем порокам мелкобуржуазной революционности, будут вновь и вновь становиться добычей «левых» и правых экстремистов и из потенциальных сторонников рабочего класса могут превратиться в пособников его врагов. «...Недооценка рабочим классом и его партиями работы со средними слоями, — говорится в сборнике «Рабочий класс и его союзники», — создала тот вакуум, который в 20-х годах заполнил фашизм, нашедший в этих слоях массовую базу и сочувствие»³³.

Именно рабочее движение может и должно привлечь на свою сторону новые поколения молодежи в капиталистических странах, предложить им иные формы организации и борьбы. В противном случае возрастет реальная опасность того, что «целые отряды растерянных и отчаявшихся молодых людей, готовых на все, чтобы выразить свой гнев и протест, выступают против общества»³⁴. Задача коммунистов состоит в том, чтобы помочь отвергающим капиталистическое угнетение массам найти путь от мелкобуржуазного отрицания капиталистического мира к революционному его отрицанию, переплавить стихийный протест против угнетения в революционное сознание, перевести бунт в организованную борьбу.

Борьба с политическим экстремизмом предстает,

таким образом, как часть борьбы за расширение влияния рабочего класса на непролетарские слои, способные стать его союзниками. Битва за нового союзника, перетягивание его на свою сторону с тем чтобы содействовать «победе его рассудка над его предрассудком»³⁵ — задача сложная, требующая от пролетариата и коммунистических партий времени и кропотливого труда. Однако решить эту задачу необходимо, ибо от завоевания поддержки и доверия со стороны непролетарских слоев, союза с ними во многом зависят общие перспективы победы пролетариата в его освободительной борьбе.

Рост социально-экономических противоречий в развитых капиталистических странах открывает перед рабочим классом и его революционным авангардом новые возможности для развития сотрудничества с непролетарскими слоями. «Потенциал непролетарского протеста... имеет большое значение. Его общественная и политическая роль будет возрастать в связи с научно-технической революцией и дальнейшим развитием государственно-монополистического капитализма»³⁶, — пишет член Правления ГКП Р. Штайгервальд. Вот почему коммунисты делают вывод о необходимости вести решительную полемику с ошибочными воззрениями представителей непролетарских слоев, поддерживая при этом их антикапиталистический протест и учитывая возможность достижения совместных действий в практике антиимпериалистической борьбы.

Стратегическая цель пролетариата и его авангарда предполагает вовлечение в борьбу за подлинную демократизацию политической жизни, за ликвидацию эксплуататорского строя и торжество социальной справедливости максимально широких масс трудящихся. «Рабочий класс и его авангард стремятся пройти путь революционного преобразования и вступить в социализм вместе со всеми, чьи интересы и действия не направлены против трудящегося большинства»³⁷.

Пролетариат капиталистических стран считает своей важнейшей обязанностью, используя свой богатейший опыт, способствовать становлению и восхождению к политической зрелости столь активного своего союзника. Подобная позиция организаций рабоче-

го класса, коммунистов должна помочь представителям непролетарских слоев сделать необходимый, хотя и весьма трудный, шаг — перейти от оглядки на прошлое к ориентации на тот класс, которому принадлежит будущее. Это будет переход от отчаяния, вызванного неотвратимым, как представляется многим из них, наступлением авторитарного монополистического государства и приближающимся крахом буржуазного общества, с которым они продолжают ассоциировать свои судьбы, к оптимизму и уверенности в том, что, став союзниками пролетариата, они принесут пользу новому будущему обществу. Это будет переход от бунта к участию в организованной революционной деятельности, от страха перед будущим к вере в него и к сознательной борьбе за его приближение. Обращаясь к тем, кто протестует против капиталистических порядков, коммунисты протягивают им руку, с тем чтобы помочь обратить их боевой дух, боевой порыв, их стремление к обновлению против подлинного врага — консервативных сил, крупного капитала, реакции. •

Буржуазия пытается отвратить значительные массы непролетарских слоев от участия в революционно-преобразующей и освободительной борьбе. Подталкивая наиболее авантюристические элементы на путь безответственных провокаций и террористического насилия, она в то же время запугивает широкие слои населения жупелом экстремизма, составляющего якобы сердцевину всякого революционного движения и самого коммунистического учения. Пролетариат, его революционные партии, разоблачая двурушничество антикоммунистических идеологов и одновременно честно и откровенно разъясняя «новым рекрутам» армии борцов против социального угнетения опасность того тупикового пути, на который их зовут идеологи мелкобуржуазного бунта, предлагают им присоединиться к общей освободительной борьбе трудящихся масс, открывая таким образом перед ними широкую перспективу включения в могучий фронт борцов за социальный прогресс.

* * *

Современный политический экстремизм — одно из наиболее уродливых проявлений глубокой деградации капиталистического общества. Выступая, подобно сыпи, на поверхности социальной ткани, политический экстремизм в его различных формах является не чем иным, как симптомом более тяжелых социальных недугов, поражающих буржуазный общественный организм.

Бороться против политического экстремизма сегодня — значит прежде всего искать ответ на те проблемы, которые возникают в обществе, переживающем кризис. Вот почему, мобилизуя массы на отпор экстремизму, важно не просто обличать и критиковать его, а противопоставлять ему политическую альтернативу, открывать реальный выход из того кризиса, который порождает экстремизм.

Экстремистским авантюрам коммунисты противопоставляют объединение усилий широких масс для защиты демократии, обеспечения жизненных интересов и прав трудящихся. Путь к этому лежит через широкую массовую борьбу, которую развертывают силы демократии, мира и социального прогресса в отдельных странах и на международной арене. Только революционная практика широких масс трудящихся, их активное вовлечение в общественную жизнь и в политическую борьбу способны опровергнуть экстремистские представления о возможности обеспечить свободу путем принуждения и поставить мощный заслон перед политическим авантюризмом.

В наши дни борьба с экстремизмом — это борьба против политического варварства, произвола и насилия, с помощью которых разлагающийся мир капитала пытается сдержать необратимый ход исторического развития, это форма отпора зловещему заговору сил реакции против идеалов социальной справедливости, демократии и свободы. Именно поэтому борьба с политическим экстремизмом неотделима от борьбы против порождающих его причин — социального угнетения, насилия и авантюризма как во внутренней, так и в международной политике, за подлинное освобождение человека и всего общества, за оздоровление международной обстановки и укрепление всеобщего мира.

К Введению (с. 3—11)

- ¹ *Sablier E. Le Fil Rouge: Histoire secrète du terrorisme international. P., 1983.*
- ² *Beyond Left and Right. Radical Thought for Our Time. N.Y., 1968, p. XXIV.*
- ³ *Terrorism (N.Y.), 1972, vol. 2, № 1/2, p. 10.*
- ⁴ *Laqueur W. Terrorism. L., 1980, p. 18.*
- ⁵ *Enzensberger H.-M. Politics and crime. N. Y., 1974, p. 8.*
- ⁶ *Arendt H. On Violence. N.Y., 1969, p. 83.*
- ⁷ *Mille N. de. By the rivers of Babylon. N.Y., 1978, p. 19.*
- ⁸ *La violenza e la politica. Roma, 1979, p. 10.*
- ⁹ *Ibid., p. 64.*
- ¹⁰ *Lombroso C. Les Anarchistes. P., 1896, p. 184.*
- ¹¹ *Wilson C. Crimes of Freedom and their Cure. L., 1975, p. 26.*
- ¹² Согласно одному из социологических исследований, проведенному во Франции, вдовцы более предрасположены к участию в деятельности правозкстремистских организаций, в то время как к левым экстремистам тяготеют преимущественно лица, не обремененные семьей, атеисты и антимилитаристы (*Le Monde, 1983, 20—21.XI*).
- ¹³ *Laqueur W. Terrorism, p. 8.*
- ¹⁴ См.: *Маркс К.; Энгельс Ф. Соч., т. 17, с. 522.*
- ¹⁵ *Sablier E. Le Fil Rouge, p. 14.*
- ¹⁶ *U.S. News and World Report, 1981, 2.V.*
- ¹⁷ *Le Monde, 1981, 14. III.*
- ¹⁸ *U.S. News and World Report, 1981, 2.V, p. 27—29.*
- ¹⁹ См.: *Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 39, с. 355.*
- ²⁰ См.: *Уоддис Д. «Новые» теории революции: Критический анализ взглядов Ф. Фанона, Р. Дебре, Г. Маркузе. М., 1975; Дюкло Ж. Бакунин и Маркс. Тень и свет. М., 1975; Duclos J. Les anarchistes d'hier et d'aujourd'hui. P., 1968; Salini L. Mai des proletaires. P., 1968; Andrieu R. Les communistes et la Révolution. P., 1968; Prevost C. Les étudiants et le gauchisme. P., 1969; Reid B. Ultra-Leftism in Britain. L., 1969; Green G. The New Radicalism. Anarchist or Marxist? N.Y., 1971; Terrorisme et démocratie. P., 1978; Ochetto A. A dieci anni dal 1968. Roma, 1978; L'estremismo in Italia. Roma, 1982.*
- ²¹ См.: *Баталов Э. Я. Философия бунта. М., 1973; Полянский Ф. Я. Социализм и современный анархизм. М., 1973; Коммунисты и проблемы современного молодежного движения. М., 1976; Левое студенческое движение в странах капитала. М., 1976; Массовые движения социального протеста в США (семидесятые годы). М., 1978; Анчел Е. Мифы потрясенного сознания. М., 1979; Ляхов Е. Г. Проблемы сотрудничества государств в борьбе с международным терроризмом. М., 1979; Современное*

политическое сознание в США. М., 1980; *Генри Э.* Против терроризма. М., 1981; *Ржезач Т.* Смерть на улицах. М., 1982; *Асеевский А. И.* Кто организует и направляет международный терроризм? М., 1982.

²² *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 27, с. 388.

К главе I (с. 12—32)

¹ *Плеханов Г. В.* Соч., т. 12, М., 1925, с. 125.

² См., в частности, посвященные этим вопросам работы: *Жеффруа Г.* ...Заключенный. Жизнь и революционная деятельность Огюста Бланки. М.—Л., 1925; *Дебагорий-Мокриевич В.* От бунтарства к терроризму. М.—Л., 1930; *Нечаев и нечаевцы:* Сб. материалов. М.—Л., 1931; *Ярославский Е.* Карл Маркс и революционное народничество. М., 1933; *Степняк-Кравчинский С. М.* Подпольная Россия. М., 1960; *Рабочее движение в России в XIX в.:* Сб. документов и материалов. М., 1961; *Далин В. М.* Грахх Бабёф накануне и во время Великой французской революции (1785—1794). М., 1963; *Кропоткин П. А.* Записки революционера. М., 1966; *Пирумова Н. М.* Михаил Бакунин. Жизнь и деятельность. М., 1966; *Михайлов М. И.* Борьба против бакунизма в I Интернационале. М., 1976; *Волгин В. П.* Очерки истории социалистических идей: Первая половина XIX в. М., 1976; *Корноухов Е. М.* Борьба партии большевиков против анархизма в России. М., 1981, и др.

³ *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 20, с. 65.

⁴ См.: *Буонарротти Ф.* Заговор во имя равенства, именуемый заговором Бабёфа, т. I. М.—Л., 1948.

⁵ *The Terrorism Reader: A Historical Anthology.* L., 1979, p. 55.

⁶ Цит. по: *Lagueur W.* Terrorism, p. 40.

⁷ *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 18, с. 426.

⁸ *Redbeard R.* Might is Right. Chicago, 1903, p. 70.

⁹ См.: *Пирумова Н. М.* Михаил Бакунин, с. 120.

¹⁰ См. там же.

¹¹ См.: *Бакунин М.* Избр. соч., т. I. Пб., 1919, с. 238, 61, 270, 90.

¹² См.: *Пирумова Н. М.* Михаил Бакунин, с. 120—122.

¹³ Цит. по: *Революционное народничество семидесятых годов XIX века,* т. I. М., 1964, с. 86.

¹⁴ *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 18, с. 426.

¹⁵ *Дюкло Ж.* Бакунин и Маркс. Тень и свет, с. 21—22.

¹⁶ *Anarchism today.* N.Y., 1972, p. 3.

¹⁷ *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 20, с. 46.

¹⁸ *Cuba Socialista,* 1966, N 54, p. 94.

¹⁹ *La révolte étudiante.* P., 1968, p. 33.

²⁰ *Soares P.* Herdeiros e continuadores de anarquismo. Lisboa, 1983, p. 15.

²¹ *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 4, с. 331.

²² *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 21, с. 197.

²³ *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 3, с. 375.

²⁴ *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 22, с. 544.

²⁵ *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 42, с. 140.

²⁶ Цит. по: *Lagueur W.* Terrorism, p. 186.

²⁷ *Sterling C.* The Terror Network. N.Y., 1981, p. 83.

²⁸ *U. S. News and World Report,* 1981, 2.V, p. 27—29.

- 29 См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 49, с. 312.
 30 Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 9, с. 130.
 31 Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 30, с. 182.
 32 Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 41, с. 14.
 33 Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 4, с. 372.
 34 Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 44, с. 101.
 35 Там же.
 36 Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 22, с. 119.
 37 Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 30, с. 315.
 38 Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 21, с. 197.
 39 Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 6, с. 375.
 40 См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 7, с. 251.
 41 Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 14, с. 5.
 42 Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 6, с. 386.
 43 Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 14, с. 2.
 44 Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 37, с. 296.
 45 Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 38, с. 74.
 46 Баталов Э. Я. Философия бунта, с. 198—199.
 47 Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 49, с. 313.
 48 «Сам по себе термин «городская партизанская война», — отмечает В. Лакёр, — вызывает сомнение... Коротко говоря, он является рекламным названием терроризма: обычно террористы не любят, когда их так называют, предпочитая более романтический партизанский облик» (*Lagueur W. Terrorism*, p. 262).

К главе II (с. 33—63)

- ¹ *Le Figaro*, 1983, 24.VIII.
² *Le Monde*, 1982, 29.IV, p. 8.
³ *Kupperman R., Trent D. Terrorism: Threat, reality, response.* N. Y., 1981, p. 90.
⁴ *Lagueur W. Terrorism*, p. 213—214.
⁵ *Le Monde*, 1984, 26.XII, p. 3.
⁶ *Le Nouvel Observateur*, 1981, 12.01.
⁷ Экстремистская организация баскских сепаратистов, выделившихся в 1957 г. из Баскской националистической партии и добивающихся автономии Страны Басков. Активно выступив в свое время против франкистской диктатуры, ЭТА с 1968 г. перешла к террористическим действиям. В 1973 г. членами этой организации был убит председатель испанского правительства адмирал Луис Карреро Бланко.
⁸ *L'Express*, 1982, 18.VI, p. 77.
⁹ *Raufeur K. Terrorisme: Maintenant la France? La Guerre des Partis Communistes Combattants.* P., 1983, p. 181.
¹⁰ *Clutterbuck R. Britain in Agony.* L., 1980, p. 146.
¹¹ *Terrorism et démocratie*, p. 88.
¹² *The Washington Times*, 1983, 4.III.
¹³ *L'Unita*, 1982, 11.V.
¹⁴ *Le Monde*, 1982, 12.V, p. 5.
¹⁵ Материалы Пленума Центрального Комитета КПСС, 14—15 июня 1983 г. М., 1983, с. 24.
¹⁶ *Brown B. Protest in Paris.* N.Y., 1974, p. 222.
¹⁷ *Marcuse H. Homme unidimensionnel.* P., 1968, p. 280.

- ¹⁸ *Jordan B.* Mass unemployment and the Future of Britain. Oxford, 1982, p. 19.
- ¹⁹ Daily World, 1983, 8. XII.
- ²⁰ Le Point, 1984, 9. VII, p. 37.
- ²¹ *Gorz A.* Adieux au prolétariat. Au delà du socialisme. P., 1980.
- ²² Beyond Left and Right, p. XXIX.
- ²³ Городские районы, заселенные главным образом пуэрториканцами.
- ²⁴ Рабочий класс и современный мир, 1976, № 2, с. 50.
- ²⁵ См.: Проблемы мира и социализма, 1982, № 6, с. 81.
- ²⁶ Terrorisme et démocratie, p. 96.
- ²⁷ *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 2, с. 343.
- ²⁸ *Marshak D., Woolly D.* American Campus in 1970-s. Rutger univ., 1973, p. 19.
- ²⁹ Коммунист, 1984, № 5, с. 105.
- ³⁰ Le Nouvel Observateur, 1978, 16—22. X, p. 72—73.
- ³¹ Le Monde, 1981, 29.IV.
- ³² The Washington Post, 1979, 4.VI.
- ³³ *Schmid A. P., Graaf J. de.* Violence as Communication. Insurgent Terrorism and the Western News Media. L., 1982, p. 19.
- ³⁴ *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 17, с. 143.
- ³⁵ Известия, 1981, 10 февраля.
- ³⁶ International Herald Tribune, 1984, 7. VII.
- ³⁷ Africasia, 1984, 12. XI.

К главе III (с. 64—94)

- ¹ *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 20, с. 306.
- ² *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 19, с. 46.
- ³ См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 31, с. 156.
- ⁴ См.: *Ржезач Т.* Смерть на улицах, с. 91.
- ⁵ Anti Politik: Terrorismus. Hannover, 1979, S. 217.
- ⁶ L'Unita, 1977, 25.II.
- ⁷ *Acquaviva S. S.* Guerriglia e guerra rivoluzionaria in Italia. Ideologia, fatti, prospettive. Milano, 1979, p. 50.
- ⁸ Frankfurter Rundschau, 1981, 2.XI.
- ⁹ *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 4, с. 434.
- ¹⁰ *Левковский А. И.* Мелкая буржуазия: облик и судьбы класса. М., 1978, с. 136.
- ¹¹ *Fanon F.* Les damnés de la terre. P., 1967, p. 103.
- ¹² Цит. по: Ideologien der Terroristen in der Bundesrepublik. Opladen, 1981, S. 51, 66.
- ¹³ *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 4, с. 209.
- ¹⁴ Проблемы мира и социализма, 1976, № 2, с. 55.
- ¹⁵ *Brown V.* Protest in Paris, p. 100.
- ¹⁶ См.: Проблемы мира и социализма, 1982, № 6, с. 48.
- ¹⁷ *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 22, с. 432.
- ¹⁸ См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 7, с. 213.
- ¹⁹ *Brown V.* Protest in Paris, p. 216.
- ²⁰ *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 4, с. 209.
- ²¹ *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 4, с. 434.
- ²² The Nonconformist Conscience. L., 1982, p. 76.
- ²³ См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 9, с. 130.
- ²⁴ *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 6, с. 75.

- 25 Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 17, с. 351.
 26 Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 41, с. 14.
 27 Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 32, с. 130.
 28 Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 2, с. 454.
 29 Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 20, с. 132.
 30 Уоддис Дж. «Новые» теории революции, с. 225—226.
 31 Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 23, с. 514 (примеч.).
 32 Soares P. Herdeiros e continuadores de anarquismo, p. 25.
 33 Dialogue, 1969, vol. 2, p. 48.
 34 Youth in Turmoil. N.Y., 1969, p. 140.
 35 Parkin F. Middle Class Radicalism. Manchester, 1968, p. 117.
 36 Плеханов Г. В. Соч., т. IV. М.—Пг., 1923, с. 248.
 37 Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 12, с. 104.
 38 Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 8, с. 344.
 39 Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 9, с. 15.
 40 Soares P. Herdeiros e continuadores de anarquismo, p. 36, 40.
 41 Oglesby C. Containment and Change. Macmillan. N.Y., 1967, p. 164.
 42 См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 5, с. 377—378.
 43 Green G. The New Radicalism. Anarchist or Marxist, p. 99.
 44 Ibid., p. 60.
 45 Etzioni A. Complex organizations. Free press, Glencoe, 1961.
 46 Parkin F. Middle Class Radicalism, p. 28—29.
 47 Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 22, с. 121.
 48 См. подробнее: Баталов Э. А. Философия бунта.
 49 Keniston K. Young Radicals. N. Y., 1968, p. 181.
 50 Marcuse H. An essay on liberation. L., 1969, p. 14.
 51 Gorz A. Adieux au prolétariat, p. 15.
 52 L'Express, 1981, 31.I, p. 25.
 53 Ideologien der Terroristen..., S. 58.
 54 Ibid., S. 68.
 55 Цит. по: Acquaviva S. Guerriglia e guerra rivoluzionaria in Italia, p. 94.
 56 Duclos J. Les anarchistes d'hier et d'aujourd'hui, p. 22.
 57 L'Humanité, 1977, 1.III.
 58 Cohn-Bendit D. Le Grand Bazar. P., 1974, p. 79.
 59 Soares P. Herdeiros e continuadores de anarquismo, p. 16.
 60 Duclos J. Les anarchistes..., p. 110.
 61 Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 33, с. 25—26.

К главе IV (с. 95—126)

- ¹ Lagueur W. Terrorism, p. 100.
² Acquaviva S. S. Guerriglia e guerra rivoluzionaria in Italia, p. 53.
³ Le Monde, 1982, 23.VII.
⁴ Уругвайские отряды борьбы за национальное освобождение (тупамарос) были созданы в начале 60-х годов. Их «партизанская», а на деле террористическая деятельность, включавшая нападения на банки, захват заложников и политические убийства «агентов империализма», достигла своего пика в 1970—1971 гг.
⁵ Lagueur W. Terrorism, p. 225.
⁶ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 6, с. 379.
⁷ Кропоткин П. А. Великая Французская революция. 1789—1793. М., 1979, с. 15.

- ⁸ Le Monde, 1980, 6.VIII.
- ⁹ Цит. по: Knjizevne novine (Beograd), 1968, 14.IX.
- ¹⁰ Friedman G. The Political Philosophy of the Frankfurt School. The Ithaka Cornwell University Press, 1981.
- ¹¹ Le Monde, 1979, 16.X.
- ¹² См.: Современное политическое сознание в США, с. 309.
- ¹³ L'Express, 1976, 3.XII.
- ¹⁴ Гегель. Соч., т. IV. М., 1959, с. 15.
- ¹⁵ Ideologien der Terroristen., S. 183.
- ¹⁶ Ibid., S. 50.
- ¹⁷ Geismar A. L'engrenage terroriste. P., 1981, p. 40—41.
- ¹⁸ Fanon F. The Wretched of the Earth. L., 1967, p. 74.
- ¹⁹ Africasia, 1984, 1.IV.
- ²⁰ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 20, с. 88.
- ²¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 17, с. 190—191.
- ²² Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 7, с. 287—288.
- ²³ Ideologien der Terroristen., S. 46, 107.
- ²⁴ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 44, с. 223.
- ²⁵ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 17, с. 522.
- ²⁶ Плеханов Г. В. Соч., т. IV. М., 1923, с. 252.
- ²⁷ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 6, с. 384.
- ²⁸ Цит. по: L'Unita, 1980, 24.II.
- ²⁹ Avanti, 1982, 23.XII.
- ³⁰ Africasia, 1981, 5.IX.
- ³¹ Цит. по: Современное политическое сознание в США, с. 322.
- ³² Ideologien der Terroristen., S. 34.
- ³³ Ibid., S. 106.
- ³⁴ Цит. по: Ржезач Т. Смерть на улицах, с. 95.
- ³⁵ L'Unita, 1980, 24.VIII.
- ³⁶ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 36, с. 482.
- ³⁷ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 32, с. 475.
- ³⁸ Rinascita, 1978, 10.I, p. 29.
- ³⁹ Коваленский М. Русская революция в судебных процессах и мемуарах. Кн. I. М., 1923, с. 40.
- ⁴⁰ Geismar A. L'Engrenage terroriste, p. 53.
- ⁴¹ Rauffer K. Terrorisme., p. 109.
- ⁴² Ideologien der Terroristen., S. 96.
- ⁴³ Geismar A. L'Egrenage terroriste, p. 163.
- ⁴⁴ Ideologien der Terroristen, S. 104—105.
- ⁴⁵ La violenza e la politica, p. 61.
- ⁴⁶ Le Nouvel Observateur, 1982, 18.IX.
- ⁴⁷ Ideologien der Terroristen., S. 33.
- ⁴⁸ Цит. по: Коваленский М. Русская революция в судебных процессах и мемуарах. Кн. I, с. 37—40.
- ⁴⁹ Keniston K. Young Radicals, p. 86.
- ⁵⁰ Ibid., p. 159.
- ⁵¹ Ideologien der Terroristen., S. 35.
- ⁵² Le Nouvel Observateur, 1982, 18.IX, p. 61—63.
- ⁵³ О том, как осуществлялась одна из подобных «экспроприаций», рассказывает в своем интервью дочь крупного американского газетного магната Патриция Херст, похищенная в свое время террористами из так называемой симбионистской освободительной армии и затем сама ставшая активным членом этой террористической группировки вплоть до ее разгрома полицией.

«В назначенный день, 15 апреля 1974 г., в понедельник утром, наше оружие было тщательно разложено в надлежащем порядке вдоль стены спальни. Оно было полностью заряжено, готово к использованию. Когда я проснулась в это утро, я просто не могла поверить, что настал тот день, когда я, Патриция Кэмпбелл Херст, собираюсь принять участие в вооруженном ограблении банка.

Это должна была быть по замыслу нашего главного фельдмаршала Чинкве тщательно спланированная и подготовленная военная операция. Внутри банка мы должны были называть друг друга по номерам, а не по именам.

После того как планы были разработаны, мы вновь и вновь тщательно отработывали, как каждый из нас войдет в банк и что должен делать внутри. Мы репетировали это словно пьесу, которая пойдет на Бродвее.

Я старательно заучивала и повторяла небольшую речь, которую должна была произнести в банке. Она длилась почти столько же, сколько вся операция, — две с половиной минуты. Громким, ясным, решительным голосом я должна была назвать свое имя — Патриция Херст, подпольную кличку — Тая и объявить, что происходит не ограбление, а экспроприация капиталистической собственности в пользу симбионистской освободительной армии, которая ведет войну против Соединенных Штатов от имени всех бедных и угнетенных людей... что я вступила в СОА добровольно и сражаюсь вместе с ними по собственной воле...

Для совершения революции, объявил Чинкве, СОА должна разделиться на три группы, по три члена в каждой, основываясь на их сильных и слабых личных качествах... Группы должны действовать как совершенно независимые, самообеспечивающиеся единицы, совместно тренирующиеся и действующие. Когда мы выходили на улицы, мы должны были идти каждый своим путем, не встречаясь, за исключением временных военных совещаний всех групп СОА. Каждая боевая группа должна вербовать союзников и перестраиваться, с тем чтобы стать полным боевым отрядом.

Наша следующая боевая операция должна была быть самой значительной, заявил Чинкве, поскольку мы обязаны развивать революцию, вступая на путь «поиска и разрушения», стреляя и убивая полицейских. По ночам мы должны рыскать по улицам, охотясь на полицейских везде, где мы наткнулись на них, — на постах или в полицейских машинах. Мы открываем пулеметный огонь и затем исчезаем в ночи. Так выглядит настоящая партизанская война.

СОА должна нападать только на полицейских и других врагов народа. Пройдет время, и народ осознает нашу миссию и будет укрывать боевые группы СОА в своих домах. Другие присоединятся к нам, когда все это начнется.

Укрывшись в сыром темном убежище, мы жили в своем собственном мире. Смерть витала в спертom воздухе этого убежища. Чаще, чем когда-либо раньше, все говорили о смерти. Не проходило ни дня, ни ночи, чтобы кто-нибудь не упомянул о смерти, а другие сразу же подхватывали эту тему. Они не только считали, что смерть прекрасна. Она стала для них необходимостью. Единственный способ для СОА доказать в конце

концов людям серьезность своих намерений — это умереть за их дело» (Playboy, 1982, N 5, p. 45—47).

⁵⁴ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 1, с. 362.

⁵⁵ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 1, с. 65.

К главе V (с. 127—156)

¹ Andrieu R. Les Communistes et la Révolution, p. 84.

² Prevost C. Les étudiants et le gauchisme, p. 116.

³ Дюкло Ж. Бакунин и Маркс. Тень и свет, с. 317.

⁴ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 8, с. 103.

⁵ Le Monde diplomatique, 1980, N 318, IX.

⁶ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 36, с. 208.

⁷ Laqueur W. Terrorism, p. 250—251.

⁸ XIII съезд Итальянской коммунистической партии (Милан, 13—17 марта, 1972 г.). М., 1973, с. 104.

⁹ L'estremismo in Italia, p. 82—83.

¹⁰ См.: Проблемы мира и социализма, 1974, № 7, с. 34.

¹¹ Rinascita, 1968, 30.V.

¹² Political Affairs, 1973, XII, p. 7.

¹³ Международное Совещание коммунистических и рабочих партий. Москва, 1969. Прага, 1969, с. 367.

¹⁴ Le Monde diplomatique, 1980, N 318, IX, p. 21.

¹⁵ Laqueur W. Terrorism, p. 245.

¹⁶ Проблемы мира и социализма, 1982, № 6, с. 49.

¹⁷ Цит. по: Лонге Ж., Зильбер Г. Террористы и охранка. М., 1924, с. 69.

¹⁸ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 18, с. 329.

¹⁹ Ideologien der Terroristen..., S. 71.

²⁰ Time, 1982, 25.I, p. 10.

²¹ Kupperman R., Trent D. Terrorism: Threat, reality, response, p. 272.

²² Le Point, 1981, 21.I, p. 29.

²³ Ideologien der Terroristen..., S. 95.

²⁴ Laqueur W. Terrorism, p. 59.

²⁵ Le Monde, 1982, 30.XII.

²⁶ Ideologien der Terroristen..., S. 81.

²⁷ Le Monde, 1982, 14—15.III.

²⁸ Проблемы мира и социализма, 1982, № 7, с. 70.

²⁹ Laqueur W. Terrorism, p. 163.

³⁰ Time, 1984, 2.I.

³¹ Le Point, 1980, 7.IV, p. 36.

³² По имеющимся данным, 50 % оружия, продаваемого Италией в страны Африки, не достигает портов назначения и нелегально продается на территории самой Италии.

³³ Le Nouvel Observateur, 1982, 18.IX, p. 64, 66.

³⁴ Le Monde, 1980, 2.IV.

³⁵ The Sunday Press, 1976, 15.II.

³⁶ Le Nouvel Observateur, 1982, 17.IV, p. 39.

³⁷ Ibidem.

³⁸ International Herald Tribune, 1983, 12.IV.

³⁹ Le Monde, 1982, 14—15.III.

⁴⁰ Ржезач Т. Смерть на улицах, с. 225.

⁴¹ Geismar A. L'Engrenage terroriste, p. 114.

⁴² Laqueur W. Terrorism, p. 98, 181, 265.

- 43 Цит. по: *Glaser H. Jugend zwischen Agression und Apatie.* Heidelberg, 1980.
- 44 *L'Unita*, 1980, 13.V.
- 45 *Le Soir*, 1980, 6.XI.
- 46 *Le Point*, 1978, 14.I, p. 37.
- 47 *Плеханов Г. В.* Соч., т. IV, с. 252.
- 48 *Statera G. Storia di una utopia.* Milano, 1975, p. 105.
- 49 *The New York Times*, 1981, 31.V.
- 50 *L'Unita*, 1982, 12.V.

К главе VI (с. 157—178)

- 1 *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 7, с. 288.
- 2 *Лонге Ж., Зильбер Г.* Террористы и охранка, с. 6.
- 3 Там же, с. 183.
- 4 Там же, с. 43.
- 5 Там же, с. 14.
- 6 *Green G. The New Radicalism*, p. 99.
- 7 *Gonzales-Mata L. Les vrais maitres du monde*, p. 76.
- 8 *L'Humanité*, 1979, 2.VII.
- 9 *Corriere della sera*, 1982, 7.II.
- 10 *Newsweek*, 1975, 26.V.
- 11 *Правда*, 1976, 27 февраля.
- 12 *Avantel* 1975, 8.VI.
- 13 *Рабочий класс и современный мир*, 1974, № 6, с. 136.
- 14 *Newsweek*, 1983, 8.VIII, p. 33.
- 15 *Schmid A. P., Graaf J. de. Violence as communication*, p. 28.
- 16 *Ibid.*, p. 13.
- 17 *Selzer M. Terrorist chic.* N.Y., 1979, p. 45.
- 18 *Laqueur W. Terrorism*, p. 116.
- 19 *Schmid A. P., Graaf J. de. Violence as Communication*, p. 20.
- 20 *Laqueur W. Terrorism*, p. 135.
- 21 *Kupperman R., Trent D. Terrorism: Threat, reality, response*, p. 57.
- 22 *La violenza e la politica*, p. 64.
- 23 *Selzer M. Terrorist chic*, p. 182.
- 24 *Clark R. Ch. Technological terrorism.* Old Greenwich, 1980, p. 164.
- 25 *Le Monde*, 1984, 4.I.
- 26 *Schmid A. P., Graaf J. de. Violence as Communication*, p. 52.
- 27 *Ibid.*, p. 53.
- 28 *Lodge J. (ed.). Terrorism: A Challenge to the State.* Oxford Robert-son, 1981, p. 93.
- 29 *Le Monde*, 1981, 26.IV.
- 30 *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 5, с. 7.
- 31 *Geismar A. L'Engrenage terroriste*, p. 96.
- 32 *D'Express*, 1982, 3.XII, p. 76.
- 33 *Beyond Left and Right. Radical Thought for our Time*, p. 66.
- 34 *The New York Times*, 1983, 24.XI.
- 35 *Clark R. Ch. Technological Terrorism*, p. 143.
- 36 *Daily World*, 1984, 27.IV.
- 37 *Ibidem.*
- 38 *Corriere della sera*, 1984, 3.III.
- 39 *La Stampa*, 1983, 19.VI.

К главе VII (с. 179—198)

- ¹ VII конгресс Коммунистического Интернационала и борьба против фашизма и войны (сборник документов). М., 1975, с. 120.
- ² *Laqueur W. Terrorism*, p. 93.
- ³ *L'Express*, 1981, 20.XI, p. 51.
- ⁴ *Jordan B. Mass unemployment and the Future of Britain*, p. 231.
- ⁵ *International Herald Tribune*, 1983, 15.VI.
- ⁶ См.: *Кемов А. В., Москвин В. И. Павлов С. Л. Терроризм — орудие империализма*. М., 1982, с. 59.
- ⁷ *Der Spiegel*, 1982, 15.I, S. 65.
- ⁸ *Sozialdemokratischen Pressedienst*, 1979, 22.VIII.
- ⁹ *Le Nouvel Observateur*, 1981, 20.XI, p. 51.
- ¹⁰ *Le Monde*, 1984, 18.III.
- ¹¹ *Le Matin*, 1984, 25.XII.
- ¹² См.: *Генри Э. Терроризм и неофашизм*. — МЭМО, 1981, № 11, с. 108.
- ¹³ *Libération*, 1984, 25.XII.
- ¹⁴ *Ibidem*.
- ¹⁵ *Theolleyre J.-M. Les Neo-Nazis*. P., 1982, p. 21.
- ¹⁶ *Le Point*, 1984, 11.VII.
- ¹⁷ *Le Quotidien de Paris*, 1984, 21.VII.
- ¹⁸ *Chomber de Lauve. M.-J. Le Complot contre la démocratie*. P., 1983, p. 38.
- ¹⁹ *Searchlight*, 1984, 17.IV, p. 19.
- ²⁰ *Le Nouvel Observateur*, 1983, 24.X, p. 43.
- ²¹ *International Herald Tribune*, 1980, 9.X.
- ²² OAS — «Organisation armée secrète» — тайная террористическая организация ультраправых французских военных, выступавших за сохранение Францией ее колониальных владений.
- ²³ *Le Soir*, 1980, 6.XI.
- ²⁴ *Gonzales-Mata L. Les vrais maitres du monde*. P., 1979, p. 202.
- ²⁵ *Le Monde*, 1983, 22.VII.
- ²⁶ *Loran F. Orchestre noir*. P., 1982, p. 21.
- ²⁷ *Le Nouvel Observateur*, 1979, 18.VIII, p. 28.
- ²⁸ *Figaro-magazine*, 1980, 9.VII.
- ²⁹ *Le Monde*, 1980, 9—10. XI.
- ³⁰ *Le Monde*, 1982, 21.IX.
- ³¹ *Le Monde diplomatique*, 1980, VIII, p. 9.
- ³² *Daily World*, 1978, 18.VI.

К главе VIII (с. 199—236)

- ¹ *Bonante L. Terrorism and international political analysis*. — *Terrorism*, 1979, vol. 3, N 1—2.
- ² *The New York Times*, 1981, 10.II.
- ³ *Time*, 1982, 11.I, p. 7.
- ⁴ *Daily News*, 1984, 26.IV.
- ⁵ *The Guardian*, 1983, 11.VII.
- ⁶ *Morning Star*, 1978, 5.V.
- ⁷ *International Herald Tribune*, 1977, 30.VI.

- ⁸ Political Affairs, 1984, VI, p. 2—3.
- ⁹ The New York Times, 1975, 22.XI.
- ¹⁰ Senate Select Committee Report. Alleged Assassination Plots Involving Foreign Leaders. 94-th Congress, 1-st session. Washington, 1975.
- ¹¹ Guerin A. Les gens de la CIA. P., 1980, p. 318.
- ¹² Kumar S. CIA and the Third World. A study in Crypto Diplomacy. New Delhi, 1981.
- ¹³ Dirty Work: The CIA in Western Europe. Secaucus. N.Y., 1978, p. 6.
- ¹⁴ Department of State Bulletin, 1983, XII, p. 6.
- ¹⁵ Dirty Work 2. The CIA in Africa. Secaucus. N.Y., 1979, p. XVI.
- ¹⁶ United States Code, 1946 Edition. Supplement V. Vol. 1. Washington, 1952, p. 1225.
- ¹⁷ Gonzales-Mata L. Les vrais maitres du monde, p. 141—142.
- ¹⁸ Ibid., p. 143.
- ¹⁹ Covert action in Chile. 1963—1973. Staff Report of the Select Committee to Study Governmental Operations with Respect to Intelligence Activities. US Senate, 94-th Congress. 1-st session. Washington, 1975.
- ²⁰ Le Figaro, 1983, 16.XI.
- ²¹ The Washington Star, 1981, 18.III.
- ²² Цит. по: Ben Ami. Years of Wrath, Days of Glory. N.Y., 1982, p. 193.
- ²³ Nouvel Observateur, 1984, 19.V, p. 36.
- ²⁴ The Washington Post, 1981, 7.II.
- ²⁵ Sterling C. The Terror Network.
- ²⁶ Sablier E. Le Fil rouge. Histoire secrète du terrorisme international. Plon. Paris, 1983.
- ²⁷ Le Monde, 1984, 17.VI.
- ²⁸ US News and World Report, 1981, 20.V, p. 27.
- ²⁹ Covert action, 1983, Winter, N 18, p. 2.
- ³⁰ Figaro, 1982, 27.II.
- ³¹ L'Unita, 1982, 9.II.
- ³² Rinascita, 1981, 19.I, p. 15.
- ³³ L'Europeo, 1978, 29.IX.
- ³⁴ Цит. по: Gonzales-Mata L. Les vrais maitres du monde, p. 52.
- ³⁵ Подробнее об этом см.: Замойский Л. Тайные пружины международного терроризма. М., 1982.
- ³⁶ См.: Росси Д., Ломбрасса Ф. Во имя лжи. М., 1983.
- ³⁷ Цит. по: Замойский Л. П. Тайные пружины международного терроризма, с. 72.
- ³⁸ С момента похищения А. Моро и до его смерти террористы совершили в Италии 267 вооруженных нападений, убили двух человек и шестнадцать ранили.
- ³⁹ Le Nouvel Observateur, 1982, 4.IX.
- ⁴⁰ XXVI съезд Коммунистической партии Советского Союза. Стенографический отчет, т. 1. М., 1981, с. 293.
- ⁴¹ Международная жизнь, 1981, № 6, с. 44.
- ⁴² Le Monde, 1981, 14.VII.
- ⁴³ Le Monde, 1983, 20.V.
- ⁴⁴ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 39, с. 404.

- ¹ Rinascita, 1980, 15.III.
- ² Le Monde, 1982, 28.VII.
- ³ L'Espresso, 1980, 30.VI.
- ⁴ Le Nouvel Observateur, 1983, 11.II, p. 27.
- ⁵ Geismar A. L'Engrenage terroriste, p. 155.
- ⁶ Le Monde, 1982, 9.VIII.
- ⁷ Цит. по: США: студенты и политика. М., 1974, с. 93.
- ⁸ L'Unita, 1983, 12. VI.
- ⁹ Corriere della sera, 1982, 13.VI.
- ¹⁰ Newsweek, 1985, 11. II, p. 8.
- ¹¹ Ibidem.
- ¹² Le Nouvel Observateur, 1983, 11.II, p. 27.
- ¹³ Newsweek, 1982, 29.XI, p. 18.
- ¹⁴ Kupperman R., Trent D. Terrorism: Threat, reality, response, p. 198.
- ¹⁵ Clark R. Ch. Technological terrorism, p. 179.
- ¹⁶ Ibid., p. 190.
- ¹⁷ Ibid., p. 159.
- ¹⁸ Terrorisme et démocratie, p. 148.
- ¹⁹ Le Monde, 1982, 14—15.III.
- ²⁰ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 41, с. 15.
- ²¹ Rinascita, 1978, 12.V.
- ²² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 41, с. 15.
- ²³ Цит. по: Ржезач Т. Смерть на улицах, с. 202.
- ²⁴ Le Monde, 1982, 11.V.
- ²⁵ Soares P. Herdeiros e continuadores de anarquismo, p. 9.
- ²⁶ L'Unita, 1981, 9.VII.
- ²⁷ Luxemburg R. Gesammelte Werke, Bd 4. Berlin, 1974, S. 445.
- ²⁸ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 11, с. 16.
- ²⁹ Цит. по: Ганев Г. Сила убежденности коммуниста. — Проблемы мира и социализма, 1984, № 3, с. 93.
- ³⁰ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 41, с. 27.
- ³¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 10, с. 59.
- ³² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 25, с. 101.
- ³³ Рабочий класс и его союзники. Прага, 1977, с. 156.
- ³⁴ Rinascita, 1979, 19.I.
- ³⁵ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 8, с. 220.
- ³⁶ Штайгервальд Р. Непролетарский протест и марксистское рабочее движение. — Проблемы мира и социализма, 1982, № 6, с. 53.
- ³⁷ Дельгадо М., Коваль Б., Сунига К. Средние слои. С кем они? — Проблемы мира и социализма, 1982, № 12, с. 71.

Оглавление

ВВЕДЕНИЕ	3
I. РЕВОЛЮЦИЯ ИЛИ ЗАГОВОР?	12
1. «День спасительного террора»	—
2. «Нецелесообразное» средство борьбы	20
II. КОРНИ ПРОБЛЕМЫ	33
1. Приливная волна экстремизма	—
2. Поколение кризиса	44
3. Сатурн, пожирающий детей	56
III. НОВЫЕ РЕКРУТЫ	64
1. Взрывчатая смесь	—
2. Дуэль или массовая борьба?	71
3. Родимые пятна прошлого	78
4. Антипролетарская утопия	84
IV. ЦЕЛЬ И СРЕДСТВА	95
1. Нетерпение как теоретический аргумент	—
2. «Механический» марксизм	105
3. «Вооруженная пропаганда»	111
4. Сектантский мир	121
V. ПО СТУПЕНЯМ ПАДЕНИЯ	127
1. Наследники «парижского мая»?	—
2. Смена вех	138
3. «Левые» контрреволюционеры	148
VI. В ЛАГЕРЕ РЕАКЦИИ	157
1. Провокация как профессия	—
2. Рекламный терроризм	164
3. Полицейская «демократия»	170
VII. ШТУРМОВЫЕ ОТРЯДЫ ИМПЕРИАЛИЗМА	179
1. «Черный оркестр»	—
2. «Крестные отцы» правого экстремизма	192
VIII. ТЕРРОРИЗМ КАК ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПОЛИТИКА	199
1. «Международная гражданская война»	—
2. Экспорт террора	207
3. В поисках алиби	222
4. Миф о «международном терроризме»	230
IX. ПУТЬ, ВЕДУЩИЙ В ТУПИК	237
1. «Закат» экстремизма?	—
2. Есть ли вакцина от «вируса экстремизма»?	247
3. Борьба за союзников	253
ЦИТИРУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА	259

Грачев А. С.

Г78 Политический экстремизм.— М.: Мысль, 1986.— 271 с.

В пер.: 1 р. 30 к.

Книга посвящена анализу «левого» и правого политического экстремизма, в ней показана деятельность наиболее известных организаций — «красных бригад», «фракций красной армии», профашистских группировок. Раскрываются социально-экономические и идейные корни экстремизма, разоблачаются основные теоретические концепции его идеологов. Дан анализ западных концепций «международного терроризма».

Г 0302020300-020
004(01)-86 64-86

ББК 66.018
327.21

Андрей Серафимович Грачев

ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЭКСТРЕМИЗМ

Заведующая редакцией **В. Е. Викторова**
Редактор **М. А. Рыжова**
Младший редактор **Е. С. Дых**
Оформление художника **И. И. Загурного**
Художественный редактор **А. М. Павлов**
Технический редактор **Л. П. Гришина**
Корректоры **Г. Б. Абудеева, Г. С. Михеева**

ИБ № 2830

Сдано в набор 20.05.85. Подписано в печать 22.10.85. А03464. Формат 84×108^{1/32}. Бумага типогр. № 1. Гарнитура школьная. Печать высокая. Усл. печ. листов 14,28. Усл. кр.-отт. 14,66. Учетно-издательских листов 14,78. Тираж 20 000 экз. Заказ № 1941. Цена 1 р. 30 к.

Издательство «Мысль». 117071. Москва, В-71, Ленинский проспект, 15

Ордена Октябрьской Революции, ордена Трудового Красного Знамени Ленинградское производственно-техническое объединение «Печатный Двор» имени А. М. Горького Союзполиграфпрома при Государственном комитете СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. 197136, Ленинград, П-136, Чкаловский пр., 15.

1 р. 30 к.

АС. Грачев **ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЭКСТРЕМИЗМ**